

**ВЕРНОСТЬ
СЛОВУ И ДЕЛУ**

Памяти Олега Маслова

Амурская областная научная библиотека
имени Н. Н. Муравьёва-Амурского

Отдел обслуживания

ВЕРНОСТЬ СЛОВУ И ДЕЛУ

Памяти Олега Маслова

Информационно-методические материалы

Благовещенск, 2016

Верность слову и делу : памяти Олега Маслова : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2016. – 148 с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели ; вып. 7).

Составитель: В. В. Соломенник

Ответственный за выпуск: Н. Г. Долгорук

Вёрстка и дизайн: М. И. Гнускова

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	4
СТРАННИК, ОЧАРОВАННЫЙ БЫТИЁМ: ВЕХИ СУДЬБЫ О. К. МАСЛОВА	6
ЭСТАФЕТА ДОБРА И МУДРОСТИ: ЛИТЕРАТУРНО- ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО О. К. МАСЛОВА	25
Поэзия: стихи, идущие от сердца	25
Проза: точка опоры	57
ПУБЛИЦИСТИКА О. К. МАСЛОВА: ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, РЕЦЕНЗИИ	63
ОЛЕГ МАСЛОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ	80
МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА О. К. МАСЛОВА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ	88
Щербакова О. И. Игровые начала в лирике О. Маслова	88
Поэзия Олега Маслова: беседа о поэтическом творчестве О. Маслова	96
Ганченко О. С. Нравственные и философские вопросы в лирике амурского поэта О. К. Маслова	103
СЦЕНАРИЙ ВЕЧЕРА ПАМЯТИ О. К. МАСЛОВА	120
ЛИТЕРАТУРА	127
Произведения О. К. Маслова	127
Литература о жизни и творчестве О. К. Маслова	142

От составителя

*Судьбе превратной не перечу,
Приемля жребий свой вполне, –
Идти всю жизнь заре навстречу,
Чтобы сгореть в её огне.*

*Быть может, есть завидней участь,
Но дорожу и этой я
И славлю тот счастливый случай,
Что дал мне радость бытия.*

*Улыбки от людей не прячу,
Ценю приход любого дня,
И ощущение удачи
Всегда преследует меня.*

О. Маслов

Имя Олега Константиновича Маслова (1932–2015) в Приамурье широко известно. Более полувека он проработал в здравоохранении, основоположник анестезиолого-реанимационной службы в Амурской области, кандидат медицинских наук, доцент, театральный критик, заслуженный работник культуры РФ, обладатель медали «За строительство Байкало-Амурской магистрали», Почётный гражданин города Благовещенска (1998).

Значительный след Олег Константинович оставил и в литературе. Издал 14 книг стихов и прозы. Член Союза писателей СССР (1981), позже – России. Член Союза русскоязычных писателей Израиля (2006).

Предлагаемые информационно-методические материалы представляют личность Олега Маслова, освещают вехи его биографии, определяют значимость его творческого наследия.

Данный сборник состоит из шести разделов. В первом прослеживается жизненный путь Олега Константиновича Маслова. Во втором разделе анализируются его поэтические и прозаические произведе-

ния. Третий раздел знакомит с публицистическими работами Маслова, раскрывает его литературоведческие способности и талант очеркаста. Особое место занимает четвёртый раздел, в котором своими воспоминаниями об Олеге Константиновиче и оценками его творческого наследия делятся его современники, друзья и коллеги. Пятый раздел содержит методические рекомендации к изучению жизни и творчества О. К. Маслова на уроках литературного краеведения. В шестом разделе опубликован сценарий творческого вечера памяти О. К. Маслова.

Литература в библиографическом списке сгруппирована в двух разделах: «Произведения О. К. Маслова» и «Литература о творчестве О. К. Маслова».

Сборник адресован широкому кругу пользователей: библиотечным работникам, преподавателям, краеведам, учащимся, всем, кого интересует творчество амурских писателей и поэтов. Сведения, предложенные в издании, могут быть использованы сотрудниками библиотек при организации книжных выставок, проведении обзоров, презентаций, для пополнения краеведческих фондов и выполнения справок. Сборник может служить информационно-справочным и библиографическим пособием при изучении жизни и творчества О. К. Маслова.

Данные информационно-методические материалы являются седьмым выпуском из краеведческого цикла «Русские судьбы: амурские писатели».

К сборнику прилагается диск, содержащий электронную версию информационно-методических материалов «Верность слову и делу. Памяти Олега Маслова»; фрагменты изданий О. К. Маслова; фотографии поэта; электронные презентации, посвящённые жизни и творческому наследию О. К. Маслова; документальные фильмы об О. К. Маслове: «Олег Маслов» (авторы – Анна Геут, Олег Лештаев, 2005), фильм, снятый в 2009 году в рамках авторской программы «Между тем...» Сергея Логвинова; материалы к вечеру памяти О. К. Маслова.

Странник, очарованный бытиём: вехи судьбы О. К. Маслова

В каких бы жизненных теснинах
Я лба себе не расшибал,
Меня спасала медицина,
А ямб крылатый поднимал.
Я полюбил и то, и это
Одной любовью в звездный час –
И лиру звонкую поэта,
И чашу горькую врача.
Не погреши на славословье,
Но утверждать всегда готов:
Нет краше песни, чем здоровье,
Бальзама лучшее – верных слов.

O. Маслов

Олег Константинович Маслов родился в г. Благовещенске 31 августа 1932 года, но детство провёл в небольшом шахтерском поселке Кивда (близ г. Райчихинска) в семье медиков: отец – военный хирург, а мать – операционная сестра.

Одно из первых воспоминаний детства: «Мне, наверное, года три было, когда мы из Кивды в гости к деду в Благовещенск приехали. Дед мой, Иван Акимович Маслов, преподавал в так называемой Никитской школе. Так вот, от вокзала до дедова дома ехали мы на пролёtkе. Красота! Цокот копыт, извозчик с вожжами...». Олег Маслов шутил, что поначалу мечтал стать извозчиком, так ему понравилось ехать на пролёtkе и слушать цокот копыт, что захотелось управлять лошадьми. Позже в статье «Слово о родном городе» Олег Константинович написал: «Навсегда остался в памяти цокот копыт и самое первое желание – быть извозчиком. До сих пор люблю рисовать лошадиные головы и пишу грустные стихи:

*Исчезли из быта кобыллы,
И тройки умчались в закат.
Одни «лошадиные силы»
Повсюду в моторах гудят...».*

В одном из интервью О. Маслов отметил: «На Амур в конце XIX века приехал вместе с семьёй из Усолья-Сибирского прадед Аким

Гаврилович Маслов. В Благовещенске жили и учительствовали дедушка и бабушка по отцовской линии. Их фотографии и сейчас хранятся в музее института усовершенствования учителей. Они имели свой дом по улице Красноармейской, 16 (сейчас на том месте находится здание управления УВД). Дедушка, Иван Акимович, умер рано, ещё до войны. Бабушка Мария Николаевна 52 года проработала в начальных классах. Заслуженная учительница школы РСФСР. В 1949 году удостоена ордена Ленина. А вот по материнской линии всё несколько сложнее. С дедом, отцом моей матери Ирины Константиновны, мне встретиться не довелось, хотя в школе, которую он основал в Кивде, учился. Звали деда Константин Георгиевич Кузовлёв, по образованию он юристом был. Его в начале 1930-х годов забрали, и больше бабушка его не видела: дед имел несчастье в гражданскую войну воевать не под теми знамёнами. Мать моя недолго до своей смерти семейный снимок мне показала, ещё дореволюционный – мой дед, молодой и красивый, а рядом с ним его отец, мой прадед. И до того он мне знакомым показался! Прямо вылитый Циолковский. А мать подтвердила: так он и был двоюродным братом Константина Эдуардовича, оттого и похож. Выходит, предки мои самое прямое отношение к космосу имели».

Медицинская линия в семье сельских учителей Масловых началась с Константина Ивановича – отца Олега Константиновича. Константин Иванович после окончания школы в 1926 году поехал в Иркутск, поступил на медицинский факультет университета и в 1930 году его окончил. В те годы в Амурской области развивалась угольная промышленность. Была построена Кивда как кочегарка для Транссиба – шахтерский поселок, там больницы никакой не существовало, и вот его направили туда. Он начал с врачебного пункта, а затем построил больницу, стал главным врачом и хирургом. По тем временам Константин Иванович был авторитетным хирургом, проводил сложные операции. Эта больница перед Второй мировой войной считалась образцовой в Хабаровском краиздравотделе (до 1948 года Амурская область административно входила в состав Хабаровского края). В ней были даже рентгеновский кабинет и физиотерапевтическое отделение, что в те времена считалось роскошью не только для поселковых больниц.

Супруга, Ирина Константиновна, работала учительницей в Кивдинской школе, но, окончив по настоянию мужа медицинские курсы, она стала работать операционной сестрой, а затем долгие годы – акушеркой.

В годы Великой Отечественной войны Константин Иванович служил на Дальнем Востоке. В качестве ведущего хирурга медсанбата в 1945 году участвовал в Маньчжурской кампании, затем стал начальником хирургического отделения госпиталя. Самая его высокая воинская должность – главный хирург знаменитой Особой Краснознамённой Дальневосточной Армии, которой командовал дважды Герой Советского Союза генерал Д. Д. Лялюшенко. Когда армию реформировали, Константин Иванович 10 лет занимал должность начальника хирургического отделения Белогорского госпиталя. После демобилизации возглавил травматологическое отделение в городской больнице, где работал до своей кончины в 1975 году.

Ирина Константиновна, работавшая медсестрой в железнодорожной больнице, переехала в Благовещенск и жила у сына вплоть до ухода из жизни.

«Чаше всего в таких семьях дети идут по стопам родителей. Они сердцем чувствуют благородство врачебной профессии. Повседневно видят, как отец и мать несут облегчение страдающим людям и как за это их уважают и почитают. Естественно, в детской душе возникает непреодолимое желание им подражать, а дальше всё складывается как бы само собой», – пишет амурский поэт, писатель И. Д. Игнатенко.

До 8 класса Олег Маслов не то, что мечтал, а твёрдо знал, что будет врачом. Иначе быть не могло: в семье царил дух медицины. Но...

В 1949 году Олег Маслов окончил среднюю школу. К тому времени у него отчётливо проявилось влечение к литературе. Обратимся к воспоминаниям Олега Константиновича: «Будучи учеником десятого класса, я уже опубликовал стихотворение в областной газете “Амурская правда”, и все мои мысли были о том, чтобы податься на какой-то гуманитарный факультет по литературной части. Но учителем я быть не хотел и в пединститут не желал поступать. А для того чтобы поступить в университет, у меня не хватало иностранного языка. А так как я вырос в семье медиков, то поехал в Хабаровск сдавать экзамены в медицинский институт. Вначале без особого желания: сдам так сдам. Но поскольку нас хорошо учили в школе, то, не заглядывая ни в один учебник, я на “пятёрки” сдал все экзамены и стал там учиться. Ну а потом я уже себя и не мыслил вне врачебной профессии».

Так получилось, что не профессия врача привела Олега Маслова в литературу, наоборот, невозможность учиться на литератора привела юношу в медицинский вуз. «Первые три года больше по театрам ходил, чем учился, хотя экзамены сдавал легко, – вспоминает

Олег Константинович. – Стал даже рецензии на спектакли писать». И откуда у сельского парня такая любовь к театру?: «Со школьного драмкружка, который у нас в Екатеринославке вела Анфиса Парфирьевна Сокол, жена нашего директора Федора Федоровича Слуцкого (имена хорошо известные амурской педагогике). Я у Анфисы Парфирьевны играл Подколесина в «Женитьбе» и... заболел театром. Мою первую хабаровскую рецензию до сих пор читают со сцены... во Франции». В Хабаровском драматическом театре служил в те годы молодой актёр Лев Круглый. Потом он в Москву уехал, немало в различных фильмах снимался, а в последние годы более 20 лет живёт в Париже – читает зрителям Чехова, что-то из своей жизни вспоминает. Олег Маслов сдружился с Львом Круглым, всю жизнь они вели переписку. В одном из писем. Л. Круглый написал О. Маслову: «Вспоминаю Хабаровск, читаю тебя со сцены...». Что же он читает? Маслов опубликовал в «Молодом дальневосточнике» рецензию на «Порт-Артур». В этом спектакле Лев Круглый играл сразу пять эпизодических ролей. Маслову хотелось похвалить друга, и в рецензии он написал: «Глядя на игру комсомольца Круглого, невольно вспоминаешь великого Станиславского: нет маленьких ролей. Есть маленькие актёры». С присущей ему иронией О. Маслов в интервью А. Филоненко сказал: «Редактор почему-то эту абракадабру просмотрел, она увидела свет и... вошла в сегодняшний репертуар Льва».

Олег Маслов писал: «Я беззаботным студентом, ведущим богемный образ жизни, был лишь до третьего курса. А потом всерьёз хирургией увлёкся». Ко времени окончания – в 1955 году – Хабаровского медицинского института в его активе было несколько десятков самостоятельно выполненных аппендэктомий и грыжесечений. Распределение в распоряжение Амурского облздравотдела его вполне удовлетворило. Маслов получил направление в Благовещенск на должность хирурга областной клинической больницы, в которой трудились замечательные хирурги. Несомненным лидером был Евгений Константинович Белоусов, работа с которым была визитной карточкой хирурга и считалась своеобразным критерием его врачебного мастерства. Здесь же располагалась и кафедра госпитальной хирургии БГМИ во главе с профессором Германом Яковлевичем Иоссесом. Олег Маслов попал в коллектив специалистов, каждый из которых не только думал о своём профессиональном росте, но и умел радоваться успехам коллег, особенно молодым:

*И потекли, наград не прока,
В трудах, сомненьях и борьбе,
Страды врачебной дни и ночи,
Где и не вспомнить о себе.*

Н. Георгиевский в очерке «Право на счастье» приводит слова О. Маслова: «Человеку для полноты счастья нужно совсем немного – внутренняя свобода, желание и умение трудиться. Это вовсе не пустое умозаключение. После пяти лет безоглядного увлечения хирургией я сделал, наверное, главный выбор в жизни: освоил едва зарождавшуюся перспективную специальность – анестезиологию, с её новыми подходами к обезболиванию и защите больного от операционной травмы и стресса».

В мае 1958 года Олег Маслов, молодой преуспевающий хирург, отправился в Ленинград на курсы специализации по анестезиологии. Само название этой только что зарождавшейся в Амурской области медицины он узнал чуть ли не накануне отлёта и, уж конечно, не допускал и мысли, что случайное знакомство с нею обернётся для него пожизненным «браком по любви». Речь шла не более чем об освоении нового метода наркоза. «Ну что ж, – рассуждал Олег Маслов, – придётся по возвращении два-три раза в месяц постоять на наркозе. А там, глядишь, передам кому-нибудь поможе...». У Маслова всегда было право выбора, он всю жизнь много работал и занимался тем, чем хотел. Вот что о тех годах говорил Олег Константинович: «В то время как раз наметилось в медицине появление новой её отрасли – анестезиологии. Я прошёл первичную подготовку в одной из клиник Ленинграда. И когда для меня стал ребром вопрос кем быть: либо хирургом, либо анестезиологом – я пошёл в анестезиологию. Требовалось ещё набраться знаний и умений, чтобы по-настоящему начинать новое дело. Как раз к тому времени вышла книга профессора Жорова “Общее обезболивание в хирургии”. И мы с главным врачом Мариной Васильевной Кошелевой отважились и написали письмо профессору Жорову с просьбой принять меня на учебу. Он ответил очень быстро, что согласен, но жилье я должен подыскать себе сам. Благо в Москве у меня были друзья, и один из них, с которым мы познакомились в Хабаровске, актер Лев Круглый уступил мне свой диван в коммунальной квартире. Без друга ничего бы не вышло. Я ему очень благодарен, сейчас он живет в Париже, мы переписываемся с ним и продолжаем нашу дружбу. Пройдя солидную подготовку в течение полугода, я вернулся в Благовещенск. Здесь было орга-

низовано анестезиологическое отделение, объединённое с операционным. Потом я получил предложение перейти на кафедру хирургии в Благовещенский медицинский институт. Я возглавил там курс анестезиологии. Нашёл себе тему для научной работы. Оформил её как кандидатскую диссертацию в 1969 году. Защитить её можно было на два года раньше, но тогда к нам приехал Ярослав Петрович Кулик, и мы занялись сердечной хирургией, я тоже впрягся туда. После защиты были все перспективы перейти к докторской диссертации».

Осенью 1960 года после возвращения со специализации в Москве в Благовещенске при больнице было создано анестезиологическое отделение. Появились новые препараты, освоили наркозы с искусственной вентиляцией лёгких. 20 лет Олег Константинович Маслов был главным анестезиологом области. Его ученики трудятся в городах и сёлах Амурской области.

С 1965 года Олег Маслов работал в Благовещенском медицинском институте: сначала в должности ассистента, а затем – доцента кафедры общей хирургии по курсу анестезиологии и реаниматологии. Медицина, по словам О. Маслова, «это моё Михайловское, моя Ясная Поляна».

В такой круговорти событий Маслову было весьма трудно найти время для литературного творчества – в то время было физически не до стихов. Медицина навсегда осталась главным и первым делом О. К. Маслова:

*Мой Красный крест, тяжёлый крест,
Навек вручённый мне судьбою,
Мне никогда не надоест
Нести тебя перед собою.
Ты кровью светишься во мгле
И утверждаешь, что от века
Одна есть вера на земле –
В земную жизнь и человека.
И на путях страды земной
Не ведать мне душевной стыни.
Пока горит передо мной,
Моя бесценная святыня.*

Когда-то много лет назад в «Амурской правде» было напечатано письмо рабочих совхоза «Паруновский» Серышевского района В. Яценко и Н. Яценко: «Наш сын Гена родился с тяжёлым пороком

сердца. До 12 лет он часто болел, был очень слаб, не мог со сверстниками ходить в школу. Мы уже потеряли надежду на спасение сына, но тут узнали, что ему могут помочь врачи областной больницы. После нашей просьбы сына взяли на обследование и потом ему сделали на сердце операцию с применением аппарата искусственного кровообращения. Сейчас здоровье Гены хорошее, и мы просим редакцию передать нашу сердечную благодарность хирургам Я. П. Кулику, М. В. Судакову, А. Г. Юрченко, В. И. Шишлову, анестезиологу О. К. Маслову...».

Такие тёплые строки Олег Константинович читал в своей жизни бесчтное количество раз. Простые люди постоянно благодарили его за добро, которое он приносит людям, находясь на своём посту врача. Он стоял у истоков развития в нашей области такой важной отрасли медицины, как анестезиология. Он был одним из создателей кардиологического центра в Благовещенске, где с помощью аппарата искусственного кровообращения больным делались операции на сердце, где выросло целое поколение славных специалистов и учёных, создавших крепкую научную и практическую базу для лечения кардиобольных. Это он в своё время сагитировал будущего известного в учёном мире хирурга Я. П. Кулика поехать в Благовещенск и начать там кардиологическую практику, став его соратником, помощником и другом.

В конце 1965 года Маслов в Москве на курсах по подготовке бригад для операций на сердце познакомился со своим сверстником Ярославом Петровичем Куликом – кардиохирургом из Смоленска. В октябре 1966 года Ярослав Кулик приехал в Благовещенск. Они впервые в Амурской области провели 12 совместных успешных операций на сердце во второй городской больнице Благовещенска (ныне кардиохирургический центр). Кулик получил предложение поработать в Благовещенске. В марте 1967 года Кулик приехал на заведование кафедрой общей хирургии Благовещенского государственного медицинского института (ныне амурской медицинской академии). Он сразу объявил, что намерен заниматься сердечными операциями и искусственным кровообращением, и поставил задачу – делать операции на открытом сердце. Без анестезиологии операции на сердце были невозможны. Если вскрыть грудную клетку и оставить оперируемого на своём дыхании, то уже через 10–15 минут он не выдержит и умрёт. Когда Ярослав Петрович объявил, что через один-два года в Благовещенске будет современная кардиохирургия, большинство из врачей не восприняли это заявление всерьёз. Но через два

года в нашей области и вправду работал АИК (аппарат искусственного кровообращения), дышали донорские лёгкие, хирурги устранили сложные врожденные и приобретённые пороки сердца, вшивали искусственные клапаны, чего не было нигде на Дальнем Востоке. Правда, для этого потребовалось трудиться дни и ночи: днём Кулик, Маслов и их соратники работали в клинике, а вечером приходили в экспериментальную операционную и до 11–12 часов ночи отрабатывали технику искусственного кровообращения на собаках, которых приходилось ловить по городу самим же. И так изо дня в день в течение двух лет.

Подробно эту эпопею описал амурский прозаик Борис Машук в документальной повести «В тайны сердца». Обобщая этот период жизни, Олег Маслов сказал: «Вообще говоря, Кулик – личность, несомненно, талантливая, многогранная и противоречивая. Тут важна вот какая вещь. Он на собственном примере доказал, что не место красит человека, а человек место. Заслуга Ярослава Кулика не только в том, что он создал в Приамурье службу сердечной хирургии, но и наглядно доказал, что при большом желании и упорном труде даже в самой отдалённой российской провинции можно делать большие дела. Многие из тех, кто скептически улыбался при знакомстве с его планами, впоследствии стали крупными учёными благодаря тому, что увидели перед собой живой пример и поверили в себя. Если бы не Кулик (а ведь мы здесь уже и клапаны пересаживали и внутрисердечные операции делали), то и Амелина не поднялась бы до своего уровня, и Луценко, и другие. А что касается искусственного кровообращения, то ни в Хабаровске, ни во Владивостоке его не было, только у нас... А для того чтобы преуспеть, нужно было пахать по чёрному, в самых чёрных условиях. Ярослав был способен на это».

В то время Олег Константинович, по собственному признанию: «Увлёкся наукой по-настоящему. Чувствовал, что внедрение современных методов анестезиологии много пользы принесёт. Занялся также проблемой обеспечения родов при позднем токсикозе беременности. Защитил диссертацию по этой теме. Пусть не решил все проблемы, но помочь родиться здоровому ребёнку помог».

После завершения ряда научных поисков, защиты диссертации поэзия навсегда заняла свое место в жизни О. Маслова. Примечательно, что на становление Маслова-поэта оказало творчество земляков – Петра Комарова и Леонида Завальнюка. Предоставим слово Олегу Константиновичу: «Когда защитил диссертацию, к поэзии потянуло с новой силой. И тут встала дилемма: то ли заняться стихо-

творством всерьез, то ли опять отложить все это дело и заняться докторской. Я как-то не мог сочетать и то и другое, потому что все это для меня было творчеством, и быть одновременно в двух творческих сферах не получалось. А тут как раз приехал Леонид Завальнюк, ныне известный поэт, он каждый год приезжал к нам в Благовещенск. Он предложил издать книжку моих стихов. Первая книжка потянула за собой другие. И я сознательно отложил докторскую диссертацию и занялся стихотворством. Навсегда благодарен Леониду Завальнюку, который проявил инициативу в издании моей первой книжки стихов и таким образом дал путевку в большую литературу».

Первое стихотворение О. Маслова «Твоё имя – прорыв вдохновения», посвящённое А. С. Пушкину, было напечатано 13 февраля 1949 года в газете «Амурская правда». Он тогда учился в 10 классе Екатеринославской средней школы. В период студенчества Маслов публиковал стихотворения в журнале «Дальний Восток», коллективном сборнике молодых поэтов «Первый запев», также в газетах печатались его рецензии на театральные спектакли.

Первая книга «Моя профессия» вышла в 1973 году. В ней и лирика, и философские раздумья об ответственности человека перед собой и людьми. Особое место занимают стихи о благородной профессии врача. В 1975 году вышел второй сборник стихов – «Страда земная», затем последовали «Передний край» (1980) и «Костёр» (1985) и другие.

Практически во всех своих книгах О. Маслова проходит мысль, что борьба за человека – за здоровье тела его и духа – есть передний край забот автора-поэта и врача. Маслов-медик борется за жизнь пациента, Маслов-поэт, на том же переднем крае, с полным использованием творческого арсенала ведёт борьбу за душевную красоту и чистоту человека.

9 апреля 1981 года газета «Амурская правда» сообщила, что О. Маслов принят в Союз писателей СССР.

Маслов, как и другие амурские писатели часто выезжал в районы области для творческих встреч с населением. Настоящую «экзекцию» устроили ему заключённые в Тахтамыгде. Олега Константиновича удивило, что они довольно хорошо знакомы с его творчеством, просили прочесть стихотворения разных лет. Затем посыпались вопросы из зала.

«– За какую команду вы болеете?

– Я всю жизнь являюсь поклонником двух команд – благовещенского «Амура» и сборной СССР по футболу.

- Правда ли, что Савелий Крамаров эмигрировал в США?
- Я такой информацией не располагаю и ни подтвердить, ни опровергнуть сей факт не могу.
- Можно ли здоровому человеку проживать в одном помещении с больным туберкулёзом?
- Существующие медицинские распоряжения исключают такую возможность, однако не только на зоне, но и в обычной жизни они далеко не всегда выполняются.
- Как вы относитесь к творчеству Асадова?
- У каждого поэта свой читатель. Судя по вопросу, творчество Асадова вам близко и понятно. Читайте на здоровье.
- Почему современные поэты не пишут, как Гомер?
- У хабаровского поэта Бориса Копалыгина есть такие строчки: «Почему же сосед мой мне дальше Гомера, / Хоть нас с ним разделяет не эра – фанера?». Как видите, Гомер не забыт, более того, близок нам. Вы также можете спросить: почему мы не пишем, как Лермонтов? Невозможно повторить творчество великих, слишком разные эпохи, условия бытия. Талантливых поэтов в Советском Союзе много, но станут ли они в один ряд с Гомером и Лермонтовым? Вероятность этого ничтожно мала. Появление гениев разделяют, увы, столетия. Если не возражаете, я прочту вам кое-что из Лермонтова...».

В 1994 году за сборник стихотворений «Мой век» Маслов был удостоен Премии Амурской области в области литературы и искусства, став её первым лауреатом.

В литературно-художественном сборнике «Приамурье-1998» состоялся дебют О. Маслова-прозаика: напечатаны «невыдуманные врачебные рассказы» «Точка опоры». В «Приамурье-2001» были опубликованы врачебные и туристические мемуары.

В 1998 году впервые в истории Благовещенска почётным гражданином стал представитель «интеллектуально-творческого сословия» (В. Алексеев) – Олег Константинович Маслов.

У Олега Константиновича была замечательная Муза – супруга Нелли Яковлевна.

Нелли Розенфельд в 1960 году окончила Хабаровский медицинский институт и после ординатуры приехала в Благовещенск ассистентом на курс фтизиатрии БГМИ, который она потом и возглавила. Здесь молодых, начинающих врачей и свела судьба. Долгое время Нелли Яковлевна была главным фтизиатром облздрава, стала заслуженным врачом РФ. Она возобновила движение «Белые ромашки», которое возникло ещё в XIX веке. «Белые ромашки» занимались профилак-

тикой детского туберкулёза. В 2000 году Нелли Яковлевна ушла из жизни. В октябре 2001 года состоялась областная конференция, посвящённая 70-летию фтизиатрической службы области и образованию противотуберкулезного диспансера, в канун которой вышли её труды. Перед началом конференции была открыта мемориальная доска в память о Нелли Яковлевне на здании противотуберкулезного областного диспансера.

Масловы воспитали трёх дочерей. Старшая, Марина, живёт в Москве, она кандидат медицинских наук, акушер-гинеколог. Две другие дочери – Юлия и Ирина – выпускницы Благовещенского медицинского института. Юлия, так сложились обстоятельства, первой уехала в Израиль, подтвердила там свой диплом, прошла интернатуру и стала офтальмологом. Вслед за ней, после защиты кандидатской диссертации на кафедре госпитальной терапии, отправилась на землю обетованную младшая дочь Ира. «В семье медиков свой особый уклад жизни. Дело в том, что я вырос в хирургической среде. А хирургия отличается от других специальностей тем, что она самая неспокойная. Это регулярные дежурства, постоянный риск в отношении больного, который мы всегда тяжело переносим. Но с другой стороны, это результативная специальность. Профессия накладывает отпечаток на врача. Нас мало беспокоило, что находится у нас в холодильнике, что надеть и прочее. Всегда на первый план выходила работа, потому что именно там решаются вопросы жизни и смерти. Это как на фронте в бой идти», – признавался Олег Константинович.

Кроме медицины и поэзии Маслова привлекали путешествия. Как член правления Всесоюзного общества анестезиологов Олег Константинович побывал на съездах во многих городах нашей страны. Как турист совершил путешествия во много стран мира.

Сам при жизни ставший без преувеличения классиком амурской литературы, Олег Константинович не забывал предтеч и стал одним из организаторов ежегодных мемориальных Дней литературы дальневосточного поэта Петра Степановича Комарова, выезжал в сёла Поповка, Молчаново Мазановского района, город Свободный – амурскую родину Комарова.

В сентябре 2005 года Маслов переехал на постоянное место жительства в Израиль, где живут его дочери. Но и там продолжил заниматься литературным творчеством. В 2006 году после публикации стихотворений в альманахе «Юг» (Ашкелон) Олег Маслов был принят в Союз русскоязычных писателей Израиля. В 2007 году выпу-

стил сборник стихов и прозы «Из века в век», готовил к изданию другие сборники.

В одном из писем журналистам газеты «Амурская правда» О. Маслов написал: «До сих пор живу в двух измерениях: днем в Израиле, ночью – в Благовещенске. Недавно у меня вышла книга “Из века в век”, которую постараюсь выслать в редакцию. Начинается она с раздела “На земле обетованной”. Половина стихов из него уже была опубликована в “Амурской правде”. Написал литературные мемуары о Саше Красном, Николае Задорнове, Всеволоде Сычёве».

Своё 75-летие Олег Константинович Маслов встречал не на родной амурской земле, а в подмосковном Доме творчества Союза писателей России Переделкино. Конечно, жалко, что не на амурских берегах. Но так решили он сам и его потомки.

Каждый год поэт старался побывать на родине в Благовещенске, в любви к которому признался в статье «Слово о родном городе»: «Когда соотечественники, живущие по ту сторону Урала, просили рассказать о городах Дальнего Востока, я отвечал так: самый главный – Хабаровск, самый промышленный – Комсомольск, самый цивилизованный – Владивосток и самый лучший – Благовещенск. И это было искренне. Для меня он самый лучший, прежде всего, потому, что он мой: здесь мои корни, ствол и ветви <...> Я люблю свой город, особенно в летнюю пору. Какой же он ровный и зелёный, объятый двумя могучими реками в своей старой части».

В 2008 году Олег Маслов, три года проживший в Израиле, приехал в Благовещенск. Известие о том, что в Благовещенск на непродолжительное время приехал Олег Константинович, всколыхнуло культурную и медицинскую общественность города. На многочисленные телефонные звонки он отвечал кратко: «Все дни у меня расписаны буквально по часам, но давайте попробуем отыскать свободное “окно”. И немудрено – всем амурчанам хотелось пообщаться с любимым поэтом. Так, в Амурской областной научной библиотеке имени Н. Н. Муравьёва-Амурского Олег Константинович встретился со своими поклонниками. Олег Константинович поделился впечатлениями о жизни на земле обетованной. Почитал стихи – новые, сочинённые в Израиле, а также старые, чтобы порадовать любителей его поэзии.

В интервью В. Кохно О. Маслов сказал, что приехал домой: «Хотя паспорт говорит об обратном. А домой возвращаться всегда приятно. Я бы, наверное, никуда и не уезжал, если бы не две вещи: старость и одиночество, потому что когда они совмещаются – хоро-

шего мало. И потом, я дружил со многими актёрами и хорошо запомнил одну истину: со сцены нужно уходить тогда, когда тебя ещё хотят видеть. Я уехал к детям и об этом не жалею».

В беседе с журналистом А. Бобошко О. Маслов рассказал, что в городе Ашкелоне он прожил первый год своего пребывания в Израиле, а сейчас живёт у дочери Ирины в Ришон-ле-Ционе – в городе с населением 100 тысяч человек. В городе существует несколько литературных объединений, и Олег Константинович посещает сразу два. Первым руководит Леонид Финкель – ответственный секретарь Союза русскоязычных писателей Израиля. В Тель-Авиве живёт председатель, а в Ришон-ле-Ционе – секретарь. Маслова выслушали, почитали его стихи и предложили опубликоваться в местном ежегодном альманахе «Юг», объём которого составляет около 300 страниц. Члены ЛИТО собираются раз в неделю по средам. По словам Олега Константиновича, в этом объединение «как-то все излишне официально. Чтобы высказаться по душам, есть другая группа литераторов – под названием “Тропа”. Тут иная, более раскованная, доверительная обстановка. К сожалению, её практически не посещает творческая молодежь. Мы ведь собираемся днём, а они в это время работают. Знаю, у молодой поросли есть своя писательская ассоциация, но я пока с ними не встречался».

По совету Финкеля Маслов вместе с младшей дочерью Ириной подготовил рукопись сборника стихов и прозы «Из века в век» и отнес её в отделение Министерства абсорбции, которое абсорбирует тех, кто приезжает в Израиль. Оно переслало рукопись в Иерусалим на закрытую рецензию, где ей дали хорошую оценку. После чего это отделение выдало Маслову сумму, достаточную для издания его книги в двести страниц. Там так помогают каждому приезжему писателю, готовящему у них первую книгу. Тираж зависел от Олега Константиновича, который выбрал объём книги в 200 страниц.

Рассказывая о своей повседневной жизни в Израиле, Олег Маслов отметил: «Хотя я не еврей, вдобавок нахожусь в глубоко пенсионном возрасте, а значит, толку в этом государстве от меня мало, тем не менее получаю от Израиля пенсионное пособие две тысячи двести шекелей (один доллар – 3,3 шекеля) и квартирные, которые составляют 600 шекелей. К тому же еще пенсию из России. Я живу в рабочей семье, вношу свой вклад, но у меня остается ежемесячно до полутора тысяч шекелей. Я основательно «подремонтировал» свой организм, поменял хрусталик глаза. А также исполнил свою давнюю мечту – посетил Париж. Помимо этого, съездил в Швейцарию.

В июне этого года побывал в Италии, Монако, Монте-Карло. Перед входом в знаменитое казино мне показали парк, где зарегистрировано около 350 самоубийств. Я не захотел пополнять этот список и потому не вошел в зал казино. В Генуе осматривал домик Колумба. Посетил в Вероне дворик шекспировской Джульетты. Долго смотрел на её балкон, но она не вышла. Я, обиженный, ушёл».

Как видим, несмотря на солидный возраст, Олег Константинович не потерял чувство юмора.

На встрече с поклонниками О. Маслов поделился своими планами: «Занимаюсь литературой с детства, и у меня ещё много планов на будущее. Готовлю большую книгу, где будет цикл как врачебных, так и неврачебных рассказов, новые стихи, а также пьеса «Филантроп», которая пока еще нигде не публиковалась. А также замыслил издание под условным названием «Главное» (из записных книжек), где я размышляю о России, Сталине, о Боге».

Сказал, что ничуть не ощущает отрыв от России: «На земле Обетованной почувствоваться себя за границей очень трудно. Почти каждый пятый или седьмой прекрасно говорит на русском языке, поскольку он выходец из Советского Союза. Выходит масса газет и журналов на нашем языке. Мы смотрим множество телеканалов из России, а также то, что здесь никогда не увидят. Например, передачу «Москва – Нью-Йорк», которая славится своей независимой позицией. Есть канал наших фильмов, старинных, любимых. Так что бывают дни и даже недели, когда я вообще не слышу иностранной речи. В Израиле я увидел воочию звезд нашей эстрады, которых я раньше видел только на голубом экране: Ефима Шифрина, Валерия Леонтьева, Иосифа Кобзона, театры Моссовета и БДТ. На 70-летие Высоцкого приехала большая группа артистов вместе с сыном барда Никитой».

На вопрос: «Вспоминаете родину?» Олег Константинович ответил: «Я о ней и не забывал. Постоянно ощущаю, что телом живу в Израиле, а душой в своем родном Приамурье». Амурский врач и поэт Николай Романович Левченко по этому поводу с присущей ему иронией написал дружеский лирический шарж:

*Я полюбил и то и это
Одной любовью в звёздный час:
Восток мой Дальний, где край света,
И Ближний, где живу сейчас.
Но с каждым днём яснее вижу,
Что Дальний – всё же ближе, ближе...*

Израильский дом Олега Константиновича нередко посещали гости из России, в том числе из Амурской области. Про телефонные звонки от друзей и знакомых и говорить не приходится. Так что связь с родиной самая тесная.

В 2011 году Олег Константинович привёз в подарок благовещенцам и жителям области книгу «И чаша, и лира» (2009). «Так случилось, что на протяжении всей сознательной жизни я без отрыва от врачевания писал стихи. Писал обо всём, что волновало, о чём думалось по ходу жизни. А она полна была событиями всех уровней: от глобально-мировых до личностно-житейских. Вращаясь одновременно в двух сферах деятельности, врачебной и писательской, мне довелось общаться со многими интересными людьми. Всё это часто не вмешалось в стихотворные строки, требовало обстоятельного разговора с собой, с вероятным читателем. Вот и родилась идея собрать всё написанное за многие годы и издать прозаическую книгу, не претендуя при этом на лавры прозаика. Просто хочется поделиться с тобой, читатель, чем жил, что делал, к чему пришёл. Буду счастлив, если всё это найдёт отклик в твоей душе», – написал Олег Константинович в авторском слове.

Перед этим приездом в Благовещенск Олег Маслов побывал в Лондоне – давно мечтал об этом. В беседе с журналисткой В. Кохно О. Маслов рассказал, чем ему понравилась страна туманного Альбиона: приветливостью англичан, их доброжелательностью. Веками сохраняемыми традициями. Двухэтажными автобусами, в которых есть специальные устройства: вставил в ухо – и тебе на чистом русском языке невидимый гид рассказывает о всех главных достопримечательностях. Ирландским пивом. Переменчивостью погоды. Когда Олег Константинович стоял у Букингемского дворца, он вспомнил матроса Колю Букина, автора песни «Прощайте, скалистые горы», который в первый вариант текста вписал и своё легендарное имя.

В Лондоне Олег Маслов пробыл неделю. За это время посетил почти все значимые исторические места, на теплоходе исследовал реку Темзу. Побывал в Оксфорде, так как вспомнил, что именно там и зародилась такая важная отрасль медицины, как анестезиология, которой он отдал более полувека. С благоговением ходил он под сводами этой колыбели многих мировых научных открытий, где трудились величайшие умы нескольких эпох. А ещё в Лондоне Олег Константинович встретился со своей дочерью Юлией, которая приехала туда на очередную специализацию так же из Израиля, где работает офтальмологом.

Если подсчитать страны, которые он посетил за последние десять лет, то их уже не менее полутора десятка: Франция, Италия, Швейцария, США, Чехия, Греция... Соотечественники его нередко спрашивают о том, где жить лучше? Извечный русский вопрос. Хотя ответ на него, шутит Олег Маслов, так же стар, как этот мир: «Там, где нас нет».

Из всех заграничных мест, которые наиболее интересны Олегу Константиновичу, на первом месте стоит Рим.

Олег Константинович был героем программ «Между тем» и «Простые вопросы». Отвечая на вопрос Павла Савинкина «Кто родился вперёд, Маслов-врач или Маслов-поэт?», Олег Константинович ответил: «Человек!».

Последний раз Олег Маслов навещал Благовещенск в 2012 году, встречался с читателями, дарил свои книги. Даже в 80-летнем возрасте ему удавалось сохранять блестящую память – все стихи он читал наизусть.

«Я считаю себя удачливым человеком, – говорил Олег Константинович. – Судьба улыбалась мне не раз и в работе, и в семейной жизни, и в литературном творчестве. В конце концов, когда подводятся итоги, смотришь, а что получилось из того, что ты начинал. Вот тут я счастливый человек, потому что я был первый дипломированный анестезиолог, а сегодня анестезиологов и реаниматологов в области больше, чем хирургов, не говоря уже о других специалистах хирургического профиля».

Олег Константинович Маслов скончался 27 мая 2015 года. Похоронен в окрестностях израильского города Ришон-ле-Цион, где он жил в последние годы.

В рабочем столе Олега Константиновича младшая дочь Ирина обнаружила рукопись его последнего стихотворения:

Всюду ты все сгоряло, все сквозило,

Нет занды, он несет сюда,

Все чудеса исчезали разбрасывали
И будильев заздривали муха.

Вот ты и проебываешь ко-хозяйственны
С трудового наркота сгоряло
и, расшибившись с ногами броняю

насекомых

Все это заслужено и никого

Близок к затвердевшему срок

ознорялеб,

Что - и нозадеял подибез зернот,

Но этого в разы лучше озагорялеб,

Не пересыпал за норот.

Как отмечает амурский поэт и прозаик И. Д. Игнатенко: «Олег Константинович оставил стихотворение без завершающей точки. Может быть, хотел что-то додумать и дописать позже. Возможно, эта метафора ухода, срыва в бесконечность небытия. В таком случае многоточие, например, было бы ложно. Хотя, скорее всего, истина гораздо проще – кончились силы даже поставить эту самую точку».

9 июня 2015 года в актовом зале Амурской областной научной библиотеке имени Н. Н. Муравьёва-Амурского состоялся Вечер памяти Олега Константиновича Маслова – поэта и врача. Он ушёл из жизни, но не покинул сердца друзей, коллег, родных и близких. Участие в вечере приняли те, кто любит его творчество, а также его друзья, коллеги-медики, писатели и поэты.

В предисловии к книге «И чаша, и лира» Олег Маслов писал: «Так случилось, что на протяжении всей своей сознательной жизни я без отрыва от врачевания писал стихи. Писал обо всём, что волновало, о чём думалось по ходу жизни... Вращаясь одновременно в двух сферах деятельности, врачебной и писательской, мне довелось общаться со многими интересными людьми».

«Интересные люди» – друзья, коллеги, почитатели творчества Олега Константиновича – собрались, чтобы вместе почтить память замечательного человека, поэта и врача его стихами, воспоминаниями о нём.

Врачи – Николай Романович Левченко, Илья Исакович Кошер, Анатолий Александрович Тукалов – вспоминали годы совместной работы с Олегом Константиновичем.

Поэты – Игорь Данилович Игнатенко, Александр Семенович Бобошко, Владислав Григорьевич Лецик – свидетели творческих поисков и свершений, рассказывали о своих встречах с Олегом Масловым, читали его стихи.

Воспоминания друзей и коллег помогли слушателям понять, как удалось Олегу Константиновичу пройти по двум колеям жизненного пути, которые, к счастью, вели в одном направлении – к познанию Истины и Красоты.

Почитатели таланта Маслова-писателя – студенты БГПУ Максим Голев и Виктория Гавриленко, учитель русского языка Михайловской школы Эмма Васильевна Мельник отдали дань Олегу Константиновичу исполнением его произведений.

Последние годы жизни Олег Константинович провел в Израиле. Переезд с Дальнего Востока на Ближний заставил поэта взглянуть на

многие вещи по-другому, задуматься над, казалось бы, давно решенными вопросами.

Огромную радость поэту доставляла возможность общения с земляками-амурцами. Так, журналист Сергей Логвинов, автор программы «Между тем...» лично встречался с Олегом Масловым и представил возможность посмотреть на Вечере памяти фрагменты из своего фильма о жизни поэта на Земле Обетованной, услышать стихи в авторском исполнении.

Олег Константинович, совмещая врачебную практику и поэтическое творчество, доверительно общался с людьми, делился, чем жил, что делал, к чему пришел. И говорил, обращаясь к своему читателю: «Я буду счастлив, если моё творчество найдет отклик в твоей душе».

Вечер прошёл на удивительной волне доброты, душевности, искренности и порой такого жизнеутверждающего юмора, которым отличался Олег Константинович. Несколько минут хватало, чтобы зарядиться от его стихотворений массой положительных эмоций, плащущих через край, поразиться искромётности его юмора, великолепной памяти, образованности и бесконечной молодости его души, распахнутой к миру.

15 июня 2016 года вечер, посвящённый памяти Олега Маслова, сотрудники областной научной библиотеки провели для студентов Амурской государственной медицинской академии в рамках проходящей в ней гуманитарной недели.

В этот же день на здании хирургического корпуса старой областной больницы г. Благовещенска по инициативе общественной организации врачей «Медицинская палата Амурской области» установлена мемориальная доска памяти О. К. Маслова.

Эстафета добра и мудрости: литературно-художественное творчество О. К. Маслова

На многочисленных встречах с читателями Олег Маслов, определяя себя, обычно говорил: «Своей профессией я всегда считал и считаю врачевание, а поэзия была для меня средством осмыслиения своей жизни, включая профессию, и доверительного общения с людьми. Поэтому был и остаюсь пишущим врачом». Медицина и поэзия. Работа и творчество. У Олега Маслова между этими словами-понятиями нет границы. Наоборот, они одно целое.

Привлекательность творчества поэта Маслова объясняется его стремлением к высоте человеческого и гражданского долга, к побуждению в душе читателя чувства добра, сопричастности к происходящему в мире, постоянством сердечного беспокойства. Этим чувством и сознанием сопричастности пронизана вся лирика О. Маслова.

Лучше чем поэт нельзя сказать: «Приглашаю разделить со мной плоды “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет”, которые мне удалось запечатлеть в стихах и прозе на протяжении долгих лет солнечной и пасмурной, радостной и печальной, праздничной и будничной, а в итоге – единственной и неповторимой моей жизни».

А помогут нам разделить плоды «наблюдений и замет» поэта-врача Олега Маслова его книги поэзии и прозы.

Поэзия: стихи, идущие от сердца

*Мне как-то вдруг открылось, и сполна,
Что наша жизнь – не бег, но эстафета
Добра и счастья, разума и света,
Что нам самой природой вручена.*

O. Маслов

Любовь к литературе проявилась у Олега Константиновича в раннем детстве: «Путь в литературу был предопределён для меня изначально любовью к стихам. Начиная с раннего детства, многие из них настолько глубоко проникали в душу, что я в буквальном смысле

болел ими и запоминал навсегда. Я и сейчас помню многое из того, что в свое время всерьез задело за живое».

Первой поэтической любовью Олега Маслова был Лермонтов, а настоящим потрясением стал Есенин, которого он впервые узнал в 14 лет. И лишь потом постепенно появилось полное осознание гения Пушкина. Близки были начинающему поэту стихи таких мастеров слова как Твардовский, Заболоцкий и Пётр Комаров.

13 февраля 1949 года на страницах «Амурской правды» было впервые напечатано стихотворение О. Маслова-школьника «Твоё имя – прорыв вдохновенья», посвящённое А. С. Пушкину:

*Грудь прострелена. «Кончено всё», –
Промелькнуло в сознанье поэта. –
Но постой, сердце бьётся ещё
И в руке сжата грань пистолета.
Чуть привстив на колено одно
Ищет слабой рукою опоры.
Но нигде не находит её...
Вдруг в глазах возникают узоры.
А потом – всё темно и темно.
Выстрел гулко над степью раздался,
Звонким эхом откликнулся лес,
Междусо соснов седых затерялся,
Растворился в тиши и исчез.
Всё смешалось в глазах воспалённых,
Покачнулось, слилось, поплыло...
И туманом снегов осребрённых
Память в золоте дня занесло.
Только выстрел гром не смолкает,
И, забывши, он видит опять,
Как на утреннем солнце сверкает
Белоснежная ровная гладь.
Мчитесь кони быстрой вольной птицы,
В беге вылейте силу, что есть.
Донесите до невской столицы
Эту грустную, скорбную весть.*

Пусть откликнутся болью и гневом
Тех сердца, кто Россию любил,
Ту, которой он отдал свой гений,
Ту, которой он жизнь посвятил.

.....

Третий день. Скоро, скоро оставит
Жизнь поэта. Надежды уж нет.
«Жизнь окончена! Душно, давит...».
Вздох последний и умер поэт.
Нет, не умер! Лишь тело истлеет.
Звучных песен орлиный полет
Ветер времени в прах не развеет.
Его голос в века перейдёт.
Душно было тебе в старом мире,
Задыхался, томился в нём ты.
И вверял лишь одной только лире
Свои мятежные, как буря мечты.
Ты знал, что настанет то время,
Когда русский великий народ
Сбросит рабства тяжёлое бремя
И своих ненавистных господ.
Звал ты в песнях своих непогоду,
И настал этот час роковой,
Бури с ветром примчали свободу,
И воспрянул народ трудовой.
Вдали течёт наша светлая жизнь.
Непрестанно идёт наступленье.
Ты идёшь вместе с нами вперёд.
Твоё имя – порыв вдохновенья
И мечты небывалый полёт.

Конечно, успех вскружил голову начинающему поэту, и на мгновение засомневался в выборе профессии и решил связать свою судьбу с филологией и журналистикой. Через несколько десятков лет Олег Константинович написал в «Автобиографии»: «К счастью, этого не случилось. Теперь, зная специфику этих профессий, я убежден, что ни путного филолога, ни тем более журналиста из меня бы не вышло, и я никогда не обрел бы ту благодатную жизненную почву, каковой явилась для меня медицина».

Став студентом Хабаровского медицинского института, О. Маслов продолжал писать стихи. В первом номере журнала «Дальний Восток» за 1954 год состоялась первая журнальная публикация стихотворения О. Маслова «У Волочаевской сопки»:

*Небо синее, словно в сказке,
В окна солнные брызжет рань.
После долгой вагонной тряски
Вновь я вижу Июнь-Корань.*

*Вот она, в седине тумана,
В частых порослях дубняка,
С чёткой статуей партизана,
Здесь поставленной на века.*

*Всё здесь памятно, близко. Свято,
Стойте только закрыть глаза,
Как мечта через годы-даты
Перебросит тебя назад.*

*И сквозь мглу ледяной метели
Разглядишь укреплений ряд.
Душу режущий взлёт шрапнели
И багровый пожар-закат.*

*Вновь – из братских могил – герои
Встанут грозной стальной стеной...
Эту сотку мы брали с боя,
Чтоб покончить навеки с войной.*

Когда снова пришла пора выбора – либо профессионально заниматься литературой, либо навсегда оставаться «начинающим», Маслов перестал писать стихи, и решил, что это юношеское увлечение. С 1963 по 1969 год он не писал стихи. Причина этого – освоение новой медицинской специальности – анестезиологии, организатором которой в Амурской области он стал. Научный поиск на время вытеснил стихотворчество.

В 1973 году вышла первая книга стихов О. Маслова «Моя профессия». В краткой аннотации к сборнику содержится информация об авторе, о двух его призваниях: медицине и поэзии. Да и само название книги – «Моя профессия» – говорит само за себя. В сборни-

ке стихи о благородном труде врача выделены в небольшой самостоятельный цикл «Стихи о моей профессии».

Стихи этого цикла так эмоционально насыщены, что А. Ривлин называет их «гимном профессии». Олег Константинович говорит о вещах в общем-то известных, но всегда волнующих. О том, что в операционной «жизнь и смерть минуты разделяют. Здесь всё, как на войне, как на переднем плане». О том, что невозможно измерить ответственность врача, «когда идёт о жизни речь». О том, что для него, врача, на белом свете «есть всего помногу, лишь одного – покоя нет». И, как вывод всего цикла звучат строки:

*Всё, чем я счастлив,
чём страдаю,
Тебе во всём обязан я, –
Моя профессия родная,
Жизнь беспокойная моя.
Я присягнул тебе когда-то,
И навсегда душа верна
Высокой клятве Гиппократа,
Как ни тяжка порой она.*

«Во всём обязан» – не кроется ли за этими тремя словами вместе с жизненной целенаправленностью автора его творческое кредо? И можно ли отделить одно от другого? Вчитываясь внимательно в стихотворения книги «Моя профессия», читатель непременно сделает вывод: именно профессия наложила отпечаток на многие стихотворения сборника. Отличаются глубиной и свежестью мысли, в частности, стихи, в которых выражены раздумья автора об ответственности перед собой и перед людьми – кому, как не врачу, человеку, постоянно борющемуся за жизнь, более близка эта тема? Он острей, чем другие, понимает, что

*Порой мгновенье так
прекрасно.
Что впору хоть остановись.
Но остановка – смерть.
А жизнь
Влечёт к тому, что неподвластно, –
В необжитую даль и высь.*

Жизнь человека, ещё вчера не подозревавшего о тяжёлом недуге, полностью находится в руках хирургов. Как, чем измерить степень физического и эмоционального напряжения врача, рассекающего живые ткани доверившегося ему пациента? Если бы на практике всё было так, как написано в учебнике! «Неправильное» расположение и взаимоотношение анатомических образований – для хирургов явление заурядное. Но любая неосторожная манипуляция хирурга может стать для пациента роковой. А надо поторапливаться: больной уже давно находится на операционном столе, и длительный наркоз для него небезразличен. Где-то здесь, рядом, затаялась «старуха с косой», она только и ждёт врачебной ошибки, чтобы завладеть телом страдальца, а душу его отпустить в свободный полёт. Но у хирурга «одна есть вера на земле – в земную жизнь и человека», и он не отступится то неё, даже если придётся оставить в операционной частичку своего сердца.

Затем наступает время ночных дежурства. Больные отходят от наркоза, в затуманенных эфиром мозгах неуклюже ворачается мысль: вытяну ли после операции? Мученические взоры устремлены на доктора с надеждой. А что же доктор? Он назначает инъекции, произносит утешающие, возможно, дежурные слова, и больному незвездомы эмоции, которые переполняют врача:

*Вот он лежит, сонлив и бледен,
И невдомёк ему одно, –
Что всё, чем я богат и беден,
В его глазах заключено
Открой о них – моя победа.
Закрой навек – моя беда.
Вернись их блеск – и не изведать
Мне лучшей доли никогда.*

Маслов занимает своё место в рядах профессионалов, каждодневно исполняющих свой долг. Он гордится своими коллегами и верит в них:

*И во врачебной нашей касте
У каждого, кто предан ей,
Живёт в душе подвижник-мастер,
Что горд профессией своей.*

По мысли О. Маслова, главное в профессии врача – всегда помнить о своём человеческом и гражданском долге:

*Ответственность – поди измерь её.
Когда идёт о жизни речь.
И я, как высшее доверие.
Несу свой эскулапов меч.
Ведь, не хвалу себе будь сказано,
В хирурге лишь боготворят
То, что другим вовек заказано,
За что карают и казнят,
И впрямь, кому ещё дозволено,
Перед законом не дрожа,
В людскую плоть одушевлённую
Вторгаться с помощью ножа?*

Олег Маслов пишет о своих чувствах так, что читатель, если он живёт интересной, полноценной жизнью, может с полным правом приписать их, эти чувства, себе. Настоящий человек, как и поэт, живёт «предчувствием открытый, дерзаний, странствий и побед». Эти, как и многие другие строки стихотворений Олега Константиновича, не могут не вызвать живого отклика в душе, чувства сопереживания, что делает их очень близкими, очень понятными. В этом – одно из бесспорных достоинств книги стихов «Моя профессия».

Чрезвычайно привлекательны занимающие заметное место в сборнике произведения лирического плана. Таково стихотворение «Уснула дальняя слободка» – стихотворение, которое так и просится, чтобы его положили на музыку:

*Уснула дальняя слободка,
А голос девичий поёт:
«Плыви, плыви по морю, лодка,
Плыви туда, где мил живёт».*

*В той песне горе и не горе, –
Святая девичья печаль.
И пусть ни лодки нет, ни моря, –
Плывёт напев в ночную даль.*

*И бередит, и греет душу,
И в охватившем полусне,
Как будто сам, покинув сушу,
Плывёшь, качаясь на волне.*

Или стихотворение «Косички» – о девочке, которой «очень захотелось повзросletь»:

*Девочка отрезала косички
С бантиками прямо заодно
И, как надоевшие веичики,
Бросила в открытое окно.*

*Чувству непонятному в угоду,
Вопреки родительскому «нет»,
Потянуло девочку на моду,
Очень захотелось повзросletь.*

*И когда, глазам своим не веря,
Силилась она себя узнатъ,
Скрипнули слегка в прихожеи двери,
И вошла и растерялась мать.*

*Но не стала, по своей привычке,
Ни вздыхать, ни охать, ни ругать.
Видно, поняла, что за косички
Девочку уже не удержать.*

А также стихотворения «Видно, я хотел тебе понравиться...», «Нет, холода ещё не сдали...» и др.

Гражданская лирика наполняет стихи ещё одного цикла – «Странствия». Находясь за рубежом, поэт зорко всматривается в окружающую его действительность. Оценивает её с точки зрения человека, безмерно любящего свою Родину, желающего мира и счастья все народам. Олег Константинович пишет, что «ещё гремят над миром взрывы, ещё бушует ураган». И тут же добавляет:

*Но обновляется планета
И убеждает каждый год,
Что крепче силы в мире
нету.
Чем вставший на ноги народ...*

В сборнике «Моя профессия» О. Маслов предстаёт взыскательным поэтом, стихи его ёмки. Тут и лирика, и взволнованный отклик на важнейшие события современности, и философские размышления о врачебном долге. Это наводит на мысль о третьей и, пожалуй, главной профессии автора – стремлении быть на высоте человечного и гражданского долга, пробуждать в читателе душевное беспокойство, добрые чувства, широту кругозора. Хорошая иллюстрация к этим словам – стихотворение, которым заканчивается сборник «Моя профессия»:

*Когда-нибудь, и то жа путь,
Чтоб жизнь постичь как целое,
Тебе захочется взглянуть
На всё, что в жизни сделано.*

*И если горы ты сдвигал –
Не в тягость груз усталости,
А если в камешки играл –
То дожил зря до старости.*

*Как ни суди житьё-бытьё,
Одно в веках проверено:
Что людям отдано – твоё,
Что спрятано – потеряно.*

Вероятно, каждый человек, взяв в руки книгу, ожидает от неё своеобразных открытий, новых мыслей и чувств, он хочет, чтобы её автор был интересным и отзывчивым собеседником, а может быть и больше – другом. Познакомившись со сборником стихотворений «Страда земная» (1976), можно сказать, что поэт в большинстве своих стихотворений предстал перед читателями именно с этими хорошими качествами.

Круг тем, «поэтический диапазон» Олега Маслова обширен. Здесь и произведения из цикла «Стихи о моей профессии», и стихи философского склада, и лирика. Но все стихотворения объединены авторским «я», своим взглядом на мир, события, людей. Во многих стихотворениях Маслов старается осмыслить своё место в жизни. Пожалуй, с большой силой это удалось передать стихотворениями «О земле и небе», «Не покоряй природу...» и особенно «мальчику, мечтающему о космическом старте...»:

Тебя с рождения
тревожат
Ракеты, космос,
корабли...
Дерзай, мои друг,
взмывай –
И всё же
Не отрывайся
от земли...

В этих словах – глубокий смысл. Человеку, устремляющемуся в космос, даёт силу родная земля, потому что «...Икар живёт не в каждом, но в каждом есть всегда Антей». Эти строки располагают к раздумьям, а значит, они «работают», то есть выполняют главную задачу поэзии – пробуждают в человеке мысль, чувства, желания.

Необходимо отметить, что у Маслова есть тенденция оканчивать стихи определёнными выводами, строками, в которых спрятан «ключик» всего произведения, строками близкими к афоризмам.

*Синь и стынь январского рассвета.
Неподвижны воздух, небо, лед.
А меж тем летит, кружась, планета,
Как видавший виды звездолёт.*

*В наши дни не надо быть пилотом.
Чтобы даже в комнатной тиши
Ощущенье вечного полёта
Сделать достоянием души.
(«Ощущение полёта»)*

На областном совещании литераторов, когда обсуждалась рукопись «Страды земной», московский поэт А. Смольников сказал, что он с удовольствием поставил бы такой сборник на свою книжную полку. Амурские любители поэзии могут это сегодня сделать.

Своебразие поэзии О. Маслова имеет глубокие жизненные основы, её корни уходят в его профессию врача. В 1980 году была издана книга стихов с суровым и точным названием – «Передний край». Стихи о профессии врача определили название этого сборника, который складывался долгие годы. В «Переднем крае» нашли отражение

настроения, душевые состояния, мысли поэта, связанные с определёнными точками отсчёта времени, созревания личности автора.

*Ещё с времён Албазина,
Маньчжур атаки отражая,
Моя родная сторона
Была исконно русским краем...
(«Ещё с времён Албазина...»)*

*Когда я начал сердцем понимать
То, что умом давно постиг на свете.
Не стало мне роднее слова – мать,
Не стало мне дороже слова – дети.
(«Когда я начал сердцем понимать...»)*

*Всё чаще стали называть по отчеству,
Всё чаще обращаться на «вы»,
И с каждым годом всякое молодчество
Дороже мне обходится, увы.*

*Я не страшусь своей нежданной взросlostи.
Хоть проглядел, как жизнь вошла в зенит. –
Всё б нипочём, когда б не в этом возрасте
Рылеев пал, и Пушкин был убит...*

*Ещё живу, не веря в силу случая,
Ещё блажу и не считаю лет,
И только нет в душе благополучия,
Ушедшего за юностью вовсёд.
(«Всё чаще стали называть по отчеству...»)*

*Когда душа о деле не болит,
И я бездумно сам собой доволен, –
Чем я не тот блаженный инвалид.
Чья немощь в том, что он душено болен?
(«Когда душа о деле не болит...»)*

Всё это сделала книгу стихов многослойной, интересной, откровенной.

И вместе с тем, в сборнике явственно ощущается главная стержневая линия. Врач по профессии, Олег Маслов, к его чести нашёл в своём врачебном долге необходимый угол зрения на вещи, сделал попытку опоэтизировать свой труд, не уходя от его повседневных сложностей, внешней неприглядности, скрытых трагедий и тихих радостей. Именно «врачебные стихи» составляют прочную основу «Переднего края».

Автору, который «надев халат врачебный свой», встал под « знамя Гиппократа», « судьба неожиданно приоткрылась своей счастливой стороной». Счастливая сторона жизни Олега Константиновича обернулась благодатной основой для его творчества. Затруднительно назвать другого поэта кто посвятил профессии врача такие искренние, теплые стихи: «Врач», «Руки хирурга», «На вызов», «На “скорой”»... Впрочем, в перечислении названий стихов нет особого смысла, процитируем некоторые из них:

*Кому-то – отдых воскресенье,
А я – опять судьба велит –
Лечу чуть не на краи вселенной,
Как добрый доктор Айболит.
Я вновь не властен над собою,
Халат на плечи – и в полёт...*
(«На вызов»)

*Субботник шёл своим порядком.
Благоустраивали двор.
Он тоже вышел, но в перчатках,
Как будто всем другим укор.*

*И вмиг дворовая летучка
Вопрос поставила спроста:
Да кто же этот белоручка,
Нам, работягам, не чета?*

*– Хирург – сказал мужчина в куртке,
И осужденья пыл погас,
И все на собственные руки
Взглянули – как бы в первый раз.*

*И откровенье стала новость,
Неведомая до сих пор.
Что не всегда мозоли – доблесть,
А их отсутствие – позор.*

*И стало даже страшновато,
Забеспокоился народ.
Когда он в руки взял лопату –
Того гляди, ладонь натрёт.*

*А он – как скальпелем работал...
Когда жс закончился аврал.
Никто руки ему не подал,
Но каждый – мысленно пожал.*

(«Руки хирурга»)

В ряд с «врачебными стихами» гармонично вписываются и другие – гражданская, любовная и пейзажная лирика.

*Отиумели ливни-грозы,
Зной вступил в свои права.
Нынче время сенокоса –
Становись-ка, трын-трава!*

(«Лето»)

*Заметели бураны,
Забелили, замели
Все канавы, все изъяны,
Все колдобины земли.*

*И опять светло и чисто
Над заснеженной землёй.
И опять она лучится
Белизной и новизной.*

(«Зимнее»)

*И солнце бы всегда в ночи
И в стуже вечной пребывало,
Когда б земля не обращала
В тепло и свет его лучи.*

*Не та ли о моей любви
Ты мне однажды возвестила,
Что, словно солнечная сила,
Томилась без тебя в крови?*

(«И солнце бы всегда в ночи...»)

*Вглядись в зарницы зейских буден,
На дальних трассах побывай,
И ты поймёшь – каким он будет
Лет через десять, этот край.
Хотя представить это зримо
Не просто даже тем, кто сам,
Порой кляня тайгу и климат,
Возводит ГЭС и строит БАМ.*

(«Это – будет!»).

*А та слеза – пусть мне она
На даст спокойно жить на свете,
Чтоб не узнали наши дети,
Что значит плен, фашизм, война.*

(«В Освенциме»)

Через весь сборник «Передний край» проходит мысль, что борьба за человека – за здоровье тела его и духа – есть передний край забот, передовая, и фронтовые ассоциации здесь вполне уместны.

*И, встав под знамя Гиппократа,
Постиг сполна за двадцать лет,
Что тяжкой участи солдата
Трудней, но и завидней нет.*

*Но это – нынче, а сначала,
Когда попал в больничный ад,
И впрямь с овчинку небо стало,
И захотелось вдруг назад.*

Сплошные стоны, муки, беды
И страха липкий холодок,
А в перспективе – ни победы,
Ни перемирия на срок.

И я нашёл бы, может средство,
Махнув на всё, податься в тыл,
Но дезертиров с малолетства
Я метой подлости клеймил.

И потекли наград не прока,
В трудах, сомненьях и борьбе
Страды врачебной дни и ночи,
Где и не вспомнить о себе.

Беда и горе – всё забылось,
Но вот тогда передо мной
Судьба неожданно приоткрылась
Своей счастливой стороной.

(«Передний край»)

В итоге стихи, вошедшие в сборник «Передний край», закономерно взаимодействуют друг с другом, создавая органичный мир духовных интересов поэта, где человеческая драма соседствует с шуткой или с любовным чувством, как это происходит в жизни.

Ощущение быстротечности времени, особенно в рамках человеческой жизни, характерно для многих стихотворений Маслова:

Ведь срок, для дел отпущеный, так мал.
А сделать надо так безмерно много.

Глаголом «сделать» поэт вооружает читателя, помнящего ахматовский вопрос из «Вереницы четверостиший»: «как нам быть с тем ужасом, который был бегом времени когда-то наречён?». Гуманизм Олега Маслова не преследует цели непременно успокоить читателя во что бы то ни стало, но именно вооружить оптимистическим зарядом. К примеру, в стихотворении «Песнь земли» обычная картина превращений хлебного зерна завершается глубоко философскими, озарёнными добрым светом строками:

Не сетуй, человек,
На жизни быстротечность,
Пусть короток твой век,
Но ведь за веком – вечность,
И жизнь твоя – не миг,
А вечности частица,
К которой ты приник,
Чтоб навсегда с ней слиться.

В этом сознательная авторская позиция: найти в обыденном и устоявшемся выход к глубоким мыслям, серьёзным вопросам бытия. Маслов не утешает, но ободряет. Хотя, как медик, Олег Константинович отлично понимает, что не может быть единственного рецепта от всех болезней. И всё же... Исцелить человека, его тело – непрекращающаяся задача. А тут речь и вовсе о сложнейшем – о душе.

Врачебный цикл, составивший основу ещё первой книги «Моя профессия», и в новой книге остаётся стержневым. Есть в нём свой пульс и ритм, открытия и утраты, радости и сомнения. От ликования победы над смертью до горечи расставания с жизнью вверившегося тебе человека – таков огромный диапазон чувствований поэта.

Маслов-медик борется за жизнь пациента, если пользоваться его терминологией, «до последнего патрона». Маслов-поэт, наоборот, далеко не всегда спешит расставить все точки над «и».

В сборнике «Передний край» все стихотворения философски осмысленны и эстетически согласованы. Вот стихотворение «Снег». О чём в нём речь? Закончена операция...

Уже давно ушита рана,
Уже в палате человек...
Спать – поздно, делать что-то – рано,
А за окном – рассветный час.
Обыкновенный снег...

Белизна снега, его чистота ассоциируются у автора с больничной белизной и стерильностью. Другой поэт поспешил бы удовлетвориться этим сравнением и поставил бы точку, вполне довольный собой и считающий, что выполнил художественную задачу. А для Маслова эта метафора только повод для начала раздумий о предназначении врача, о той чистоте его духовных помыслов, которые он

уже не вводит в ассоциативный ряд, но которые мы ощущаем именно такими – свежими, незапятнанными.

В сборнике «Костёр» (1985) выделяются два основных направления. И хотя стихи этих направлений говорят о разном, но есть общее, что объединяет их, – гражданская взволнованность, непокой в мироощущении поэта. Не случайно, видимо, и открывается эта книга стихотворением «Костёр», давшим ей название. Именно в этом стихотворении сразу обозначается позиция поэта, с которой оценивает он явления жизни:

*Но столько преходящего на
свете –
Бескрылые порывы и дела,
Любовь, не воплотившаяся
в детях,
А копоть чванства, зависти
и зла...
Зачем они? Бесплодна
и конечна
Вся суета на поприще
земном,
и вечно только то,
что человечно,
что зажжено в нас
солнечным огнём.*

Эта линия, это направление – бороться за человека, за проявление истинно человеческих черт в каждой личности, – постепенно, от стихотворения к стихотворению прорисовывается, как программа, которую поэт понимает как высшую необходимость:

*Чем быть чему – предрешено от века:
Земле – землёю, и траве –
травой,
И солнцу – солнцем...
Только человеку
Не просто в мире стать
самим собой.*

Тема этого стихотворения конкретизируется в ряде других. Вот как поэт пишет о том, что может помешать, стать оковами, не дать взлететь:

*Но часто бывает увы, своё
берёт:
Придут семья, зарплата,
положенье.
И кажется, что ты достиг
высот,
А на поверку – стал их
приложеньем.
Сильны они, и велика
их власть,
Но власть к ним в рабство –
заживо пропасть.*

Свою программу Олег Маслов раскрывает и в таких стихотворениях как «Чтоб не играть в земной юдоли...», «Прозрение», «Оптимистическое» и др. В «Моём парусе» поэт утверждает, что мечты и надежды, которыми каждый человек полон в детстве и юности, – это изначально, и те. Кому удастся пронести их через всю жизнь, кто всё делает для их воплощения – то и живёт в согласии со своей душой:

*Волны ли, штормы в пути –
не беда,
Не пожелай только штиля,
дружице:
Море в безмолвии –
просто вода,
Парча в безветрии –
лишь полотенце.*

И своё понимание душевной гармонии поэт чётко воплощает в небольшом стихотворении «Мой крест», посвящённом гуманной профессии врача. Такую же тревогу, какую поэт проявляет о гармонии внутреннего мира человека, он выражает и о судьбе человека в большом, внешнем мире. И поэтому стихи о прошлой войне, о фронтовом детстве, о неспокойном состоянии сегодняшнего бытия

занимают в сборнике «Костёр» большое место. Это – второе основное направление книги.

Пожалуй, одно из самых примечательных стихотворений этого направления – «Праздник». Оно не только о человеке – школьном учителе истории, – едва ходившем с помощью костылей после двух тяжелейших контузий. Оно и о детской обострённой восприимчивости всего того, что происходило вокруг, о раннем взрослении, о всеобщем ожидании Победы:

*Всё видел, но такого пляса
Я больше в жизни не встречал.
Он так плясал, как будто на смерть
Змею гремучую топтал.
Порядок вечера сломался,
Стоял, примолкнув, школьный зал,
А он слезами обливался
И всё плясал, плясал, плясал...*

«Воспоминание», «Плющевые жакетки», «Память детства» – это всё о ней, о той войне, о её последствиях. она оставила тяжкий след, и потому память цепко держит многие подробности. И всё это о тех, кто был в тылу, не под огнём. А каково было им – солдатам войны? Каково им теперь? Об этом мы узнаём из стихотворения «Встреча»:

*И пошёл о том солдатский сказ,
Что, родившись под звездой везучей,
Каждый мог погибнуть десять раз,
Если бы не он – счастливый случай.
Сколько мирных лет уже прошло,
А они всё бредят той весною,
Повезло же людям, повезло...
Но какой ценою!*

В сборнике выделяются два стихотворения, в которых эти общечеловеческие проблемы воплощены наиболее ярко: «В тот летний день», «А если завтра». Это стихи-предостережения, стихи-призывы ко всем людям доброй воли – к борьбе за мир. Пока есть надежда, говорит поэт, надо бороться: «А нам не дом – нам мир творить, и потому одна забота: лёд отчужденья растопить огнём души и солюю пота» («Нулевые циклы»).

Это необходимо для того, чтобы продолжить эру созидания, жить в мирном мире:

*Да что там век – тысячелетье
Свои просторы распахнёт!..
Уже открыт особый счёт
Пока – у нас, но крепнет вера,
Что от Октябрьской той зари,
Как от истока новой эры,
Начнутся все календари.*

Маслов верит в конечное торжество сил разума, в идеалы новой эры. Они для него – как путеводные огни в мире творчества.

Стихи, составившие сборник «Костёр» в тематическом отношении разнообразны. Это самые яркие, поэтически проникновенные стихи о родном Приамурье, о величественной и суровой природе. Некоторые стихотворения навеяны впечатлениями детства.

*Горит костёр, воспоминанья будит
И всё распределяет сам:
Зола – земле, огонь – усталым людям,
А дым – открытым настежь небесам.*

В сборник «Лицом к лицу» (1989) вошли лирические стихи поэта. уже самим названием Олег Маслов недвусмысленно даёт понять, что это будет разговор наедине, а следовательно, – откровенная, доверительная беседа.

Автор раскрывает в стихах благородство души и эгоистическую черствость, любовь к жизни и обывательское желание покоя. Современная эпоха воспринимается поэтом как торжество подлинной человечности:

*Не сетуй, друг, что слишком поздно
Мы, прозревая день за днем,
Изнанку жизни нашей звездной
Теперь воочью узнаём.
И поражаемся – откуда
Такая гниль, такой застой?!
А всё оттуда, брат, оттуда –
Из нашей бытности с тобой.*

Мотив первой книжки «Моя профессия» в сборнике «Лицом к лицу» сохранён лишь в единственном стихотворении «Старушка»:

*Помолодел профессор в наше время
И упростился в облике своём:
Как ни взгляни – иной в сравненье с теми,
Кого в старинных рамках узнаём.*

*К добру ли, нет ли перемены эти –
Оценим после, а недавним днём,
Как будто бы из прошлого столетья,
Пришла к нему старушка на приём.*

*Отнюдь не ради интереса
Лечилась сразу у шести врачей,
И верила – уж ежели профессор,
То в курсе всей профессии своей.*

*Уразумев старушкино несчастье,
Нимало не смущившись, он сказал:
– Бабуся, это не по нашей части, –
И адреса знакомые назвал.*

*Пошла бабуся, голову повесив,
Но – в кой-то миг сомненья родились –
Спросила вдруг:
– Сынок, а ты профессор
Или, как все теперь, специалист? –*

*Пенять на старость людям не годиться,
Но как ей объяснить, что, плачь, не плачь.
Больного нынче лечит вся больница.
А не один, как прежде было, врач?*

*Ведь ей ни современной, ни моложе
Не стать ужсе, и из последних сил
Она всё ищет и найти не может
Единственного, кто бы исцелил.*

Стихотворения в сборнике «Лицом к лицу» сгруппированы в два раздела. Первый – «В гостях и дома» – размышления, масштаб которых простирается от детских воспоминаний о Кивдинских угольных копях, войне до согретого лёгкой улыбкой стихотворения «Дачное». Кому не симпатично честное: «Двадцать лет назад тянуло в космос, / А теперь – на дачу, в огород». Но разве на огороде укроешься от более века? Отдохнуть душой на время, переключиться – не сложно. Но как уйти от набатности настоящей эпохи? Отсюда, очевидно, ряд стихотворений-раздумий, рождённых в поездке в Туркмению. Откуда рукой подать до Афганистана... И горько роняется строка – вопросом, который не раз задавали мы себе в пору «странной войны»: сколько ещё на веку нам ждать не вернувшихся?».

Во втором разделе сборника – «Такое время» – собраны стихотворения гражданского звучания, достаточно известные, публиковавшиеся в разное время. В то время в широких кругах было модным атаковать такие понятия как «аппарат», «бюрократия», «партиократия». Для Маслова это стало способом продемонстрировать верность идеалам, не впадая при этом в искушение маршировать под радикальными лозунгами. Ведь «...нам важнее дела нет, как авгиевы мыть конюшни позорных тех застольных лет». В стихотворении «Коммунисты» Олег Константинович напоминает о ленинской этике, возросшей на народной нравственности: «Патрмаксимум – отдача для народа, / Партиминимум – заботы о себе». Маслов задаётся вопросом: Хватит ли сил у апрельских ветров сдуть «стынь-дремоту» с наших сердец? Поэт убеждён, что обществу дана последняя попытка («Как стремительно мчится жизнь...»), и он страстно мечтает об её успехе:

*Трижды к счастью душа неслась,
Да сбивалась с пути ракета...
Вновь попытка – в четвёртыи раз! –
И последняя, видно, эта.
Неужели, былым под стать,
И её ждёт судьба такая?
Так не хочется умирать,
Себя начисто отрицая.
Неужели не возродить
Связь разрозненных лет в надежде
Научиться по правде жить,
Чтоб ценить всё, что было прежде?*

О многом лицом к лицу с читателем говорит Олег Маслов. Надо только уметь слушать и слышать. Наверное, в наше время библейское «имеющий уши да услышит» многое потеряло от первоначального смысла. Но имеющий совесть – обязательно услышит и поймёт поэта, говорящего о времени и о себе.

В сборнике «Мой век» (1994) поэт пишет о родном Приамурье, о Родине, о России. Тема родной земли, малой родины звучит в стихах поэта. Врачебные стихи Олега Маслова самые пафосные. В них он романтик, певец ежедневного врачебного подвига. Это был его выбор, его долг, его призвание. Об этом Маслов пишет в стихотворении «Врач»:

*Когда его однажды вызвал зав
И стал в сердцах отчитывать за что-то,
Едва улыбку горькую сдержав,
Он лишь подумал: мне б твои заботы!
А в голове острейшей из заноз
Сверлила мысль о том, что не минется –
Вот через полчаса пройдёт наркоз
И пациент его совсем проснётся.*

Поэзия для Олега Маслова – средство осмысления жизни, включая профессию, и доверительного общения с людьми. Маслов-поэт говорит лишь о том, что знает не понаслышке. Так, в стихотворении «Воспоминание» через сюжет воспоминание о друге из далёкого военного детства разыгрывается характерная и одновременно болезненная для Приамурья тема принадлежности его к России:

*Ещё во всю палили пушки,
Но, зная, что дела не ждут,
К родным местам помчал в теплушках
Эвакуированный люд.*

*И друга школьного спросил я,
Когда и он собрался вдруг:
Куда ты, Коль? –
Домой, в Россию! –
Ответил радостно мой друг.*

Одно из самых сильных впечатлений в жизни Маслова оставила война. Военная тема – одна из главных тем его творчества. Он существует и в «чистом» виде, и, переплетаясь, сопутствует иным темам. Так, в сюжетном стихотворении «Праздник» воспоминания о школе, школьном учителе – бывшем фронтовике, списанном по состоянию здоровья в глубокий тыл, неотделимы от воспоминаний о войне:

*– Освобождён сегодня Киев! –
Мы дружно грянули: «Ура!»
А он, вскочив, какой-то высшей
Железной властью поднял нас –
И вдруг огромным сапожищем
Как грохнет и … пустился в пляс.
Всё видел, но такого пляса
Я большие в жизни не встречал –
Он так плясал, как будто насмерть
Змею гремучую топтал.
Порядок вечера сломался,
Стоял, примолкнув, школьный зал,
А он слезами обливался
И всё плясал, плясал, плясал...*

Впечатление тем сильнее, чем конкретнее, обыденнее ситуация. Среди героев Маслова нет необыкновенных в эпическом смысле героев, все они – обыкновенные люди, живущие простой обыкновенной жизнью. И тем выпуклее на фоне их внешней обыкновенности их необыкновенная душевная сила, мужество и благородство.

Война, её образ, как самое сильное впечатление детства, не покидает Маслова всю жизнь. Не случайно, что свою особую, личную тему – тему профессии врача, его буден, переживаний, побед и поражений, сомнений и страхов, Маслов раскрывает в образах и через образы войны:

*Тревожно – на войне как на войне –
Здесь, на переднем – ближе нету! – крае,
Где жизнь всегда со смертью наравне,
И всяк сюда ступивший это знает.*

*Но войне все конец имеют свой,
А этот – никогда не прекратится,
Поскольку жизнь и смерть между собой
Не в силах ни о чём договориться.
(«В операционной»)*

Маслов начинал свой путь в медицине как хирург, может быть, поэтому доминирующей является сравнение повседневной работы в операционной с передним краем битвы, а экстренных операций – с бескомпромисснойхваткой за жизнь. Прислушайтесь к словам хирурга, попробуйте представить себя на его месте, и вам станет ясным глубинный смысл незамысловатых строк:

*Сегодня – бой.
И завтра тоже – бой.
И, наконец, постигнешь
в полной мере –
Насколько проще рисковать
себой.
Хоть в это, впрочем,
многие не верят.
(«В операционной»)*

В стихотворении «На “Скорой”» тревожный звук машины «Скорой помощи» вызывает ассоциацию с взрывом мин и снарядов в военное время:

*Опять, махнув на светофоры,
Стремглав лечу на красный свет
На самой жданной, самой скорой
И безотказной из карет.*

*До правил ли, когда досрочно
На чых-то жизненных часах
Кончает стрелка путь урочный
И ключ от них – в твоих руках?*

*Как визг влетевшей в город мины,
Пронзит сердца сиренывой.
На миг порядок жизни мирной
Взорвав командой фронтовой.*

Травма войны у Маслова усугубилась ещё и личным незддоровьем и, как следствие, непригодностью для службы в армии. Для советского юноши, воспитанного в духе служения Родине, это было подлинной трагедией – ведь «все тогда мечтали служить в РККА», и «так хотелось быть похожим / На тех, кто на передовой!» («Передний край»). Казалось бы, иного выхода нет, как подчиниться судьбе, но Маслов находит его:

*Я вырастал не годы мира,
Знал о войне не по кино,
И всё ж военного мундира
Надеть мне было не дано.
А так хотелось быть похожим
На тех, кто на передовой!..
Но одолел судьбу я всё же,
Надев халат врачебный свой.*

Свою жизнь Олег Константинович превратил в непрекращающуюся войну со смертью, и пафос сражений на поле операционного стола стал пафосом его автобиографической прозы и многих стихотворений:

*Пусть счастье ратное не в драке,
Но я восторга не таю –
Какие схватки и атаки
На долю выпали мою.*

*Нет счастья большего на свете,
Чем, сжав оружие в руках,
Идти вперёд навстречу Смерти
И видеть страх в её глазах.*

(«Передний край»)

Давно уж флаг Победы поднят,
Грозна лишь в памяти война,
А для меня и по сегодня
Не прекращается она:
В строю палаты – как палатки,
И каждый миг – настороже,
И на дежурстве – сон украдкой,
Как в час затишья в блиндаже.

.....
Но, как и прежде, смерть встречая,
Не отвожу в смятенье взгляд –
В огне моя передовая,
И я в бою, её солдат.

(«Фронтовой врач. Памяти отца»)

Маслов – романтик, певец ежедневного врачебного подвига, который приравнивается в его стихотворениях подвигу военному. «Врачебные» стихи Маслова – самые пафосные:

Кому-то – отдых, воскресенье,
А я – опять судьба велит –
Лечу чуть не на край вселенной,
Как добрый доктор Айболит.
Я вновь не властен над собою,
Халат на плечи – и в полёт...
Той доброты недостаёт.
Опять спешу, кляня дорогу,
А заодно – и белый свет,
В котором есть всего помногу,
Лишь одного – покоя – нет.

Цикл «Стихи о моей профессии» О. Маслов пополнял на протяжении всей своей жизни. Стихотворная лирика, по мысли Маслова – «подарок от Бога, недаром классики русской поэзии приравнивали по-настоящему выстраданное и выношенное стихотворение к молитве».

Раздумья об этом запечатлены в следующих строках:

Чтоб не играть в земной юдоли
На склоне лет страдальца'роль.
Один удел – привыкнуть к боли
И не считать её за боль.
Что ж, со своей смириться надо,
Но сохрани судьба – с чужой;
Одна-то и была отрада,
Что каждый день вступал с ней в бой.
И счастлив был, когда людские
Страданья таяли в тиши.
Страшна не боль – анестезия
Для человеческой души.

К 2005 году жизненные обстоятельства поэта сложились таким образом, что ему пришлось покинуть родной Дальний Восток и поселиться в Израиле, куда ранее переехали его дочери. Это заставило его взглянуть на многие вещи по-другому, ещё раз задуматься над давно решёнными вопросами, обратиться к темам, которые раньше не попадали в поле его поэтических вопросов.

«Вот уже второе десятилетие живу я в новом веке, на Святой земле – люблю, творю, странствую по свету, радуюсь успехам детей, внуков, ценю новую дружбу и дорожу старой. И всё это считаю бесценным даром судьбы».

«Цветущий оазис! Земля эдемская, рай с теплым изумрудным морем, свежие краски утра, великолепное шоссе – куда бы ни ехал! – необычайно мягкий и уютный аромат кофе из кофеен средиземноморской Нетании... А еще – поразительные, нереально сочной цветовой гаммы, разнообразия форм, размеров и дурманящего запаха – цветы! Везде! Израильтяне очень много работают, чтобы получать два, а то и три урожая овощей в году, чтобы пальмы исправно давали нежные плоды, чтобы цветы радовали глаз, чтобы люди могли напрочь уйти в расслабленный штиль шабата...»

Олег Маслов подтверждает: «Да, здесь все много работают. Если люди хотя бы ненадолго остановятся или станут трудиться вполсильы, пустыня, превращенная ими в цветущий сад, довольно быстро вернется обратно. Всего лишь несколько пылевых бурь... Но ведь этого никто не хочет!»

*День земли обетованной
Спозаранку хмур опять.
Небо – в тучах, даль – в тумане...
Может, зонт в дорогу взять?
Не впадай наивно в небыль
И не майся дурью зря –
Не прольётся ни капли небо
Здесь с весны до октября.
Но откуда же повсюду –
Пальмы, рощи, трав наряд?!
Вот что могут сделать люди,
Если очень захотят.*

Название цикла – «На земле обетованной», вошедшие в него стихи – о вере, о Боге, о сложности и извилистости человеческого пути к Богу. Стихи – плод серьёзных и грустных размышлений поэта, всегда честного перед самим собой и читателем. Поэт открывает мир и себя, а читатель открывает поэта, а через него – и себя, и мир.

*Иду по наитию, не зная,
К подножью какой из высот –
Голгофы, Сиона, Синая –
Рисковый мой путь приведёт.
Но верю: судьбою хранимый,
Я вырвусь из вражьих тенет
И верной стезёй пилигрима
Взойду на земной эшафот.*

Великий Гёте в «Гимне природе» создал прекрасные образы тонкой диалектической связи жизни и смерти, единых у «величайшей художницы» – природы. «Действие, которое она разыгрывает, – писал Гёте, – всегда ново, ибо она непрерывно поставляет себе новых зрителей. Жизнь – прекраснейшая из выдумок. Смерть – художественный приём для создания новых жизней».

Ни один поэт в мире не может пройти мимо этих вечных, без сомнения, главных проблем, не пытаясь разгадать извечную тему бессмертия человеческого духа. Олег Константинович Маслов с большой искренностью воплощает решение данной проблемы в следующих строках:

Когда я начал сердцем понимать
То, что умом давно постиг,
На свете
Не стало мне роднее слова – мать,
Не стало мне дороже слова – дети.
Мне как-то вдруг открылось, и сполна,
Что наша жизнь – не бег, но эстафета
Добра и счастья, разума и света,
Что нам самой природой вручена.
Я в ней своё бессмертье ощутил,
Не приобщаясь ни к какому чуду. –
И то, что до рождения в предках был,
И – что в потомках после смерти буду.
Одно нашёл, другое – потерял.
Прощай, покой!
Взамен пришла тревога:
Ведь срок, для дел отпущеный, так мал,
А сделать надо так безмерно много.

Жизнь – это эстафета добра и счастья. Лирический герой О. Маслова мыслит нравственными категориями – долг, счастье, добро, сердечность, стойкость, жертвенность, сострадание.

Олег Константинович любит природу Дальнего Востока и описывает её во все времена года:

Весна – не просто время года,
Она – призыв, мечта, полёт,
Когда природа, как свобода,
К совершеньям радостным зовёт.

Когда гуляет теряет цену,
И благодушие – недуг,
И давят потолки и стены,
И горизонта тесен круг.

А впереди не километры –
Простор, раскованность и свет...
Подули мартовские ветры, –
И сердце мчится им восторг.

*Природа приготовилась к зиме,
А снега нет – пойдёт и сразу тает,
Земля нага, и чувствуешь, как ей
Желанного покрова не хватает.*

В поэзии Олег Константинович был привязан к жёсткой профессиональной теме, соткавшей его жизнь их полутонах и контрастов, но вторая его ипостась – мягкого и самобытного лирика – постепенно приближалась к первой, и вот они уже органично связанны, двуедины: «Я полюбил <...> / И лиру звонкую поэта, / И чашу горькую врача».

И всё же профессиональная творческая доминанта превзошла по своей энергетике лирическую. Олег Константинович разработал и теоретически обосновал новый метод интенсивной терапии, сущий полноценный выход в практику. Он безраздельно отдаёт себя научному поиску, постоянно находится в клинике, выезжает в районы области для оказания помощи роженицам, выстраивает логическую схему оформления кандидатской диссертации и, наконец, успешно защищает её.

Маслов вспомнил о своей умолкнувшей лире спустя шесть лет. Длительная пауза в литературной работе вначале породила неуверенность. Как больной после длительного постельного режима, не уверенно делающий первые шаги, так и он, поэт, осторожно и с особым тщанием прислушивался к рифме, вписывал в строку незаезженную, свежую метафору.

Олег Константинович смотрел на своё творчество глазами юноши, у которого всё впереди. Его стих, внешне подчёркнуто простой, не перегруженный броскими эффектами, зазвучал легко, непринуждённо и проникновенно:

*Ваша светлость,
День погожий,
Голубые небеса,
Луговое бездорожье,
Заливная полоса, –
Принимайте!
Больше года
К вам стремился всей душой.*

Вот оно – воплощение красоты и чувство раскованности!

Его стилю не характерна ироничность, но, уловив в своей душе возникновение несбыточных, тайных желаний, Олег не может удержаться от возможности слегка поиронизировать над собой.

Всем знакома летняя картинка тополиного цветения:

*Пух тополиный ложится на землю,
Посеребрилась в газонах трава*

Для Маслова белые краски – это ещё и ассоциации со своим возрастом:

*Тополь, вчера ёщё молодо зелен,
Вдруг побелел, как моя голова.*

Дождь и ветер свершат своё дело, вернут тополю его весёлый наряд. И пусть у него прибавится одно годовое кольцо – могучее дерево по-прежнему будет выглядеть молодым и зелёным. Ну а тебе, Олег, зачем вдруг, в кой-то веки, захотелось тополем стать? – словно задаёт себе вопрос поэт. – Ведь яркие краски – далеко не всегда признак молодости.

Олег Маслов относится к слову как к многофункциональному инструменту, но работает этим инструментом с филигранной выверенностью: грани одного сравнения соприкасаются с поверхностью другого, простые сочетания рождают законченные художественные образы. Маслов явно тяготеет к малой поэтической форме – миниатюре – что не мешает ему прорисовывать законченные художественные полотна

*Влюблённый женский взгляд!..
В нём естество,
Как в зеркале, запечатлело тонко
Предчувствие желанного ребёнка –
И радость, и тревогу за него.*

Во взгляде женщины, готовящейся стать матерью, отражается и царствует гармония красоты и жизни.

Поэтическая подборка в книге «Мой крест» (2003) посвящена сугубо медицинской тематике.

Редкое стихотворение Олега Маслова обходится без попытки сделать философски или же художественно-обобщающий вывод. При желании будущие исследователи его творческого наследия могут попытаться составить сборник афористических выражений, заключённых в его стихах. Таких, например, как вот эти: «всё, что было, – за плечами, а жизнь и счастье – впереди!», «с каждым годом всякое молодчество дороже мне обходится, увы!», «кто сказал, что ты бессмертен, чего ж ты медлишь, что ты ждёшь?», «жизнь и смерть между собой не в силах ни о чём договориться», «крепче силы в мире нету, чем вставший на ноги народ», «когда-нибудь остынет Солнце, но жизнь и разум – никогда!», «Что людям отдано – твой, что спрятано – потеряно» и др.

Профессиональное начало постоянно подпитывало поэтическое творчество Маслова, а увлечение поэзией способствовало углублению его профессионального мастерства. Редкое сочетание двух творческих начал в одном человеке – поэзии и медицины или какого-то иного сочетания профессионального мастерства с поэзией – непрерывное условие обогащения самой поэзии. Стихотворения Олега Константиновича отличает и мудрость пережитого, и простота поэтического мастерства.

Проза: точка опоры

*Ведь срок, для дел отпущеный, так мал,
А сделать надо так безмерно много.*

О. Маслов

В последние годы жизни О. Маслов всерьёз взялся за прозу, к его сборникам стихотворений добавились книги рассказов. Так возник цикл «невыдуманных врачебных рассказов» «Точка опоры», которые были опубликованы в разных изданиях.

В 2003 году Амурская издательская компания «Зея» выпустила книгу «Мой крест», в которую вошли стихотворения, воспоминания врача-анестезиолога-реаниматолога и цикл рассказов, объединённых рубрикой «Точка опоры». В авторском предисловии О. Маслов напи-

сал: «...мне довелось сделать первые шаги в освоении новых методов анестезии, реанимации и интенсивной терапии и внедрении их в практическое здравоохранение Приамурья. Почти всё, о чём рассказано в этих мемуарных очерках, в своё время было мною описано и опубликовано в центральных и местных медицинских изданиях в виде научных статей и случаев из врачебной практики. Но там – только сухая информация, представляющая чисто профессиональный интерес. Здесь же яставил целью рассказать читателю, как, кем, при каких обстоятельствах и с чьим участием совершались наиболее запомнившиеся мне события того начального, поистине романтического периода в становлении нашей специальности и самому ещё раз окунуться в то золотое время теперь уже сбывшихся юношеских мечтаний и надежд». Эта книга о святом и праведном, о медицинских работниках, каждодневно постигающих истину, сохраняющих и возвращающих людям главное их богатство – здоровье и жизнь, о величии специальности, которое не всегда разглядишь за повседневностью.

Природная рассудительность, склонность к анализу, житейская мудрость Олега Константиновича реализовалась в виде поэтических откровений, а манера повествования чем-то напоминает неторопливую беседу, в которой читатель принимает заинтересованное участие. В «невыдуманных врачебных рассказах» Маслов честно и объективно оценивает свою профессиональную деятельность, не претендует на роль верховного судьи и не превозносит личных заслуг, хотя, без всякого преувеличения, они достаточно значимы. Зато он не скучится строкой, когда рассказывает о своих учителях и коллегах, о тех, кто вместе с ним развивал и совершенствовал новую медицинскую специальность – анестезиологию и реаниматологию.

В Благовещенске, особенно после открытия медицинского института, оставили о себе добрую память немало преподавателей и практических врачей, для которых общение с профессорами было очередной ступенькой роста. Когда им самим доводилось оказываться на больничной койке в качестве пациентов – легко ли в таких случаях остаться самим собой и полностью довериться коллегам? Рассказы – «Бумажный змий», «Не отвернись», – посвящённые этой непростой проблеме, производят наиболее сильное впечатление. Маслов своими «невыдуманными врачебными рассказами» подарил всем выпускникам Амурской государственной медицинской академии возможность вновь встретиться со своими учителями, увидеть их

такими, какими они были: требовательными и добрыми, тактичными и бескомпромиссными, доброжелательными и последовательными как в вопросах педагогики, так и врачевании.

В своей повседневной деятельности медицинские работники придерживаются принципов деонтологии, то есть должного поведения и взаимоотношения между коллегами, между врачом и пациентом. Книгу «Мой крест» Н. Георгиевский, друг и коллега О. Маслова, рекомендует прочесть тем докторам и, конечно, студентам АГМА, кто захочет получить для себя дополнительную информацию по этому вопросу. На первый взгляд, она вроде бы ничего нового в эту проблему не привносит. Но описываемые события и конкретные факты, приводимые автором, впечатляют. Например, невнимательность и поспешность, нежелание вести тяжёлый разговор с бывшим пациентом, обречённым на медленное и мучительное умирание, обрачиваются преждевременной, непредсказуемой его смертью («Смертный грех»).

Что импонирует в этой книге, так это оценка Олегом Константиновичем своих поступков, взыскательный анализ их. Эти откровения, как совет, как наказ молодой смене, которая «рядом и с нетерпением рвётся в бой». Не нужна во врачебном деле спешка, очень важно в какой-то момент замедлить свой бег, подумать, осмыслить первые результаты и не забывать, что «страшна не боль – анестезия для человеческой души». Разные бывают пациенты, но отношение врача к ним должно быть одинаково ровное и заинтересованное, помогать нужно всем. Надо быть очень внимательным и сострадательным человеком, чтобы в рабочей круговерти, среди больных, требующих особого внимания, разглядеть старушку, пришедшую на приём, словно из прошлого столетия, окончательно запутавшуюся в современных специальностях, должностях и званиях. И постараться помочь ей. Вовсе не случайно Маслов избрал эпиграфом для всей своей врачебной и творческой деятельности слова особо почитаемого им врача Ф. П. Газа: «Спешите делать добро».

Книга «Мой крест» получилась познавательной, очень тёплой и доброй.

Бывает очень сложно распознать в человеке изюминку, понять его внутреннее содержание, особенно если времени для общения с ним отпущено немного. Маслову это удаётся. В небольших рассказах, собранных в книге «Мой крест», читатель встречается с добрыми, непосредственными, порой наивными, но чистыми людскими

натурами. Это механик Константин Никодимович и его жена Агафья Никитична, заслужившая от мужа обидное определение «шансонетка» («Вечный двигатель»). Это Иван Черныш, искренне удивлённый и огорчённый тем, что его земляк, Олег Маслов, не стал, как отец, хирургом, а «всего лишь доцент» («Всё бывает»).

В жанровом отношении рассказы, вошедшие в сборник «Мой крест», приближены к новелле: представляют собой короткое повествование с односторонним действием и сюжетным акцентом на finale.

Маслов является автором серии мемуаров из восьми очерков под названием «Как это начиналось» о том, как зарождались в Амурской области современные анестезиология, реаниматология и интенсивная терапия. Олег Константинович, по его словам «с удовольствием» работал над воспоминаниями о своих встречах с известными русскими литераторами – Александром Брянским (Сашей Красным), Николаем Задорновым, Всеволодом Сысоевым, Степаном Смоляковым и другими, теми, кто, так или иначе, повлиял на его развитие как литератора. Мемуары Маслова представляют собой импрессионистические зарисовки, проникнутые тонким лиризмом, наполненные глубоким наблюдениями над героями.

Также Олег Маслов пробовал свои силы в драматургии. Довольно долго писал пьесу «Филантроп», в центре которой известный российский медик Федор Петрович Гааз (1780–1853), – врач, осознавший, что его призвание – лечить обездоленных. О докторе Гаазе, имя которого вошло в московские поговорки XIX века: «У Гааза нет отказа», – написано немало книг. Практически все случаи, описанные в небольшой книге современника героя знаменитого юриста Анатолия Федоровича Кони «Фёдор Петрович Гааз» (1904), легли в основу пьесы О. Маслова. Читается легко, пронзительно. Создан цельный образ выдающегося человека, святого доктора. Драматургическое произведение вдохновляет, мотивирует, заставляет размышлять. «Филантроп» – это полная волнующих и скорбных событий история последних дней жизни Федора Петровича Газа, заступника униженных и оскорблённых России, христианина, человека безграничного милосердия. «Спешите делать добро» – с этими словами он жил, с ними отошёл в вечность, они выбиты на его могильном камне на Введенском кладбище в Москве.

Олег Константинович, разделяя этот призыв Ф. Газа, утверждал: «И врач, и литератор по большому счету всей силой своей доброты борются с людской болью – физической и душевной».

Жизнь «святого доктора» вызывает изумленное уважение. Немец по национальности, католик по вероисповеданию, Фридрих Йозеф Хаз приехал в Россию в 1806 году (ему было тогда 26 лет) как личный врач княгини В. А. Репниной-Волконской. Имел обширную частную практику в Москве, консультировал в московских больницах и богадельнях и безвозмездно лечил больных в Преображенском богадельном доме. В 1807–1812 годах Гааз был главным врачом московской Павловской больницы. Был призван в действующую армию, участвовал в заграничных походах 1813–1814 годов, с армией дошел до Парижа. С 1828 года и почти до своей смерти, в 1853 году, Гааз – постоянный член Московского Попечительного о тюрьмах Комитета, а с 1829 года еще и главный врач московских тюремных больниц. На этом поприще Федор Петрович все свои силы, свою жизнь и свои средства отдавал благотворительной деятельности, всецело охватившей его.

Фёдор Петрович Гааз – невероятный филантроп. Почти все свои средства доктор тратил на облегчение мук больных и арестантов, лечил бедняков, создал для них больницу. Будучи членом московского тюремного комитета, Гааз сопровождал каждый этап заключенных. Он осматривал арестантов, отбирал больных, приносил с собой еду, деньги, книги. Всеми силами старался не допускать, чтобы на этап отправляли больных или отрывали родственников друг от друга. Способствовал выкупу крепостных детей, чтобы они могли не расставаться с арестантами-родителями. Добился, чтобы кандалы начали обшивать тканью. Сам ходил в поношенном, но всегда опрятном фраке и заштопанных чулках, квартировал при больнице, в его старую пролётку были запряжены, как пишет Копелев, «облезлые клячи».

Без малого 25 лет, до конца дней своих, у Фёдора Петровича была только одна забота – о несчастных, которые оказались в крайней нужде и в крайне бедственном положении – в русской тюрьме. Она и сейчас не самое лучшее место на земле, а тогда – смрад, голод, холод, болезни, разврат, мужчины, женщины и дети – все вместе, абсолютное бесправие и нищета.

С утра и до вечера доктор в больницах, все свои средства, гонорары от лечения богатых пациентов и пожертвования идут на еду, одежду и белье для этих несчастных, женщин и детей. Вскоре уже все его дома, деревни, лошади, суконная фабрика уходят с молотка, чтобы покрыть его долги.

На пожертвования и свои средства доктор строит новые больницы, расширяет и улучшает старые, провожает каждую партию ссыльных лично, одаривает их небольшими деньгами, конфетами и апельсинами, отвечая на упреки, что им нужны не конфеты, а кусок хлеба: «Хлеб им подадут, а конфет и апельсин – никогда».

В полицейскую больницу, построенную его усилиями в 1844 году, собираются все бомжи, пьяницы, замерзшие и бездомные, где их лечат и приводят в божеский вид. Доктора Гааза в народе называют юродивым, а чиновники пишут на него жалобы и доносы, высмеивая за филантропию. Но он упорно добивается облегчения участия осужденных. Гааз не гнушается становиться перед высокими чинами на колени, если это помогает облегчить участие его подопечных.

Святой доктор превращается в ходячую легенду, о котором знают все москвичи, бедные, и богатые, все заключенные, не только в Москве, но и во всей Сибири. Там арестанты передают из уст в усту историю об удивительном докторе, положившем состояние на помощь несчастным, бесправным арестантам и каторжанам. Говорят, что для Ф. М. Достоевского именно Федор Петрович Гааз был прототипом князя Мышкина.

Его подвиг вряд ли кто-то сможет повторить, для этого надо иметь особое расположение духа и глубокую христианскую веру. Когда доктор умер, его вынуждены были хоронить за счет полицейской казны, потому в маленькой двухкомнатной квартирке, находившейся на территории тюремной больницы, ничего, кроме книг и завещания не нашлось.

Личность Гааза Маслов понимает как личность глубоко христианскую. Вызвав к жизни образ из прошлого, он бережно собирает свидетельства жизни величайшего человеколюба и одиночки, чтобы воссоздать модель человеческого бытия согласно любви и доброте.

Публицистика О. К. Маслова: очерки, статьи, рецензии

Публицистике О. К. Маслова присущи исследовательская глубина и серьезность мысли, связь с предшествующей традицией.

В журнале «Дальний Восток» (2004, № 1) в разделе «Книжное обозрение» опубликована рецензия Маслова на первый выпуск литературно-художественного альманаха «Амур». Маслов искренне радуется «рождению» «брата» альманаха «Приамурье», такую родственную связь установил поэт между двумя литературно-художественными изданиями.

В начале статьи Олег Константинович отмечает, что раскрыв альманах «Амур», «глянул в оглавление на фамилии авторов», узнав «даже не то что знакомых», но и ближайших друзей – И. Игнатенко, В. Лецика, Н. Дьякову, задался вопросом: «Почему же меня забыли взять в свою компанию?». И тут же с присущей ему тонкой иронией поясняет: «Но увидел адрес издательства и всё понял – причина в происхождении: все они родом из “педа”, а я – из “меда”. Альманах издан благовещенским государственным педагогическим университетом, который для начала собрал под отеческой крышей своих питомцев – бывших, настоящих и даже будущих. И правильно сделал».

Маслов, не попавший в первый выпуск «Амура» делится своими впечатлениями о нём. Показательно, что Олег Константинович нашёл добрые и мудрые слова в адрес не только каждого автора альманаха, но и его создателей и вдохновителей – «родителей»: В. Ступникова (в то время ректора БГПУ) и сотрудников кафедры литературы во главе с А. В. Урмановым (в то время её заведующего). «Такую книгу приятно взять в руки, а раскрыв, испытываешь непреодолимое желание прочитать всё от начала до конца. Каждый штрих в ней – свидетельство того, с каким желанием и любовью она создавалась и издавалась», – пишет О. Маслов.

Действительно все авторы первого номера альманаха «Амур» имеют прямое отношение к педуниверситету: одни в нём учат, другие учатся или учились, трети только собираются учиться, четвёртые, отработав своё со студентами, совершенствуют теперь педагогическое мастерство на собственных внуках.

В соответствии с ожиданиями О. Маслова, большинство авторов «Амура» – друзья-стихотворцы, разные по возрасту и по уровню поэтического мастерства, но едины в одном – в стремлении стать

настоящими поэтами. По мысли рецензента, при всём разнообразии тем, особенностей стихосложения всех авторов объединяет одно – поиск. Маслов-поэт сам всё время находился в творческом поиске – искал и находил точные и ёмкие средства художественной выразительности. Для тех, кто решил посвятить свою жизнь поэзии, О. Маслов, на правах старшего, даёт совет: «*воститывайте в себе внутреннего редактора. Того самого строгого, который постоянно – всю жизнь – будет помогать совершенствовать ваше поэтическое мастерство*».

В конце рецензии Олег Константинович утверждает, что выход в свет литературно-художественного альманаха «Амур» является событием не только для БГПУ, но и для культурной жизни нашей области. И с ним невозможно не согласиться, тем более что в 2016 году вышел пятнадцатый номер «Амура».

Во многих публицистических статьях Маслов размышляет о роли литературы в жизни человека, о писательском таланте, о месте поэта в современности. Говоря о дальневосточной литературе, Маслов, прежде всего, имеет в виду её тематику, так как в основе своей она является составной частью русской литературы. Однако история освоения края, своеобразие его природы, условий труда и быта людей, общения русских с коренными жителями отметили и её неповторимым своеобразием. По мысли Олега Константиновича, нашей дальневосточной литературе есть чем гордиться: она исторична, разнообразна и многотемна, как сама жизнь. «*Но главный стержень и дальневосточной прозы тот же – становление и утверждение России на этой земле*», – пишет Маслов и называет произведения, вошедшие в «драгоценный фонд отечественной литературы о нашем крае»: Н. Задорнов «Амур-батюшка», «Капитан Невельской», «Далёкий край», «Сага о русских аргонавтах» и др.; Вс. Иванов «Чёрные люди»; Н. Наволочкин «Амурские вёрсты»; А. Фадеев «разгром»; Д. Нагишкин «Сердце Бонивура»; Б. Машук «Сполохи» и многие другие авторы.

Олег Маслов писал рецензии на новые книги собратьев по перу. Так, 25 ноября 1995 года на страницах газеты «Амурская правда» была опубликована рецензия на книгу стихов Игоря Игнатенко. Рецензент задавшись вопросом: «Что же спешит сказать читателю автор поэтической книги?», сразу же даёт ответ: «Прежде всего, напомнить, что “пути земные страшно коротки, они ведут отнюдь не в бесконечность”, что надо больше дорожить жизнью

и тем, что нас окружает. Естественно, ему хочется высказать своё кредо о главном деле своей жизни – назначении художника (“Завет”, “Поэзия”) и попытаться определить своё место в литературе (“Мой почерк”, “Иду к столу, как будто на Голгофу...”). Одновременно с этим укрепляется и самоутверждение его как личности (“Воззвание”, “Мужчине”), яснее видится отличие истинных жизненных ценностей от преходящих (“Я люблю тебя”, “Три слова...”, “Разговор с бизнесменом...”). Кое-где прорывается и досада на себя за пустопорожне прожитые дни и годы (“На кромке прибоя”), невольно вспоминаются все близкие люди (“В родительский день”). И всё чаще взоры поэты от земли обращаются к небу, и крепнет вера в бессмертие: “Так не опоздай же с покаяньем, / Душу для бессмертия спаси...”».

Книга «Прощай и здравствуй!», представляющая собой грустную исповедь души, покоряет читателя своей доверительной открытостью и ставит эти стихотворения в ранг истинной поэзии.

Главную причину недостатков сборника О. Маслов видит в спешке автора: «*Поэт спешил как написать, так и издать свои стихи. Главное – книга родилась и представляет собой явление литературы, равного которому в Приамурье за последний год что-то не припомнится. Уверен, что каждый, кто возьмёт её в руки, прочтёт стихи с таким же волнением, с каким они были написаны.*

Страстный театрал, Олег Маслов метко писал о спектаклях Амурского театра драмы, не обходил вниманием гастролирующие театры.

Практически на каждую премьеру открытия нового театрального сезона Маслов отзывался рецензией. Олег Константинович глубоко разбирался в театральном искусстве, хорошо знал историю театральной жизни Благовещенска, был дружен со многими известными амурскими режиссёрами и актёрами. Рецензировать спектакли Маслов начал в 1950-е годы. Более 50 статей посвятил творческой истории постановок Амурского театра драмы. Написал книгу «История Амурского театра драмы 1950–1990-х годов в рецензиях».

Одна из первых театральных рецензий О. Маслова – рецензия на спектакль «Раскрытое окно» («Амурский комсомолец», 1958, 4 ноября). В ней Олег Константинович утверждает, что «театра допустил ошибку, принимая к постановке пьесу Э. Багрицкого «Раскрытое окно», что «вовсе не надо брать плохую пьесу и ставить её только потому, что действующие лица в ней современные советские юноши и девушки. Комсомолцы с большим интересом и пользой для се-

бя посмотрели бы, например, “Ромео и Джульетту” В. Шекспира». Удивительно, что в то время была опубликована статья, критикующая пьесу советского классика.

Уже следующая рецензия на спектакль «Барабанщица» («Амурский комсомолец», 1959, 26 апреля) носит хвалебный характер. Маслов обращает внимание на прекрасную режиссуру, мастерскую игру актёров, хорошее художественное оформление спектакля, продуманное до мелочей.

В театральном сезоне 1970 года одним из самых любимых молодёжью спектаклей стала постановка трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» режиссёром М. Богатырёвой. По свидетельству строгого судьи – главного режиссёра театра С. И. Васильева, «актёры и, в частности, исполнители главных ролей Капитолина Гавриленко и Владимир Карцев сумели передать неповторимый дух шекспировской трагедии. Оба молодых актёра как бы приблизили своих героев к нашему времени» («Амурский комсомолец», 1970, 9 декабря). Дух Шекспира присутствовал и в оформлении спектакля: «над костюмами и декорациями очень хорошо, творчески поработали наши художники» («Амурский комсомолец», 1970, 9 декабря), сумевшие воспроизвести ту гнетущую атмосферу вековых семейных распрай веронской знати, на фоне которой родилась всепобеждающая любовь двух юных сердец – детей враждующих семейных кланов Монтекки и Капулетти.

В трагедии Шекспира конфликт между уходящим и новым миром протекает на широко очерченном социальном фоне. В этом обществе ещё живы древние предрассудки и старозаветная семейная мораль, ведущая у гибели любящих друг друга Ромео и Джульетты.

В рецензии «Любовь побеждает смерть» («Амурская правда», 1970, 29 мая) Олег Маслов написал: «Всегда волнуют два вопроса, “одолел” ли театра Шекспира и прозвучал ли он на волне сегодняшнего дня?». Отмечая, что обе эти задачи в основном были выполнены, он указывает в своей рецензии и на удачное, соответствующее актёрским индивидуальностям, распределение ролей (Ромео – М. Новаков, Джульетта – К. Гавриленко, Лоренцо – Д. Калякин, кормилица – заслуженная артистка РСФСР Т. Кривенок); создание хорошего ансамбля (в спектакле было занято около 30 актёров). Особенно тепло была принята дебютирующая в театре артистка К. Гавриленко в роли Джульетты. «Её Джульетта, – утверждает О. Маслов, – это наивная целомудренная девочка, впервые познавшая ра-

дость любви и целиком отдавшаяся этому чувству. Глубина и чистота её чувства и опасность потерять любимого дают ей такую силу над собой, о которой раньше она не могла и помышлять. Хорошо, что актриса воссоздаёт образ не зрелой девушки, а девочки, почти подростка – каковой и должна быть Джузельетта, что придаёт её героине особенную чистоту и светлость».

Сама исполнительница вспоминает: «Не знаю, хорошо ли я играла, плохо ли, но после спектакля, когда я пришла разгримировываться, на своём столике увидела букет сирени, рядом лежала записка: «Это вам от пенсионеров города». Было очень приятно, что людей, которые давно пережили свою первую любовь, взволновала история юных Ромео и Джузельетты» («Амурский комсомолец», 1970, 9 декабря).

С большим мастерством исполнила роль кормилицы заслуженная артистка РСФСР Т. Кривенко, сумевшая создать колоритный образ простой женщины, ставшей по существу Джузельетте матерью взамен бездушной и расчётливой настоящей матери, роль которой блестяще исполнила заслуженная артистка РСФСР О. Высоцкая. Правдивый образ монаха Лоренцо был создан Д. Калякиным. Отметил О. Маслов и ряд недочётов: в игре исполнителя роли пылкого и благородного Ромео артистом М. Новаковым излишняя патетика, сырость некоторых массовых сцен.

И всё же, невзирая на эти просчёты, спектакль произвёл сильное впечатление. «Переполненный зрительный зал – свидетельство того, что постановка интересна и нужна, особенно для молодёжи. Время от времени молодым людям, начинающим своё бытие, надо показывать, какова она, настоящая любовь в своём идеале. Это полезно и сегодня, когда в литературе и искусстве появилось не так уж мало произведений, которые вместо любви преподносят всевозможные её эрзацы, оставляющие горький привкус, и вместо настоящей страсти – либо голый натурализм, либо созерцательно-критические рассуждения на эту тему. Это в свою очередь порождает в среде молодёжи скепсис и тенденции утилитарного, беспринципного, рассудочного порядка. Шекспир учит красоте, силе и бескомпромиссности настоящего чувства», – заключает О. Маслов.

В 1972 году Амурский театр представил зрителям спектакль «Трактирщица», поставленный по одноимённой пьесе итальянского драматурга Карло Гольдони режиссёром В. Маэм, в котором сделана попытка отыскать нити, связывающие комедию с современностью.

В рецензии «В жанре комедии» («Амурский комсомолец», 1972, 28 мая) Олег Маслов отмечает удачно «написанный режиссёром пролог, который как бы перебрасывал мост через два столетия, убеждая зрителей, что, несмотря на все произошедшие перемены в бытовом плане люди остались теми же, и нравственная оценка человеческих слабостей и достоинств во многом совпадает с той, на которую ориентировал своих современников великий итальянский комедиограф». Эта идея пролога пронизывала спектакль от начала и до конца. Также рецензент обращает внимание на хорошо исполненные роли Мирандолины (артистка Г. Збруева), маркиза (артист В. Пархоменко), графа (артист А. Гульковский), Фабрицио (артист И. Агафонов), бродячих актрис (артистки Т. Чарская и А. Пушкарёва) – «интересно и убедительно воплощающие идею режиссёра».

Главным недостатком спектакля явилось то, что, говоря словами рецензента «режиссёр, увлекшись идеей параллелизма между действующими лицами и современниками, повёл его не только по внутренней, но и по внешней линии и перешёл ту грань, за которой подчас теряется индивидуальность персонажей. Сколько бы ни было сходств между нашими современниками и героями комедии Гольдони, для того, чтобы все её действия и ситуации были психологически оправданы, и она целиком сохранила своё лицо как художественное произведение, необходимо сохранить колорит времени и соответствующие ему взаимоотношения персонажей. Иными словами, без того, чтобы маркиз остался маркизом, лакей – лакеем, не может получиться правдивого спектакля. К сожалению, здесь это равновесие нарушено, и когда, например, маркиз чистит сапоги кавалеру (а подобных казусов в спектакле много), теряется вера в истинность происходящего. Это уже не связь классики с современностью, а, говоря словами Грибоедова, смесь “французского с нижегородским”».

Ко второму крупному недостатку постановки О. Маслов относит то, что «артисту Ю. Романову не удалась одна из ведущих ролей – кавалера Рипофратта». «Актёр не нашёл главного – психологической основы женоненавистничества своего героя. В своей работе он отталкивается от возведённой в принцип мужской грубости и полнейшего равнодушия к женскому полу, – отмечается в рецензии. – Это не согласуется с последовавшими в нём переменами. Правильно было бы исходить из того, что герой – тонкая, чувствительная и очень самолюбивая натура. По-видимому, когда-то одна из представи-

тельниц прекрасного пола сыграла с ним злую шутку, которая сильно ранила его самолюбие. И вот теперь напускная грубость, бравада и женоненавистничество, в котором он пытается убедить себя и окружающих, являются той ширмой, за которой прячется боязнь ещё раз попасть в глупое положение. В этой борьбе с самим собой трагизм его положения, который, к сожалению, так и остался непротивленным».

Степень нравственного и эстетического воздействия комедии могла бы быть намного сильнее, если бы не упомянутые просчёты. Потенциальные возможности театра в этом направлении были использованы далеко не полностью.

О потенциальных возможностях Амурского театра драмы свидетельствовала постановка инсценированного романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо» в 1982 году режиссёром В. Раевым (по пьесе З. Чернышевой).

В рецензии «Лица и маски» Олег Маслов написал: «Как ни желанна была встреча с известными персонажами, до открытия занавеса смутило одно – возможно ли такой объёмный роман вместить в тесные рамки спектакля, не скомкав и не искажив его содержания? Однако первые же сцены рассеяли сомнения. Автор пьесы использовала очень верный в данной ситуации приём, введя в число действующих лиц самого Дюма, который без всякой мистификации как бы в процессе создания романа, может мысленно, когда ему необходимо, вызвать на откровение любого из своих персонажей, не мешая их самостоятельным действиям и поступкам. Вот эти их вынужденные исповеди и легли короткими связующими мостами между основными сценами спектакля.

Последний построен как следствие и суд писателя над ненавистным ему высшим светом. По существу Дюма является в нём единственным реальным историческим действующим лицом. И тем не менее, вымышленные им люди отнюдь не марионетки, потому что взяты из реальной жизни и типизированы автором в собирательные образы. А граф Монте-Кристо – это сам Дюма, которому потребовалось сменить имя и облик для того, чтобы совершить то, чего он страстно хотел, но не мог сделать в действительности.

Красной нитью через всё действие проходит мысль, что по большому счёту жизнь справедлива как в масштабах общества, так и в судьбах отдельных людей. Дюма это видел лишь в идеале и упирал только на совесть. Но интуиция крупного художника подсказала

ему главное: так называемое высшее общество, поправившее законы человеческой совести и морали, – это общество обречённых людей, над которыми уже занесён карающий меч возмездия. Эта социальная подоплёка романа вынесена режиссёром на авансцену спектакля, что и определяет его глубину и значимость.

Современного зрителя не удивишь остросюжетным детективом. Но как на фоне их абсолютного большинства выигрывает в нравственном отношении “Граф Монте-Кристо”! дело в том, что Эдмон Данте сам никого не убивает, ни к кому не подсыпает наёмных убийц – всех злодеев карает сама справедливость, а Монте-Кристо лишь срывает с них маски, что делает их безоружными перед собственной смертью и общественной моралью. Вот это и есть истинно художественный подход к проблеме добра и зла.

Если позволительно сравнить данный спектакль с оркестром, то дирижёром в нём, как было сказано выше, является сам Дюма, а первой скрипкой – Эдмон Данте, предательски брошенный по-жизненно в каменный мешок и воскресший для возмездия в образе Монте-Кристо. Это благодатный, и в то же время сложный в игровом отношении, образ. Во-первых, потому что актёру, исполняющему эту роль, приходится играть и неискушённого юношу-моряка, и умудрённого жизнью графа. И во-вторых, это одновременно и символический, и реальный образ. И надо прямо сказать, что исполнитель роли С. Харисов вполне справился с этой задачей, показав себя зреющим многограновым актёром.

Пожалуй, лучшей работой за последние годы артиста Д. Карякина явилась исполненная им роль Александра Дюма. Он органично вошёл в ткань сценического действия, руководя им и задавая ему тон. Именно они – автор и герой – определяют стержневой конфликт спектакля. Ведь последний заключается не в противоборстве Монте-Кристо со своими врагами. Основная борьба происходит внутри самого персонажа, вначале неющего верить в человеческую подлость, а затем карающего её. Будучи жертвой, и судьёй, он всегда остаётся человеком» («Амурская правда», 1982, 2 декабря).

В рецензии были отмечены и недостатки постановки: затянутость действия, опереточная лёгкость сцены, рисующей попытку ограбления Монте-Кристо и гибели бродяги Кадруssa (артист Я. Михайлов), некоторая статичность Мерседес (артистка Л. Харисова) и Вильфора (В. Афонин), недостаточное соблюдение национального клороита в образах Бенедетто (артист В. Перминов) и Гайде (артист А. Доли-

на), несовершенство речи некоторых актёров, неудовлетворительное создание актёром В. Аксёновым роли Фернандо Мондего.

И всё же, взятый целиком спектакль, удачно оформленный заслуженным деятелем искусств Киргизской ССР П. Егоровым и В. Тепляковым, вызывал большой интерес. Только за премьерную неделю спектакль посмотрели более 5000 зрителей.

Одним из лучших в сезоне 1979 года стал спектакль «Без перчаток», поставленный по пьесе Джона Голсуорси заслуженным деятелем искусств РСФСР В. Соколовым. Добротный драматургический материал получил в нём творческое режиссёрское и актёрское воплощение, свидетельством чего явилось захватывающее единение сцены и театра.

Действие спектакля «Без перчаток» происходит в Англии на стыке XIX–XX веков. *«Многое из того, что волновало человеческие умы в те времена, ушло в историю, но в том и сила всякого истинного художественного творения, что оно, точно передавая неповторимые особенности времени, всегда несёт в себе непреходящие нравственные ценности, способные найти душевный отклик в последующих поколениях»*, – отмечалось Олегом Масловым в рецензии «Мёртвая хватка» («Амурская правда», 1979, 28 марта). Также Маслов указывает на многоплановость и психологическую сложность этого спектакля, поставленного как социально-психологическая драма, позволяющую ощутить жизненную достоверность изображаемого. Заслугой всего творческого коллектива и, прежде всего, режиссёра, рецензент считает последовательное и динамичное развитие этого конфликта: *«Зритель с неослабевающим вниманием следит за тем, как обнажаются человеческая сущность каждого персонажа, а заодно и социальные условия, породившие их»*.

К удачам спектакля Олег Маслов относит роль Доукера в исполнении Владимира Матвеева: *«Это даже не пёс, а настоящая пантера в человеческом обличии, которая мягко ластится к тем, кто её кормит, и готова неслышно подкрасться сзади и вонзить свои зубы в горло тому, кто способен отнять у неё кусок мяса. Несмотря на ярко выраженную характерность образа, актёру удалось провести своего Доукера на грани гротескного и реалистического и органично вписать в ансамбль других действующих лиц»*.

По мнению рецензента, артист А. Гульковский создал многоплановый образ буржуа Хорнблуэра: *«Вначале зарвавшийся наглец, по мере приближения развязки действия, как и всякая жертва, вызывает даже некоторое сочувствие»*.

Размышляя над постановкой, О. Маслов утверждает, что победой Хилкристов над Хорнблоуэрами завершается сюжетный, вынесенный на авансцену, конфликт спектакля: «*Но нравственный его конфликт, главным образом волнующий современного зрителя, разворачивается на втором плане, внутри каждой из противоборствующих семей – между детьми и родителями*». Рецензент считает, что с особой убедительностью в спектакле раскрыта тема отчуждения детей от своих родителей, в связи с чем выделяет игру И. Городковой и С. Харисова.

О. Маслов верно отметил, что театр делает «поистине титаническое дело», приобщая амурских зрителей к мировой культуре. В своё время Н.В. Гоголь, указывая на благотворное влияние театра на зрителей, которые могут «вдруг потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом», говорил: «Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра. Нужно внести на сцену во всём блеске все совершеннейшие драматические произведения всех веков и народов. Нужно давать их чаще, как можно чаще...».

В 1996 году О. Маслов отозвался обширной рецензией на постановку пьесы «Пигмалион» Б. Шоу на амурских подмостках. Сразу необходимо отметить, что впервые это произведение было представлено амурскому зрителю в 1956 году режиссёром Н. И. Ураловым в рамках мирового празднования 100-летнего юбилея знаменитого английского драматурга. Как известно, Б. Шоу использовал в своей пьесе древнегреческий миф о царе Кипра, прославленном скульпторе Пигмалионе, который, создав статую женщины необычайной красоты, сам влюбился в неё. По его просьбе богиня любви и красоты Афродита оживила статую, и Пигмалион женился на Галатее.

События пьесы происходят в Англии в конце XIX века. Новоявленный Пигмалион – герой пьесы Шоу – аристократ по происхождению, профессор фонетики Хиггинс, Галатея – уличная торговка фишками, дочь мусорщика – Элиза Дулиттл, дитя лондонских трущоб, обречённая на нищету и прозябанье. В течение шести месяцев профессор Хиггинс обучает цветочницу правильной английской речи, изысканным манерам и ему удаётся превратить её в элегантную светскую леди, которую все принимают за герцогиню. Хиггинс сам влюбляется в «своё создание».

В спектакле режиссёра Н. И. Уралова роль профессора Хиггина исполнял артист Б. Шариков, Элизу Дулиттл – артистка А. Глыбина,

которой удалось ракрыть образ героини в развитии, показывая изменения, которые произошли не только во внешности и манерах Элизы, но и в её духовном мире. Хороши были в спектакле костюмы и декорации (К. Головченко).

«Пигмалион» Б. Шоу – одна из тех пьес мировой классики, которая, сама по себе являясь законченным произведением, даёт в то же время неограниченный простор для импровизаций. В нашей стране она шла как драма под своим изначальным названием, как мюзикл «Моя прекрасная леди», в Московском театре оперетты как «Прекрасная Галатея». И вот в декабре 1996 в Амурский театр драмы вновь обратился к постановке пьесы «Пигмалион», представив её в виде фантазии-дивертисмента.

«Постановка классической пьесы в ином сценическом жанре со своей музыкой, хореографией и песнями для любого театра – событие, скажем прямо, неординарное и рисковое. И потребовалось много труда, выдумки и упорства, чтобы усилия творческого коллектива завершились спектаклем, достойным смелого замысла», – пишет в рецензии на спектакль О. Маслов (*«Амурская правда»*, 1996, 15 декабря).

Идея постановки принадлежала Вячеславу Володину, за её воплощение взялся ветеран амурской сцены народный артист России Владимир Матвеев. К сотрудничеству был приглашён амурский поэт Игорь Игнатенко, который, имея за плечами немалый песенный опыт и хорошо чувствуя сцену, написал полтора десятка стихотворений, органически вошедших в ткань спектакля в виде песен и стихотворных вставок. Заслуженный работник культуры Анатолий Кочерга не только написал музыку к песням, но и составил всю музыкальную композицию к спектаклю. Стенография постановки принадлежит В. Матвееву, о хореографии – балетмейстеру Л. Рахвадзе.

Роль цветочницы Элизы Дулиттл исполнила Наталья Кучкина. По мнению О. Маслова: *«Это явилось счастливым откровением как для зрителя, так и для смиа актрисы: зритель получил интересны спектакль, а актриса открыла в себе такие способности, о которых, возможно, и сама не вполне догадывалась. Разумеется, выявлению её дарования помогли и режиссёр, и партнёры по спектаклю, и сама роль. Однако, не будь самого актёрского дара, никакие условия не сотворили бы этого открытия. Безусловно, роль Элизы явится этапной в творческой судьбе Н. Кучкиной, и, будем надеяться, она нас порадует ещё не одной крупной сценической работой»*.

Режиссёр и актриса в создании образа Элизы использовали, прежде всего, принцип парадокса самой пьесы, фантастику превращения уличной золушки в леди и музыкальные дивертины. Самым удачным рецензент называет дивертины, в котором показан процесс обучения.

Чётко, в лучших светских тонах представлены в спектакле профессор фонетики Генри Хиггинс (Ю. Щербинин) и его друг полковник Пикеринг (К. Кучикин). «Последовательно и тонко Юрий Щербинин показал эволюцию своего героя. Этот самонадеянный джентльмен на каком-то этапе обучения своей подопечной вдруг с удивлением (и ужасом!) обнаружил, что он меняется сам и всё больше влюбляется в своё творение (отсюда и Пигмалион). Однако у Хиггина это осознание идёт в упорной борьбе с самим собой, что делает образ эмоционально наполненным и драматичным», – пишет О. Маслов.

По мысли рецензента в спектакле нет безликих персонажей: «Мать Генри Хиггина (заслуженная артистка России А. Лаптева), экономка Пирс (Т. Телегина), мисс Хилл (М. Товстога), её дети Клара (Н. Петрова) и Фредди (О. Бойко), отец Элизы Альфред Дулиттл (народный артист России В. Матвеев), горничная (О. Малюшева), сапожник (И. Булатов), прохожий В. Скоморошко) – каждый выполняет свою необходимую роль, и все вместе создают хороший игровой ансамбль».

Из спектаклей 1990-х годов «Пигмалион» получился наиболее ярким и представительным в музыкальном плане, не теряя при этом своей драматической основы. Чутьё истинного художника подсказывало, что именно представление пьесы «Пигмалион» в форме дивертина наиболее соответствовало духу современного общества.

В репертуаре Амурского театра драмы содержится довольно большое количество постановок русской классической драматургии.

«Ревизор» до сегодняшнего дня остаётся одной из самых блестательных театральных комедий, открывших некогда в России «натуралистическую школу», ставшую новым этапом русского реализма. Став однажды событием в русской и мировой драматургии, пьеса вот уже более чем полтора столетия будоражит российское общество. Тем, кто ходит в театр, содержание её досконально известно со школьной поры, но всякий раз, идя на спектакль, мы надеемся открыть в нём для себя что-то новое и, как правило, открываем. Много лет репертуар Амурского театра драмы был украшен спектаклем «Ревизор».

В сезон 1952–1952 годы главный режиссёр театра Н. И. Уралов, к 100-летию кончины Гоголя поставил «Ревизора», в котором его ученики и друзья сумели, хоть не сразу, воплотить поставленный перед ним режиссёрский замысел: «В каждом образе и в каждом спектакле в целом воспроизвести на сцене реальную жизнь со всеми её противоречиями... больше внимания уделять повышению мастерства художественного исполнения образа независимо от их места в спектакле». В последующие театральные сезоны режиссёры нашего театра хранили и развивали традиции Н. И. Уралова: высокую требовательность к постижению и передаче глубины человеческой психологии, действенное рассмотрение образов, постоянную внутреннюю связь со зрителями, желание ответить на запросы оптимально сформированным репертуаром, включавшим в себя наряду с современной драматургией великие произведения классической литературы.

Вместе с тем некоторые режиссёры, стремясь удовлетворить запросы времени, вносили в постановку классических шедевров такие новации, которые, к сожалению, не привлекали, а отталкивали зрителей. Классика может стать современной при одном непременном условии: для её постановки должен быть найден современный второй план, обнажающий скрытые или тщательно скрываемые явления общественной или личной жизни.

В середине декабря 1999 года показом спектакля «Ревизор» был открыт 116-й театральный сезон (1999–2000). Эта постановка, невзирая на попытку режиссёра Вячеслава Судова «следовать Гоголю» на амурской сцене, вылилась в облегчённо-развлекательный показ классики. А ведь в недрах нашей жизни, увы, сохранились корни пороков, которые покарал Гоголь своим неповторимым мечом. И не только сохранились, но и дали обильный урожай на пороге третьего тысячелетия. И даже дорожные полосатые шлагбаумы (художник Василий Веровчук) на сцене не отделили далёкую николаевскую Россию от современной, с её многочисленными чиновниками-взяточниками, борьбой за власть, погоней за наживой.

Да и сам режиссёр В. Судов в преддверии премьеры говорил, что «пьеса настолько современна, что трудно переоценить её значения для дня сегодняшнего. У Гоголя был очень грустный взгляд на наше бытие российское, гоголевский смех – это смех сквозь слёзы. Мы постарались отойти от традиции смешить народ и приблизиться к тому первоначальному смыслу, который вкладывал в “Ревизора” Гоголь» («Амурская правда», 1999, 11 декабря). Однако благие наме-

рения режиссёра не воплотились в жизнь. Слова городничего «Чему смеёшься? Над собой смеёшься!» зрительный зал не воспринимал как обращение к нему непосредственно. Представление только забавляло, так как, по справедливому замечанию Олега Маслова в рецензии «К нам приехал “Ревизор”?»: «всё происходящее на сцене “прожигается” актёрами, а изображается как бы от третьего лица. Нет и зрительского сопреживания, соучастия. Всё последующее развитие событий превращается в развлекательное шоу, где гоголевский юмор и смех подменяются гротеском, доходящим порою до клоунады» («Амурская правда», 2000, 5 февраля).

Маслов признаётся в том, что «трудно говорить об исполнении отдельных ролей, когда спектакль не воспринимается в целом». Но справедливо ради рецензента счёл необходимым отметить высокое актёрское мастерство заслуженной артистки Анны Лаптевой (Анна Андреевна), Сергея Харисова (Осип), Роберта Салахова (Добчинский), Константина Таванцева (Хлестаков): «Все они выполнили поставленную перед ними режиссёрскую задачу и составили единый игровой ансамбль».

У амурского театра есть своя сценическая история пьес А. П. Чехова. В 1955–1956 годы к постановке «Дяди Вани» обратился тогда ещё молодой режиссёр Н. И. Уралов, он же был исполнителем главной роли. В решении конфликта мечты и действительности режиссёр выдвинул на первый план не тоску героев о жизни и не мечты их, а поиски ответов на проклятые и мучительные вопросы: «Что делать? С чего начать?». Более всего эти «вечные» вопросы волнуют Ивана Петровича Войницкого (Н. И. Уралов). Все эти вопросы буквально раздирают ум и душу Войницкого, и выражаются Н. И. Ураловым по-чеховски тонко, ненавязчиво, без криков, жестикуляции, но исключительно проникновенно и волнующе. Решая образ Войницкого, Уралов как режиссёр и как артист поставил ещё одну важную проблему: какова мера ответственности чеховских героев за исковерканные жизни, за отсутствие будущего. Этот спектакль явился творческой удачей театра и получил достаточно высокую оценку зрителей и критики.

Амурский театр, имеющий немалый опыт постановки русской и зарубежной классики, после ураловской постановки пьесы «Дядя Ваня», почти двадцать пять лет не обращался чеховской драматургии. За это время были сыграны многие пьесы М. Горького («На дне», «Старик», «Мещане», «Васса Железнова»), А. Островского

(«Без вины виноватые», «Женитьба Бальзамина», «На всякого мудреца довольно простоты»), Кальдерона и Лопе де Вега. Каждая из таких работ являлась для театрального коллектива экзаменом на зрелость, мерилом его творческих возможностей. Но, даже имея за плечами такой солидный сценический багаж, театр долгое время не обращался к драматургии А. П. Чехова. Не обращался, должно быть, потому, что знал ей настоящую цену и реально оценивал трудности сценического воплощения чеховских произведений.

Лишь в 1980 году режиссёр Г. Соколов решил поставить пьесу «Вишнёвый сад» на амурской сцене. На афишах было указано: драма А. П. Чехова «Вишнёвый сад», хотя Чехов писал комедию. Сценическая история «Вишнёвого сада» весьма богата. Эта пьеса идёт на сценах многих городов, ставится одновременно в нескольких театрах. До сих пор идут ожесточённые споры о трактовке образов Лопахина, Ани, Пети Трофимова. Первоклассные актёры, талантливые режиссёры стремятся понять и раскрыть глубину комедии А. П. Чехова «Вишнёвый сад», её актуальность и современность, постичь чеховский мир.

Каким был «Вишнёвый сад» на амурской сцене? Как отмечает рецензент Л. Александрова, первые спектакли не вызывали чувства чеховского юмора и оптимизма: «От комедии в “Вишнёвом саде” всё: несообразность поступков героев с разумной деятельностью и почти гротескные приёмы обрисовки некоторых персонажей. Трудно предположить, что ничего этого не увидел или не знал режиссёр Г. Соколов. Он решил сделать их этой пьесы только драму» («Амурская правда», 1980, 26 декабря). Заметный драматический настрой в спектакле ощущается уже в первой сцене в разговоре Лопахина с Дуняшой. У артистки Н. Микрюковой, исполнительницы роли Раневской, рецензент отмечает явный трагедийный «перебор», так уж она опечалена судьбой вишнёвого сада и близких ей людей. Ближе к авторской идее образы Гаева (В. Матвеев) и Симеонова-Пищика (Д. Шубинский). Актёры сумели придать своим персонажам верную эмоциональную окраску. Они, по мнению рецензента, наиболее полно выражают идею пьесы о «несообразности жизни». Также Л. Александровой отмечена удачная работа артистки Т. Коноваловой (Аня) и Н. Берзиной (Варя). Этот спектакль был представлен на гастролях амурского театра в г. Днепропетровске. Предыдущие выступления позволили актёрам углубить свою работу над ролью, что нашло определённую оценку в рецензии на спектакль искусствоведа

Л. Николаевой, опубликованной в «Днепропетровской правде». Считая несомненной удачей постановки исполнение заслуженной артисткой РСФСР Н. Микрюковой роли Раневской, С. Харисова – роли Лопахина, Д. Шубинского – роли Симеонова-Пищика, рецензент выразила надежду на то, что амурский театр будет продолжать шлифовку своей работы: идя по руслу чеховской пьесы, не забывать о комическом характере пьесы.

Спустя двадцать лет Амурский театр вновь обратился к «Вишнёвому саду» А. П. Чехова. 11 мая 2001 года состоялась премьера спектакля в постановке хабаровского режиссёра Владимира Гоголькова. Светлана Борзунова поделилась своими впечатлениями о просмотре спектакля: «Уже до начала спектакля по сцене расхаживал “новый русский” Лопахин и под песни Андрея Макаревича размышлял о жизни. Всё это вкупе с изящным оформлением сцены создавало нужное настроение у зрителей» («Комсомольская правда», 2001, 18 мая). Особо С. Борзунова выделила игру народного артиста РФ Владимира Матвеева (Гаев). Запоминающийся образ создал заслуженный артист РФ Ренат Фазлеев, сумели понять характеры своих героев артистка Ольга Цуканова (Шарлотта) и артист Олег Бойко (Лопахин). Но рецензент была удивлена выбором актрисы на роль Раневской: «Елена Грачёва, исполняющая эту роль, не смогла сыграть хоть и легкомысленную, но много пережившую героиню. Очарование и девичья юность Раневской Елены Грачёвой противоречат образу чеховской героини: обе её дочери – родная и приёмная – выглядят заметно старше материю даже детские бантики и наивно открытый рот не помогли Ане (артистка Е. Назаркина) выглядеть младше матери. Сложно было Олегу Бойко (Лопахину) изображать героя, которого Раневская в его детстве утешала». Рецензент полагает, что, наверное, необычно юная Раневская – это своеобразный режиссёрский ход, который предстоит ещё разгадать критиками и зрителям.

Об игре Е. Грачевой в спектакле существуют разные отзывы: кто-то влюблён в неё, кто-то считает излишне молодой, кто-то – очень эмоциональной. Но идёт «обкатка» спектакля и вместе с ней «обкатка» образов. Последующие спектакли позволили увидеть в игре Е. Грачёвой новые грани образа. Олег Маслов по этому поводу пишет: «Роль Раневской наполняет дебютирующая в нашем театре Елена Грачева. По своей сути её героиня – эта та же чеховская барыня, которую новая жизнь, в конечном счете, вытесняет и выбрасывает за свои пределы. Она значительно моложе и темпе-

раментнее классической чеховской Раневской, но вряд ли это заслуживает упрека. Во-первых, за прошедшие сто лет существенно изменилось возрастная оценка наших сограждан <...> И во-вторых, лучше все-таки молодым играть старших себя по возрасту, чем наоборот <...> Надо прямо сказать: дебют Елены Грачевой состоялся, и будем надеяться, что труппа театра пополнилась перспективной актрисой».

Образ Лопахина – один из ключевых образов пьесы Чехова. Он всегда находится под особым вниманием зрителей и рецензентов. Особенно ярко Олег Бойко сыграл в знаменитом III акте в сцене после покупки вишневого сада. Артист сумел выразить чувства и «малограммного Ермолая», потомка крепостных, и купца, удачно обошедшего в сделке конкурента. А его нескрываемая радость за покупку – это отнюдь не злорадство и не торжество победителя, а гордость свободного человека, ставшего хозяином имения, где дед и отец его были рабами.

Олег Маслов отмечает в своей рецензии: «Современно выглядит и Лопахин в исполнении Олега Бойко. Внешне он похож на “нового русского”, но, по сути, является скорее образцом предпринимателя среднего класса. <...> Олег Бойко прекрасно раскрыл в этом предпринимателе разумного, сильного, порядочного человека и еще раз порадовал нас своим актерским дарованием».

Все, кто писал о постановке «Вишневого сада» считают, что образ Гаева в исполнении народного артиста РФ В. Матвеева несомненная удача спектакля. Его Гаев привязан к родному саду и в то же время не может найти выход, чтобы его спасти, сохранить. Печаль его трогает душу, но в этом герое нет ничего основательного, что вызывает смех, а порой горькую усмешку. Барство, капризы, страсть к бильярду, беспомощность пятидесятилетнего младенца Гаева ёмко переданы В. Матвеевым.

Написав эту пьесу, А.П. Чехов признавался: «Вышла у меня не драма, а комедия, местами даже фарс». Именно в этом ключе и поставил спектакль хабаровский режиссер Вадим Гогольков.

«Драматическая развязка подбирается неумолимо, но подсудно. Единственный, кто не скрывает своей тревоги и настаивает на принятии реального решения, это Лопахин. Раневская хоть и живет с ощущением надвигающегося краха, упорно отвергает протянутую ей руку помощи, уловая на эфемерные проекты своего ни на что не способного брата и сохраняя привычный образ жизни.

И она, и все остальные прозябают в текущих заботах и бездумной праздности, не задумываясь, зачем они появились на свет и для чего существуют», – так об идее спектакля пишет О. Маслов.

Режиссеру В. Гоголькову удалось с незнакомым ему творческим коллективом добиться хорошего игрового ансамбля. В постановке спектакля ему помогали его земляки-хабаровчане – художник Павел Оглузин и композитор Дмитрий Голланд.

Рецензии на спектакли Амурского театра драмы Маслов писал на протяжении всей своей жизни. Все они отличаются глубоким пониманием театрального искусства, его влиянием на зрителя. Рецензии Олега Константиновича носят прикладной, практический характер. Он оценивает работу режиссёра-постановщика, актёров, оформителей, прежде всего, как зритель, умеющий грамотно говорить о художественном уровне спектакля. В каждой рецензии Маслов отмечает сценическое мастерство актёров, обращая внимание на их промахи и выделяя достоинства; талант режиссёра; простоту и выразительность сценографии. Все свои театральные отзывы Маслов завершает пожеланием творческих открытий и новых интересных спектаклей как зрителям, так и исполнителям.

Олег Маслов в воспоминаниях и оценках современников

Олег Константинович до конца дней обладал феноменальной памятью, светлым умом, писал стихи. Он присыпал их мне, и мы с радостью публиковали эти произведения в альманахах «Приамурье» и «Амур». В последнее время Маслов тяжело болел, но мы все равно постоянно созванивались, общались. С Олегом Масловым мы были знакомы с 1961 года: впервые встретились в пионерском лагере, где были вожатыми. Пообщались, почитали друг другу стихи, а вскоре между нами возникло то, что называется дружбой. Вместе мы много ездили по Приамурью, выступали с поэтическими вечерами. Можно сказать, объездили всю область: побывали в каждом населенном пункте и даже в таежных стройотрядах, где люди жили в вагончиках. Олег Константинович в этих поездках всегда был очень энергичным и воодушевленным. Мы, остальные авторы, едва

поспевали за ним, а ведь он еще в детстве потерял ногу, у него был протез. Таким он и запомнился: мужественным, стойким, настоящим товарищем.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

Поэзия О. Маслова – поэзия истинно русского интеллигента, человека одаренного и глубоко убежденного в том, что он делал и делает. откройте его поэтические книжки, вчитайтесь в них. Я уверяю, вы не найдёте ни одной строки, в которой сквозили бы лицемерие, фальшивь, истерика... Потому как нет этих черт и в характере автора – скромного, обаятельного, требовательного к себе человека. Маслов – врач, более того, один из опытнейших и знающих в своей отрасли, кандидат медицинских наук. Всю жизнь работа давала ему хлеб насущный, а стихи – это уже выражение духовных потребностей, стремление осознать предназначение человеческой судьбы в мире, обществе и государстве. И не отсюда ли главным стержнем его лирики – а Маслов поэт лирический – стало философское осмысление человека как самого замечательного феномена в море вечности.

Николай Недельский,
кандидат филологических наук

Помнится, когда Маслова принимали в Союз писателей СССР, один маститый литератор заметил, что, Олегу Константиновичу надообно определяться и выбирать что-то одно, ибо одновременное служение двум Музам – поэзии и медицине – пойдёт во вред каждой из них.

Наверное, останься Маслов медиком, то давно уже был бы доктором наук и профессором. <...> Соцредоточься же он на литературной деятельности, написал бы гораздо большие прекрасных стихов и рассказов. Дилемма, однако, оказалась неразрешимой. И Олег Маслов нашёл силы быть верным своей стезе, которая шла как бы по двум колеям, и его счастье, что колеи вели в одном направлении – к познанию Истины и Красоты.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

Олег любит листать альбомы с фотографиями родителей, родственников, друзей – эти свидетельства ушедших лет, достойные благодарной памяти. Вспоминается поселковая больничка – люби-

мое детице отца, лошади в кивдинских шахтах, ослепшие от работы в подземелье, отзвуки далёкой войны, кровоостанавливающий жгут на покалеченной ноге, врезавшийся в мягкие ткани, тускло поблескивающие бронзовой краской орнаменты театральных фойе, солёный пот, заливающий глаза и струящийся по спине во время многочасовых операций... Милые сердцу фотографии. 'Родные лица. Иных уж нет...

Отец... Его авторитет, что на работе, что дома, был непрекаем. Принимая решения, мог быть жёстким и требовательным, но в то же время он простил человека, собиравшегося упрыгать его в ГУЛАГ. У отца Олег научился видеть в людях, прежде всего, хорошее.

Всегда открытая, гостеприимная – вот уж, поистине, душа нараспашку – мама Ирина Константиновна. Благодаря ей каждый член семьи ощущал в домашней обстановке тепло и уют. На работе она была рядом с мужем: он – хирург, она – операционная сестра.

С Нэлли Яковлевной Олег познакомился в трудную для себя минуту жизни и сразу почувствовал, что у него появился надёжный, интеллигентный друг. Жена словно приняла эстафету от матери, обеспечив ему прочный семейный тыл.

А это – профессор Ваневский. Владимир Львович первым пробудил у Маслова неподдельный интерес к анестезиологии.

Строго смотрит с фотографии красивый мудрый старик, патриарх отечественной анестезиологии, Исаак Соломонович Жоров. Его взгляд вопрошает: всё ли ты успел сделать, что хотел, Олег?

Листы альбома – те же страницы жизни. В зрелом возрасте мы оглядываемся назад, оцениваем поступки и убедительность своей роли, сыгранной на гигантской сцене бытия. Олег Константинович благодарен судьбе и родителям за сложившуюся жизнь. Трудно утомимая жажды сказать веское слово в профессии и живительная вла- га неиссякаемого родника поэзии слились в нём воедино, сделали жизнь гармоничной.

Он помнит один из родительских заветов – уметь прощать людей, – свято следует ему и поэтому сегодня находится в окружении друзей. Врагов у него нет. Этот вовсе не атлетического сложения, но сильный духом человек всегда, подобно герою великого драматурга Островского Счастливцеву, готов на жест, исполненный благородства и участия: “Руку, товарищ!”».

Николай Георгиевский, врач

Никогда не видел Олега, декламирующего свои стихи по книжке или рукописи. Только наизусть! Вот уж о ком с полным правом можно сказать, что всё своё он носит с собой. И если он читает какого-либо нового для себя поэта, то смело можно утверждать, что в его бездонной памяти запечатляются одно-два стихотворения – хотя бы из уважения к чужому труду, но выбирает Олег при этом самое-самое заветное, вкус у него абсолютный.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

Маслов оказался человеком весьма скромным. Он больше склонен говорить о своих попутчиках по нелёгкой дороге врачевания, нежели о себе. Однако в нём искренне удивляет памятливость, рассудительность и логичность. Все это в нем, наверное, от очень раннего осознания своей ответственности, необходимости принимать решения. Без этого врачу никак. Перед ним был пример отца. Можно только догадываться, чего стоила ему внутренняя организованность. Ведь у него была врождённая склонность к писательству, к поэзии.

Александр Малык, журналист

Жизнь Олега Константиновича – это повторение классического пройденного. Как у Чехова, как у Булгакова, как у многих других известных поэтов и прозаиков, его жизнь протекала в двух руслах: он одновременно был и прекрасным врачом, и не менее прекрасным поэтом. Основатель амурской анестезиолого-реанимационной службы, он добился на медицинском поприще больших успехов. Главный же его успех – это сотни и сотни спасённых им жизней.

Говорят, если человек талантлив, то он талантлив во всём. Наверное, Олег Константинович мог бы стать прекрасным живописцем, самобытным архитектором, тонким композитором, но душа его выбрала поэзию. И здесь он также, как и в медицине, преуспел. Он написал огромное количество стихов, многие из которых войдут в сокровищницу не только дальневосточной, но и российской поэзии.

Я люблю общаться с этим человеком. Он мудр, он начитан, он интеллигентен. И, как всякий талантливый человек, он обладает чувством юмора. Короче, любит похохмить.

Алексей Воронков, писатель

Как-то в одном из наших давнишних разговоров Олег Константинович высказал запавшую мне в память мысль. Какую линию поведения на первых шагах своей деятельности должен выбрать врач? Если нагло забронируеться от людской боли и страданий, то сохранит своё здоровье и работоспособность. Но утратит сочувствие к больным и страждущим. Если же каждую потерю и все человеческие боли станет воспринимать как свои собственные, то вскоре лишится сил и собственного здоровья. И, следовательно, тоже перестанет быть врачом. Тогда Олег Маслов и сказал о той золотой середине, без которой невозможно врачевание. Не умирать с больным, но и не черстветь душой. Принцип семейственности династии Масловых. Это так близко к Гёте, к его попытке остановить прекрасное мгновение истины и красоты. И так неувовимо... ».

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

Первая тоненькая книжка стихов «Моя профессия» вышла в 1973 году и сразу стала событием. Не только среди медиков, хотя была посвящена именно этой профессии, – она заставила о себе говорить просто ценителей поэзии, ибо автор так свежо, так неординарно сказал об этом, воспетом всеми жанрами литературы, труде, что не восхититься его словом было невозможно. Многие строки первой внешне непрятзательной книжечки стали афоризмами: «Страшна не боль – анестезия для человеческой души» или «Не всегда мозоли – доблесть, а их отсутствие – позор».

Стихи Олега Маслова вообще тяготеют к афористичности, особенно – своими концовками, и это не случайно. Как человек, он прожил большую жизнь и, проживая её, всегда думал о себе в окружающем мире и о мире в себе, наращивая житейский опыт. Как врач, он видел много человеческой боли и не потерял способности ей сопереживать. Его опыт, помноженный на боль, превратился в мудрость, которая нашла своё яркое выражение в стихах.

Станислав Федотов, писатель

Вспоминается мне один трагикомический эпизод. Возвращались мы в Экимчан из золотоносной Харги. Далеко заполночь, уже подъезжая о льду Селемджи и посёлку, провалились в промоину. Когда в салоне автомобиля под ногами у нас заплескалась вода, дремавший до того Маслов вскрикнул и спросонья поинтересовался, в чём дело. Попыхивая сигаретой, прозаик Владимир Евдокимов обронил:

«Мы утонули, Олег Константинович». И надо было видеть молниеносную реакцию Олега: «Почему же тогда я тебя слышу?». Меновенно у всех поднялось настроение, к тому же выяснилось, что про-моина неглубока и вскоре подоспела помощь.

Быть может, я потому это вспомнил, что меня всегда восхищала в Олеге, при всей его внешней маломощности и хрупкости телесной, вот эта мужская закалка. И физические нагрузки, и психологические испытания, стрессы он переносил подчас более достойно, чем мужики, как говорится, в соку. Порой на Днях литературы от-махам за сутки на колёсах до тысячи километров, все с ног валятся от усталости, а он ещё находит в себе силы улыбнуться, подбод-рить шуткой.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

У Маслова своё отношение к Лермонтову.

«Это был не просто великий поэт, а всесторонне одарённая лич-ность – играл на скрипке и фортепьяно, неплохо пел, занимался ри-сованием. – Олег немножко помолчал, а затем с лёгкой грустью, слов-но переживая за только что навсегда покинувшего нас человека, продолжал. – Поэт, как мне кажется, исповедовался в своих сти-хах. У него была нелёгкая судьба, он не мог стать певцом радости и солнца и стал поэтом печали. По глубине философского обозрения эжизни в известной мне поэзии нет равных шедевру “Выхожу один я на дорогу”».

Мне незнаком в Амурской области энциклопедист, готовый, по-добно Маслову, в любой момент и к месту прочесть по памяти сти-хотворения самых разных поэтов. Классики мировой и отечествен-ной поэзии: Байрон и Тютчев, Гёте и Пушкин, Маяковский и Па-стернак, Эдгар По в переводе Зенкевича и Бальмонта, сам Баль-монт, акмеисты, футуристы и символисты – вся эта, на первый взгляд, несистематизированная информация бережно хранится в кладовых его памяти. Он помнит наизусть и малоизвестных по-этов, с которыми его сводила поэтическая стезя. Прочтя блестя-щие эпиграммы Гафта или сотканные из парадоксов и гипербол ми-ниатюры Губермана, он прикрывает от удовольствия глаза и bla-женно улыбается, словно предлагая разделить с ним радость от соприкосновения с энергичной строкой и лаконичной образностью.

Николай Георгиевский, врач

Сколько знаю и дружен с Масловым, перечитав от корки до корки все его книжки, не перестаю восхищаться одним обстоятельством. Все стихи Олега, чему бы они не посвящались, стали фактом его биографии и как первопричина их появления на свет, и как следование выработанным им же самим рецептам (медик же!) поведения в жизни. У него нет вовсе придуманных стихов, он всё прожил и прочувствовал, продумал и выстроил, пропустил через себя. В известном смысле его поэзия – лирический дневник одного конкретного человека. Но человека крупного, масштабного, вселенски мыслящего. И при этом замечательного также детали, без которых время потеряло бы свои приметы. Таковы его стихи о военном детстве, путешествиях по миру (Болгария, КНДР, Япония, Финляндия, Австрия, Турция, Китай – и это лишь пунктирные обозначения его маршрутов), изумительно впечатляющий цикл о медицине.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

В сборниках Олега Маслова мирно соседствуют стихи об Испании – а в них герои Сервантеса Дон Кихот и Санcho Панса, первооткрыватель Америки Колумб – с вполне «домашним» стихотворением «Дачное», строки о рыбной ловле в Приамурье – со стихами, воскрешающими историю России: «Коломенские дубы». А рядом сонеты, миниатюры. Так всё по-видимому и должно быть. В этом соседстве, в этом многообразии впечатлений – суть поэтической основы, её начала. Думаю, далеко не случайно первая часть сборника «Лицом к лицу» озаглавлена «В гостях и дома». Не нужно громко кричать о своей любви к отечеству, но тонко подметить, чтоозвращение – из путешествия, изгнания или рядовой командировки – к своим родным и близким всегда подобно празднику – это одна из высших поэтических задач, которую убедительно просто решает сам автор:

Только нет на свете и поныне
Уз надёжней кровного родства,
Оттого и в каждом блудном сыне
Тяга к дому отчemu жива.

Эти строкиозвучны мыслям многих русских поэтов.

Николай Недельский,
кандидат филологических наук

Слышать стихи в исполнении автора – это ни с чем не сравнимое счастье. В течение всей встречи Олег Константинович прочёл их множество: новых и давно написанных. Удивлялась и восхищалась объёму его памяти. Стихотворение про первую любовь (оно у меня самое любимое) слушала и повторяла про себя вместе с ним

...Я прозябал всего лишь в третьем,
А ты была уже в шестом...

Очень надеюсь, что увижу и услышу Олега Константиновича в Благовещенске вновь. Потому что его произведения написаны для моей души. Может быть, и для вашей тоже?

Марина Телухова, журналист

Привлекательность творчества О. Маслова – в его стремлении к высоте человеческого и гражданско-го долга, в его сопричастности с происходящим в мире и рядом, в постоянстве сердечного беспокойства. Этим пронизана вся лирика поэта.

Борис Машук, писатель, публицист

Уверены, имя Олега Маслова не исчезнет с литературного небосвода Приамурья. Ко многим его произведениям мы будем возвращаться вновь и вновь, осмысливая их глубины и поднимаясь к их высотам.

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

Методические рекомендации к изучению жизни и творчества О. К. Маслова на уроках литературного краеведения

*Игровые начала в лирике Олега Маслова**

О.И. Щербакова
профессор кафедры русского языка и литературы БГПУ

Олег Маслов – известный амурский поэт. Его поэзия отличается многогранностью и тематики, и художественной манеры подачи материала. Об этом говорит и сам поэт в «Слове к читателю»: «А пока приглашаю разделить со мной плоды «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», которые мне удалось запечатлеть в стихах и прозе на протяжении солнечной и пасмурной, праздничной и будничной, а в итоге единственной и неповторимой моей жизни».

Нельзя сказать, что по типу художественного сознания Маслов – игровой поэт (например, как Д. Хармс), но элементы игры достаточно активно вплетаются в его произведения.

Во-первых, в поэзии Маслова мы находим форму игрового обращения со «своим» или «чужим» словом, которые использует поэт для создания определённого смыслового (и звукового) эффекта. Во-вторых, в стихотворениях поэта мы находим элементы ролевой игры.

Тема стихотворения «Далянь» (1992) – посещение амурским туристом китайского города, известного в отечественной истории как город Далярний.

Стихотворение и начинается с обыгрывания мотива «дальноти»:

*И вновь меня пути скитаний
По зову сердца привели
К заветной пристани желаний
На берег моря, край земли.*

Всё стихотворение построено на антитезе «мир – война», которая чётко определена во второй строфе:

Так свеж и ласков встречный ветер.
Так мирно плецется волна.
И ни представить, ни приметить,
Что даже здесь была война.

И далее поэт обращает свой взор в прошлое, которое навсегда запечатлелось «...в памяти и песне – / Цусима, Порт-Артур, «Варяг».

Казалось бы, воспоминания о драматических и героических для русского человека событиях не предполагают включения игрового начала в ткань стихотворения. Но словесная игра возникает в последней строфе:

*Лучистый шар над головою,
А море – глаз не оторвёшь –
Лежит такое голубое,
Что Жёлтым и не назовёшь.*

Смысловой сдвиг, который возник благодаря семантической игре, порождает поток ассоциаций. Образ голубого моря, которое видит сейчас лирический герой, изображён достаточно ярко. Воображение читателя создаёт картину великолепного солнечного дня, абсолютно спокойную морскую стихию, стоящего на берегу человека, который не может глаз оторвать от увиденного. Три первые строки порождают спокойное, умиротворённое состояние, которое как бы взрывается заключительной строкой.

Читателю понятно прямое значение слова «жёлтый» – море так названо по обилию песка, который в плохую погоду определяет его цвет. Но русский читатель может почувствовать и неявную, угадываемую реминисценцию определения «жёлтый». Как известно, во многих произведениях (Ф.М. Достоевского, А.А. Блока) жёлтый цвет создаёт атмосферу нездоровья, окружающая действительность воспринимается как ненормальная, уродливая. Поэтому игра слов «голубой – жёлтый» в контексте всего стихотворения приобретает глубокий дополнительный смысл. Сегодня спокойное, ласковое море может приобрести совершенно другой, грозный вид, как это уже было, когда «дрались отцы, сражались деды». Напоминанием об этом «жёлтом» времени являются родные могилы, которых «не счесть». Лирический герой стихотворения удовлетворён тем, что «Прошла гроза над Лядунем, / Рассеян дым. Развеян мрак, / И над Далянем

и Люйшунем – / Китайский пятизвездный флаг», который помогает «Не помня зла, встречаться здесь / И россиянам, и японцам».

И всё-таки концовка стихотворения, построенная на игре слов, напоминает, что сегодня мирное, спокойное, голубое море завтра может превратиться в жёлтое, если мы забудем уроки прошлого.

Немало стихотворений показывают особенность художественного мира поэта, который любит шутку, юмор, подмечает комическое и обыгрывает его в стихотворениях. По такому принципу построены, например, стихотворения «Помню я, как бабка Агриппина...», «Дачное».

Стихотворение «Дачное» пронизано игровыми интонациями, характерными для мироощущения лирического героя, связанного с тем, что

*То ль приспело время, то ли возраст
О себе всё большие знать даёт:
Двадцать лет назад тянуло в космос,
А теперь – на дачу, в огород.*

Антитеза «дача» – «космос» порождает игру словами и понятиями:

*Рассчитался в городе с делами,
И в объятья матушки-земли,
Будто и взаправду жил годами
От неё в космической дали.*

Сопоставляя строфы, казалось бы, можно было говорить об изменении наших идеалов, которые с годами ветшают, становятся приземлёнными; обывательский быт разрушает очарование мечты, стремление к далёкому, неизведанному. Но игра слов, возникшая от намеренного сближения прямого значения слова (лирический герой мечтал о действительном полёте «в космические дали») и переносного («космический» значит «грандиозный, громадный»), приводит к очень важной для поэта мысли: когда-то в юности мы и не подозревали, что есть вещи значимые здесь, «на матушке-земле», от которой мы жили «в космической дали». Преодоление этого когда-то громадного для молодого человека пространства зрелым лирическим героем толкуется в стихотворении как «тяга к дому отчemu» «блудного сына».

Так постепенно за игровыми интонациями проступает и разрастается второй план стихотворения – глубокий, философский. Примечательно, что мотив любви к родной земле обыгрывается в комической и патетической тональности. И в последующих строфах продолжается эта игра. Вот шутливо изображённая картина душевного умиротворения дачника:

*На душе спокойно и счастливо,
Словно все отпущены грехи,
Зреют помидоры, перец, сливы,
За плетнём горланят петухи.*

А последняя строфа стихотворения искусно строится на игре разноплановыми смыслами и интонациями: философская сентенция: «Будто постигаешь жизни тайну...» возникла из конкретной бытовой сценки: «До чего ж смородина вкусна!» Но эта бытовая реалия приводит к неожиданному патриотическому восклицанию: «Только здесь поймёшь, что не случайно / Такозвучна с родиной она».

Этимологически слово «смородина» произошло от слова «смород» – сильный запах, но Маслов воспринимает его поэтически. Таким образом, игра слов «смородина» – «родина», построенная на звуковой перекличке, не разрушив тёплого отношения поэта к «матушке-земле», создаёт образный строй всего стихотворения и заставляет его звучать на новом смысловом уровне.

Стоит отметить, что излюбленным приёмом поэта является движение образа-переживания в стихотворении: от игровой, шутливой интонации к серёзному, порой патетическому, порой философскому выводу. Такое движение мы наблюдаем, например, в стихотворениях «Куда с безоглядностью детской...» и «Нулевые циклы».

Стихотворение «Нулевые циклы» целиком построено на игре с различными смысловыми оттенками слов. Это стихотворение убеждает в справедливости утверждения Й. Хейзинги: «То, что поэтическая речь делает с образами, есть игра».

Лирический герой, обозревающий «кварталы городские», размышляет об основах их существования и вводит термин, известный всем строителям: «нулевые циклы». Обыденное, как бы впервые увиденное, становится исходной точкой размышлений поэта, которые приводят его к образу «нуля», с него «всё начинается на свете». Нуль плавно перетекает в «ничего», и возникает игровая цепочка,

построенная на отрицательных местоимениях и наречиях: «Из ничего нигде ничто не возникало». Эта игра со значениями слов приводит к тому, что образ нулевого цикла, возникший в начале стихотворения как бытовой предмет, превращается в метафору: «И Жизнь бессмертна оттого, / Что ей Земля опорой стала».

Продолжение игры на уровне содержания приводит в конце стихотворения к патетическим интонациям, связанным с новым ощущением жизни и её предметов: появляется образ *Истории*, которая нам дала

*Особо важное заданье:
Под слоем вечной мерзлоты
Людской вражды и святотатства
Открыть доверия пласти
И заложить фундамент братства.*

Так опять одно слово, на котором построена смысловая игра, создало образный строй всего стихотворения и привело поэта к серьёзным нравственным и философским размышлениям. Стихотворение завершается оптимистическими нотами, связанными с устремлённостью поэта в будущее:

*И надо жить и не сложить,
Покуда жив, в покое руки.
Чтоб вечны были этажи,
Что возведут за нами внуки.*

Мы видим, как образ нулевого цикла стал звеном в цепи времён.

Важнейшим свойством игры является способность к перенесению. В лирике О. Маслова мы находим стихи, где ощущается склонность автора к ролевой игре. На этом приёме построено стихотворение «Автобус мчит просторами Ла-Манчи...».

Смена игровых планов сознания двух литературных образов приводит к «раздвоению» лирического героя. Объяснение этому даёт он сам. Герои Сервантеса, которые «...от века неразлучны, / Всей сущностью своей живут во мне». Стихотворение показывает, что герои, противоположные по восприятию жизни, действительно уживаются в душе поэта. Первый голос испытывает на себе влияние образа Дон Кихота, поэтому создаётся с помощью стремительной, порывистой интонации, использования экспрессивных слов «примчал»,

«бросив». Энергично звучат призывы: «Вперёд, вперёд – вот там, у горизонта, / Двух всадников маячит силуэт...». А затем мгновенная перемена интонации: «А здравый смысл ворчит: опомнись, что ты – / Ведь их на свете не было и нет». Удлинилась строка, изменилась лексика, и читателю слышится голос Санча Панса, потому что появилась характерная для него по-житейски здравомыслящая речь. Дальнейшее сопоставление образов построено на игре слов, стилистически по-разному окрашенных: «Один влечёт к высоким идеалам, / Другой нудит заботою земной...» Глагол «влечёт», использованный для характеристики знаменитого иdalьго, относится к слову высокого стиля, а «нудит» является глаголом разговорного стиля, он явно из лексического запаса Санча Панса. Изобразительную функцию имеет в данном случае и звукопись. Высота устремлений Дон Кихота выражается с помощью ассоцаций на [o], [ы] и заканчивается строка широким [a], что в совокупности рождает ощущение простора. В строке, создающей образ Санча Панса, появляются ассоциации на [у] (другой, нудит, заботою), что, приглушая краски бытия, рисует воображению читателя немного ноющего, недовольного героя.

Примечательна и концовка стихотворения. Здесь возникает ещё один образ – озорного мальчишки. Взрослый человек, сохранивший в себе детское начало, подтрунивает над собой: «Мне в жизни только шпаги не хватало – / Её-то я и привезу домой». И становится ясно, что детскость – одно из важнейших свойств художественного мышления поэта.

Таким образом, игра, ставшая компонентом стихотворения, помогает созданию художественных образов и передаёт мироощущение поэта.

В некоторых стихотворениях наблюдается склонность Маслова к реминисценциям игрового, шутливо-пародийного характера. Таково, например, стихотворение «Н.».

Состояние влюблённого третьеклассника поэт соотносит с состоянием лирического героя пушкинского шедевра, о чём впрямую говорит эпиграф: «Я помню чудное мгновенье...». Стихотворение начинается с диалога с этой пушкинской строкой:

*И мне не позабыть мгновенья,
Которое воспел поэт, –
Оно пришло, как озаренье,
В мои ребячьи девять лет...*

Игровая ситуация, отражённая в стихотворении, приводит к добруму вышучиванию состояния девятилетнего мальчика, испытавшего, пожалуй, первую влюблённость.

Игровая лёгкость пронизывает всё стихотворение.

Мы видим элементы ролевой игры, которые проявляются в том, что чувства поэта (в пушкинском стихотворении) как бы заимствуются, «надеваются» на чувства третьеклассника, который

*С удивлением заметил,
Что среди всех есть ты одна,
И день свиданием стал светел,
И ночь разлукою темна.*

Игровой характер произведения усиливается тем, что образы «чудного мгновенья» и «гения чистой красоты» выступают в роли начал, организующих, цементирующих художественную ткань стихотворения Маслова. На этом и строится словесная игра, идущая через всё стихотворение.

Сравнения «чудное мгновенье» и «гений чистой красоты» следующим образом трансформируются в стихотворении:

*Я был готов смотреть часами,
Забывшиесь на твои черты,
Как на изменчивое пламя
Непостижимой красоты.*

Как видим, для создания образа страдающего третьеклассника используется стилистическая окрашенная лексика и отбор изобразительных средств, характеризующих наивное литературное сознание. Герой стремится, с одной стороны, высоким слогом, используя литературные «красивости», сказать об охвативших его чувствах. С другой стороны, он иногда прибегает к простейшей манере речи: «милые черты», «небесные черты» стихотворения Пушкина превращаются в речи лирического героя Маслова в «твои черты», видимо, такой стиль речи естествен для мальчика.

В другой строфе образ «чудного мгновенья» превращается во «встречи», которые «были так мгновенны», потому что «Их прерывал звонок, как рок». А дальше идёт обыгрывание пушкинских строк: «В глуши, во мраке заточенья, / Тянулись тихо дни мои».

В стихотворении Маслова состояние лирического героя аналогично состоянию пушкинского, но временной масштаб разлуки также определяется возрастом влюблённого человека и характером его занятий: «И целый час до перемены / Вновь длился тягостный урок». Игра с художественно-речевыми средствами, использованными в стихотворении Пушкина, приводят к шутливому описанию сознания влюбленного третьеклассника.

Игровой характер описания переживаний юного героя объясняется в finale стихотворения: оказывается, источник страданий связан с тем, что

...легче было умереть мне,
Чем пред тобою открыться в том...
Я прозябал, увы, лишь в третьем,
А ты была – уже в шестом.

Во вступлении к сборнику «Избранное» Игорь Игнатенко отметил существенное свойство поэзии Олега Маслова: «Маслов не был бы поэтом, если бы из довольно малозначащего занятия не вышел бы на большое общечеловеческое обобщение, которое помогало ему в “жизненных теснинах”».

Как видим, зачастую таким общечеловеческим обобщениям способствуют различные виды игр, создающие многогранные поэтические образы.

* Примечание

См. также: Щербакова, О. И. Игровые начала в лирике О. Маслова / О. И. Щербакова // Лосевские чтения – 2008 : материалы региональной науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. – Вып. 1. – С. 23–31.

Поэзия Олега Маслова

*Беседа о поэтическом творчестве Олега Маслова**

Цели:

1. Познакомить с поэзией О. Маслова.
2. Развивать интерес к поэзии.
3. Воспитывать патриотизм.

Оборудование: Книжная выставка «Верность слову и делу».

Олег Константинович Маслов – врач, кандидат медицинских наук, доцент, заслуженный работник культуры РФ, лауреат Амурской премии в области литературы и искусства, почетный гражданин города Благовещенска. Хорошо известен как автор многих стихотворных сборников. Стихи его публиковались также в газетах, журнале «Дальний Восток», литературно-художественных сборниках.

Родился Олег Константинович Маслов в Благовещенске, но детство его прошло в небольшом шахтерском поселке Кивде (близ города Райчихинска) в семье медиков. Отец его был военным хирургом, мать – операционной сестрой. Это обстоятельство сказалось на кочевом образе жизни семьи, переменившей в Амурской области несколько городов и районов. А в 1949 году Олег уезжает в Хабаровск и поступает в медицинский институт. Закончив его, получает направление в Благовещенск. Здесь работает хирургом в областной клинической больнице, а затем анестезиологом. В то же время занимается научной работой, защищает диссертацию кандидата медицинских наук. А с 1965 года он работает в Благовещенском медицинском институте (ныне Благовещенская медицинская академия).

Но у Олега Константиновича есть и другое призвание: он поэт. И трудно сказать, какая сторона его деяний перевесила. В обоих случаях мы имеем дело с человеком-профессионалом.

*У каждого над головой –
Своя звезда в небесной стыни,
А у меня – мой крест земной.
Моя бесценная святыня.*

«Я всегда хотел стать поэтом. Хочу и сейчас, хотя за плечами почти вся жизнь и вряд ли стоит рассчитывать на какие-то открытия

и крутые повороты в судьбе – что должно было свершиться, уже свершилось. И всё-таки надежда не покидает – хочу и надеюсь.

Внешне всё вроде бы и состоялось – есть стихи, песни, книги, есть и формальные приметы признания. И всё же не хватает чего-то главного. Ведь поэт – это ещё не тот, кто пишет, и кого называют поэтом, а тот, кого читают и считают таковыми... Однако есть все основания считать себя пишущим врачом». Это слово к читателю, написанное для сборника «Избранное» самим Олегом Константиновичем в 2002 году, в год своего 70-летия.

Медицина и поэзия. Работа и творчество. У поэта между этими словами-понятиями нет резкого водораздела, какой-либо границы. Наоборот, они одно единое.

Привлекательность творчества поэта Маслова объясняется его стремлением к высоте человеческого и гражданского долга, к пробуждению в душе читателя чувства добра, сопричастности к происходящему в мире, постоянством сердечного беспокойства. Ещё в первом своем поэтическом сборнике «Моя профессия», выпущенном Хабаровским издательством в 1973 году, как бы заключая его главную суть, поэт говорил:

*Когда-нибудь, итожа путь,
Чтоб жизнь постичь как целое,
Тебе захочется взглянуть
На всё, что в жизни сделано...*

Этим чувством и сознанием сопричастности пронизана вся лирика Олега Маслова.

Врачебный цикл, составивший основу первой книги «Моя профессия», и в других книгах остается стержневым. Есть в нём свой пульс и ритм, открытия и утраты, радости и сомнения. От ликования победы над смертью до горечи расставания с жизнью вверившегося тебе человека – таков огромный диапазон чувств поэта.

*Ответственность – поди измерь её,
Когда идет о жизни речь,
И я, как высший знак доверья,
Несу свой эскулапов меч.
Ведь, не в хвалу себе будь сказано,
В хирурге лишь боготворят*

То, что другим вовек заказано,
За что карают и казнят.
Каким же чистым, нержавеющим
Быть должен этот инструмент!
Каким в тебя безмерно верящим
Быть должен каждый пациент –
Ведь ничего нет неоплатнее
На виды видевшей земле,
Чем добровольное распятие
На хирургическом столе!

Стихи нам дарят искренние эмоции, глубокие мысли, хотя и не всегда дают ответ нашим сомнениям и чувствам. Привычные армейские наступательные «бой», «сражение» и т.д. сменяют «целительный меч», «добровольное распятие на хирургическом столе» и «смертный час».

Даже в стихотворении «На вызов» лирический герой, мчащийся на помощь неизвестному больному в воскресный день и в по-человечески понятном раздражении предполагающий:

*Иной с получки ли, с досады,
Не просыхая, сутки пьет,
А после охает и на дом
Средь ночи «Скорую» зовет.
Тот без конца со смаком курит
И сетует, что грудь болит,
А этот мучается дурью
И всех вокруг себя казнит...*

– даже настроенный подобным образом человек меняет свои чувства, как только:

*...Взошёл поспешно на крыльце
И уловил его дыханье,
И увидал его лицо,
И никого уже дороже
Тебе на свете не сыскать,
И ты уже никак не можешь,
Его надежд не оправдать.*

В 1980 году вышел сборник «Передний край», в этой третьей книге поэта проходит мысль, что борьба за человека – за здоровье тела его и духа – есть передний край забот автора-поэта и врача.

Маслов-медик борется за жизнь пациента, Маслов-поэт, на том же переднем крае, полным использованием творческого арсенала ведёт борьбу за душевную красоту и чистоту человека.

Тема родины вечна. Обращается к ней и поэт Маслов:

*Такого солнечного неба,
Такой доверчивой земли –
Тебе нигде не встретить,
Где бы твои пути не пролегли.
Здесь удивлять покамест нечем,
Но только вряд ли где-нибудь
Ты так ёщё расправишь плечи,
Таким ветрам откроешь грудь.
Здесь всё – без меры и без края,
Здесь всё – надежда и исток,
И это всё – земля родная,
Навеки близкий мне Восток.*

Автор восхищается просторами родного края, свободным дыханием на доверчивой земле, которую нигде больше не встретишь. Но что сделали с краем за эти недолгие годы?

*Вспоминать изобилье былое
Пашен, рек и тайги вековой?
Край ты мой, Приамурье родное.
Что же мы с тобой,
Что во всём нашем праведном быте –
Недобор, недохват, недород,
Что багульник – и тот в дефиците,
Под охраной закона цветёт!..*

Тема экологической катастрофы, нависшей уже и над нашей стороной, волнует О. К. Маслова. В этих стихах всё связано, философски осмыслено, эстетически согласовано.

Вот стихотворение «Снег». О чём в нём речь? Закончена операция... Белизна снега, его чистота ассоциируется у автора с больнич-

ной белизной и стерильностью. Но эта метафора – только повод для начала раздумий о предназначении врача, о той чистоте его духовных помыслов, которые мы ощущаем.

Он истово любит природу Дальнего Востока и не устает живописать её во все времена года. Более того, природа – постоянный герой большинства его стихотворений независимо от темы: «Коломенские дубы», «Пейзаж заоблачных высот», «Предел земли обетованной».

Художественной манере Олега Маслова присущи строгость и умеренность в выборе выразительных средств. Налицо тяготение к классической законченности фразы. Он предпочитает проникнуть сквозь звуковую оболочку к самой сердцевине-мысли.

*Зато, когда, закончив путь,
Ты повернешь к обочине,
Тебе захочется взглянуть
На век свой озабоченно.
И если горы ты сдвигал,
Не в тягость груз усталости.
А если в камешки играл,
То дожил зря до старости.
Как ни суди житьё-бытье,
Одно в веках проверено:
Что людям отдано – твоё,
Что спрятано – потеряно.*

Высокими образцами человеческого бытия зовет нас вперед автор, знающий цену каждому мгновению жизни, на страже которой он стоит со скальпелем хирурга и пером поэта:

*В каких бы жизненных теснинах
Я лба себе не расшибал,
Меня спасала медицина,
А ямб крылатый поднимал.
Я полюбил и то, и это
Одной любовью в звездный час –
И лиру звонкую поэта,
И чашу мудрости врача.*

Не погрешу на словословье,
Но утверждать всегда готов:
Нет краше песни, чем здоровье,
Бальзама – лучшие верных слов.

Лучше чем поэт нельзя сказать: «Приглашаю разделить со мною плоды «сума холодных наблюдений и сердца горестных замет», которые мне удалось запечатлеть в стихах и прозе на протяжении долгих лет солнечной и пасмурной, радостной и печальной, праздничной и будничной, а в итоге – единственной и неповторимой моей жизни».

А помогут вам разделить плоды «наблюдений и замет» Олега Маслова его книги с выставки «Верность слову и делу».

Книжная выставка «Верность слову и делу»

Цитата:

*В каких бы жизненных теснинах
Я лба себе не расшибал,
Меня спасала медицина,
А ямб крылатый поднимал.*

О. Маслов

Маслов, О. Ещё не спето столько песен.. : кн. лирики. – Благовещенск : [б. и.], 1995. – 86 с.

Маслов, О. Избранное. – Благовещенск : Зея, 2002. – 272 с.

Маслов, О. Костёр : стихи. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1985. – 48 с.

Маслов, О. Лицом к лицу: стихи. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1989. – 64 с.

Маслов, О. Мой век : избр. стихи. – Благовещенск : [б. и.], 1994. – 192 с.

Маслов, О. Мой крест : стихи, рассказы, воспоминания. – Благовещенск : Зея, 2003. – 126 с.

Маслов, О. Моя профессия: стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1973. – 32 с.

Маслов, О. В музее В. И. Ленина ; Талакан ; О картошке ; Сон ; Метель ; Нулевые циклы : стихи // Приамурье моё – 1983 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1983. – С. 5–9.

Маслов, О. Возвращение ; Песнь земли ; На улице ; Весеннее ; Весенний снег ; И снова – море... : стихи // Приамурье моё – 1977. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1977. – С. 151–156.

Маслов, О. На «Скорой» ; Мой крест ; Плюшевые жакетки ; Звёзды ; День как день, и вдруг – как свечерело... ; И рядом был с его бедою... ; О славе и о власти... ; На реке // Приамурье моё – 1979 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1979. – С. 33–36.

Маслов, О. Я в юности был правым стариком... ; Куда с безоглядностью детской... ; Далянь ; Не обуздать страстей природу... ; А небесным зодиаком... ; Творя судьбу свою мирскую... : стихи // Приамурье-95 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 1995. – № 1 (19). – С. 132–136.

Список литературы

Демидов, С. Стихи, идущие от сердца : [о стихах О. Маслова] / С. Демидов // Амур. комсомолец. – 1973. – 1 авг. – С. 4.

Игнатенко, И. Д. И лира, и чаша : [о творчестве О. Маслова] / И. Д. Игнатенко // Амур. правда. – 1992. – 1 сент. – С. 3.

Малык, А. Олег Константинович / А. Малык // Амур. правда. – 1998. – 15 мая. – С. 8. – (Старая мельница).

Никтовенко, Е. : [О. К. Маслов] : [интервью с поэтом и прозаиком, канд. мед. наук] / Е. Никтовенко // Амур. газ. – 1991. – 5-11 авг. (№ 15). – С. 2.

Хоцкина, Т. Радоваться жизни : [о беседе с О. К. Масловым о жизни и творчестве] / Т. Хоцкина // Амур. правда. – 1987. – 6 дек. – С. 4.

* Примечание

См. также: Поэзия Олега Маслова : беседа о поэт. творчестве О. Маслова // Приамурье литературное : внеклас. занятия по прогр. «Литературное краеведение» для 1–9 кл. ; в помощь дет. и школ. б-кам / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск, 2004. – С. 43–45.

*Нравственные и философские вопросы в лирике амурского поэта О. К. Маслова**

О. С. Ганченко,
ученица 9 класса МОАУ СПОШ с. Томское,
Серышевский район

Каждый человек, несомненно, любит свою Родину. Но любить Родину – это значит не только восхищаться её красотами, богатством, но и знать её культуру, традиции, литературу.

В «новой» России изменились ценности. Полки магазинов завалены «бульварной» литературой. Да и наши современные эстрада и кино оставляют желать лучшего. Экраны телевизоров заполонили низкопробные дешевые шлягеры, фильмы, пропагандирующие пошлость и насилие. На задний план отошли произведения классической литературы, искусства и музыки.

Обидно за нашу молодёжь, которая променяла Пушкина, Чайковского, Левитана на заграничную безвкусицу. Особенно это ощутимо в российской глубинке, где нет театров, музеев, картинных галерей, поэтому трудно воспитать любовь к настоящему искусству.

Несмотря на это, хочется верить, что Россия будет по-настоящему богата, так как главное богатство страны – это Люди. Вокруг нас не- мало талантливых людей. Далеко за пределами Амурской области известно творчество амурских художников, писателей и поэтов. Мне интересны стихи амурских поэтов. Они кажутся простыми, но такими близкими, потому что они о нас, о нашей малой Родине, об Амуре и Зее, о нашей уникальной природе. Всему этому посвящено творчество Олега Маслова. Кроме того, о чём бы он ни писал, он свято следует принципу: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

Задача моей работы – проанализировать содержание лирики поэта Маслова, выявить основную тематику его стихотворений и определить, каково их нравственное и гражданское содержание. Меня заинтересовала личность этого человека тем, что он, врач-анестезиолог, пишет стихи, которые дороги сердцу каждого амурчанина, стихи, наполненные любовью к своей Родине и гордостью за неё.

Занимаясь исследованием творчества поэта, я работала с периодическими изданиями, анализировала статьи областной газеты «Амурская правда», «Глагола» (литературного приложения к «Амурской прав-

де»), подборки стихотворений Маслова в альманахах «Приамурье», «Амур», в различных сборниках и книжках

Олег Маслов – «один из старожилов амурского поэтического «цеха»» Он «не нуждается в особом представлении: его читают и любят в Приамурье повсеместно, да и за и пределами его он хорошо известен». Олег Константинович – потомственный врач. Его отец Константин Иванович, талантливый хирург, спас жизни многим и многим амурчанам, мог бы передать сыну секреты своего мастерства, но сын пошёл другим путём...

«Я любил хирургию, – говорил он в одном из интервью, – но меня увлекла другая профессия. Тогда, полвека назад, она только развивалась. Возможности анестезиологии были ещё невелики, но вот ещё в чём дело: когда был хирургом, рядом всегда находился кто-нибудь старше меня. Я всегда мог позвать на помощь кого-то. Когда я стал анестезиологом – первым и единственным – уже не на кого было надеяться. Нужно было самому соображать, читать, учиться...».

Долгие годы упорного труда не прошли даром. Маслов стал первым в Амурской области дипломированным анестезиологом-реаниматологом.

По словам амурского поэта и журналиста А. Бобошко: «Каждый должен занимать только своё место, – у Олега Константиновича тихий, спокойный голос, он никогда не довлеет над собеседником и не возвышается над ним. С Масловым легко разговаривать, спорить, рассуждать. – Человек должен находиться именно там, где он больше всего хочет и может. Думаю, что я сумел стать неплохим специалистом».

Любовь к медицине отражается в его поэзии. Первый сборник стихотворений, вышедший в 1973 году, так и назывался «Моя профессия». Процитирую одно из стихотворений:

*Всё, чем я счастлив, чем страдаю.
Тебе во всём обязан я.
Моя профессия родная,
Жизнь беспокойная моя.*

*Я присягнул тебе когда-то,
И навсегда душа верна
Высокой клятве Гиппократа,
Как ни тяжка порой она.*

«Стихи о профессии врача, – писал кандидат филологических наук Н. Н. Недельский, – определили и название сборника «Передний край». Автору, который, «надев халат врачебный свой», встал «под знамя Гиппократа», «судьба нежданно приоткрылась своей счастливой стороной». «Счастливая сторона жизни автора обернулась благодатной основой и для его творчества. Я затрудняюсь назвать другого поэта, кто посвятил профессии врача такие искренние, тёплые стихи: «Врач», «Руки врача», «На вызов», «На скорой»... Впрочем, в перечислении названий стихов нет особого смысла. Важно другое. Профессиональное начало постоянно подпитывало поэтическое творчество, и – беру на себя смелость утверждать – увлечение поэзией способствовало углублению профессионального мастерства.

Я думаю, что это редкое сочетание, сочетание двух творческих начал в одном человеке – поэзии и медицины или какого-то иного сочетания профессионального мастерства с поэзией – непременное условие обогащения самой поэзии. Впрочем, об этом немало написано отечественными и зарубежными исследователями и, несомненно, интерес читателя вызовет оценка такого явления самим поэтом:

*В каких бы жизненных теснинах
Я лба себе ни расшибал,
Меня спасала медицина
И ямб крылатый поднимал.
Я полюбил и то, и это
Одной любовью в звёздный час –
И лиру звонкую поэта,
И чащу звонкую врача.
Не погрешиу на славословье,
Но утверждать всегда готов:
Нет краше песни, чем здоровье,
Бальзами лучше верных слов.*

Трудно усомниться в искренности этих слов», – заключает Н. Н. Недельский.

Благовещенский композитор Фёдор Воробьёв написал музыку на эти стихи, и появилась песня «Мой крест»:

*Мой Красный Крест, тяжёлый крест
Навек вручённый мне судьбою,
Мне никогда не надоест
Нести тебя перед собою.
Ты кровью светишься во мгле
И утверждаешь, что от века
Одна есть вера на земле –
В земную жизнь и человека.
У каждого над головой
Своя звезда В небесной стыни.
А у меня – мой крест земной,
Моя бесценная святыня.*

«Поэзия Маслова – поэзия истинно русского интеллигента, человека одарённого и глубоко убежденного в том, что он делал и делает. Откройте его поэтические книжки (первые сборники стихов О. Маслова вышли в Амурском отделении Хабаровского книжного издательства, в городе Благовещенске: «Моя профессия», 1973 г., «Страда земная», 1975 г., «Передний край», 1980 г., «Костёр», 1985 г., «Лицом к лицу», 1989 г.) – вчитайтесь в них. Я уверяю, вы не найдёте ни одной строки, в которой сквозили бы лицемерие, фальшь, истерика... Потому как нет этих черт и в характере автора – скромного, обаятельного, требовательного к себе человека.

Он не боится высоких слов – порядочность, честь, добро. Он верит в существование этих черт в российском характере и доказывает это своим творчеством и своей жизнью, своей принадлежностью к русской интеллигенции, на чьё высокое предназначение в русском обществе указал большой русский интеллигент Г. Успенский: «...Интеллигенция! И слова-то этого множества разглагольствующего народа даже и не понимает путём: тогда как оно должно бы иметь самый определённый глубокий смысл... Интеллигенцию надо понимать вне званий и состояний, вне размеров благосостояния и общественного положения. Интеллигенция среди всяких положений, званий и состояний исполняет всегда одну и ту же задачу. Она всегда – свет, и только то, что светит, или тог, кто светит, и будет исполнять интеллигентное дело, интеллигентную задачу»», – пишет Н. Н. Недельский.

Не менее чётко определение Д. С. Лихачева: «Лишите подлинно интеллигентного человека полностью его памяти. Пусть он забыл

всё на свете, не будет знать классиков литературы..., но, если при этом он сохранит восприимчивость к культурным ценностям, эстетическое чутьё..., если он сможет восхититься красотой природы, понять характер и индивидуальность другого человека, войти в его положение, а, поняв другого человека, помочь ему, не проявит грубоcти, равнодушия, злорадства, зависти, а оценит другого по достоинству, – вот это и будет интеллигентный человек...».

Всеми этими качествами сполна обладает Олег Маслов.

Как истинного интеллигента и патриота своей Родины его волнуют вопросы истории. Есть у Маслова стихотворения о первооткрывателях Амурской земли:

... в равнинах хлебопашных
По брегам великих рек
Основали предки наши
Сёла русские навек.
И, храня Отчизне верность,
В память дедовской земли
Именами всех губерний
Эти веси нарекли.

Или:

Не хочу сказать, что где-то худо.
И неправда, будто я забыл
Земли те священные, откуда
Прадед мой к Амуру уходил.

А вот его обращение к «коломенским дубам», которые «встречали рать Донского»:

С Россией вместе в непогоды
Мужая, ведали они
И славы радостные годы,
И смуты тягостные дни,
Бунты и царские расправы,
Творенья зодчих-мастеров... –
Сама история державы
Свивала кольца их стволов.

(«Коломенские дубы»)

Перекликаются с этими стихами и такие:

*Ещё с времён Албазина,
Маньчжур атаки отражая,
Моя родная сторона
Была исконно русским краем...
Сейчас в наследство вручена
Нам от отцов, как дар бесценный,
Одна великая страна,
И рубежи её священны.
Мы помним Невского наказ,
И все на свете нынче знают,
Что по достоинству у нас
И друга, и врага встречают.
А кто не верит в это,
Пусть
Учтёт истории уроки
На том стоит от века Русь –
На западе и на востоке.*

Эти строки пронизаны гордостью за свою Отчизну, полны достоинства истинно русского человека.

В 1991 году О. Маслов пытался переосмыслить трудные вопросы советской истории (революция, гражданская война):

*Были схватки ошеломляющие –
Не на жизнь, а на смерть спор.
Были красные и белые –
И остались до сих пор.
По земле кипящей лавою
Всё столетье напролёт
Смертный бои за дело правое
Несмолкаемый идёт.*

(«Красное и белое»)

Поэт понимает, что «...борьба – стихия сложная, / И не сразу разберёшь – Где тут правое, где ложное, / Где расплата, где грабёж...» («Красное и белое»).

Как истинный патриот, он не может спокойно видеть, как «страна, что обагряется кровью собственных сынов, неизбежно пре-

вращается в мир голодных и рабов. Перефразируя старые лозунги, он призывает к одному равенству – «жить с другими наравне», «по разуму, по совести», хотя поэт с горечью осознаёт: «Рано ставить точки куцые – / Продолжается она, / Мировая революция. / И гражданская война» («Красное и белое»).

А вот воспоминания о трудных днях Великой Отечественной войны: «И мы по карточкам делили / Бесценный хлеб военных дней...».

В стихотворении «Праздник» рассказывается о том, как на Дальний Восток пришло известие об освобождении Киева:

*Ноябрь. Шестое. Школьный вечер.
Суровый сорок третий год.
Победа так ещё далече,
Но наши двигались вперёд,
И канонада наступленья
В свинцовость жизни тыловой
Вносила радость облегченья,
Вселяла праздничный настрой
А вот стихи и о победе 1945 года:
Победу радио вещало,
И день был светом напоен,
И вся Кивда в тот день пылала
Пожаром флагов и знамён*

В стихотворении «Сверстнику» Маслов вспоминает о XX съезде партии:

*Ты помнишь день тот светлоликий,
Когда партсъезд нам возвращал
Распятый статинскою кликой
Наш всенародный идеал?*

Он не боится говорить о трудных вопросах нашего прошлого:

*Зачарованы, в призрачном зале
Раз по десять – и мал и велик –
Мы с ребячым восторгом встречали
«Светлый путь», «Волгу-Волгу» и «Цирк».*

*И не ведали самообмана
В том, что дружно поверили вдруг.
Правде той, что звучала с экрана,
А не той, что царила вокруг.
(«Сказка детства»)*

Однако поэт не может советскую историю только чёрной краской. Он признаётся: «Да, такое было время. / И такими были мы – / Новоявленное племя, / Свет творящее из тьмы...» И хотя были у нас в стране «легионы стукачей и палачей, / что пытали, клеветали, / и вершили скорый суд», которые хотят «снять ответственности бремя, / всю вину взвалив на кульп, / раствориться, затеряться, / с головой нырнуть в народ», Маслов считает, что настало время «правды вящей» и нельзя оправдывать свои гнусные дела словами: «Мол, такое было время....».

В стихотворении «В эти дни», написанном 24 августа 1991 года, когда весь мир наблюдал русскую трагедию, разыгравшуюся у стен российского Белого Дома, Олег Маслов спрашивает:

*Кто же мы, в чём нынче наша сила? –
Задаём мы вновь себе вопрос.
Дни, когда опять спасла Россия
И себя, и всех, кто к ней прирос.*

Заявляя о своём отношении к происходящим в «эти судьбоносные три дня» событиям, поэт говорит: «С кем я был? С народом – это точно», хотя и находился «за семь вёрст от главных дел», потому что «велика Россия, но пристало за неё везде держать ответ».

Как видим, обращаясь к прошлому или современным событиям, которые могут стать достоянием истории, Олег Маслов не просто описывает в своих стихотворениях исторические факты, а, как истинный патриот, даёт им нравственную оценку, извлекает нравственный или философский урок.

Олег Константинович Маслов много путешествовал. Он побывал в 16 странах мира и во многих бывших советских республиках. «Общаясь с ним, можно изучить географию некогда большой страны : Грузия. Туркменистан, Узбекистан, Белоруссия, Украина, Прибалтика... В Москве и Ленинграде прожил в общей сложности более двух лет».

Н.Н. Недельский вспоминал, как однажды «О. Маслов в составе творческой делегации Амурской области побывал в Туркмении. Впервые увидел необыкновенный пустынный край, знаменитую Кушку, Копет-Даг. За границей – Иран, когда-то загадочная Персия. Закончилась поездка, и спустя какое-то время мы прочли новые стихи, в которых ожили образы златокудрого Есенина, прекрасной Лалы, Шаганэ. В этих стихах весь О. Маслов. Вслушайтесь в них:

*И было так желанно
Взглянуть хотя бы раз
На розы Хорасана,
На песенный Шираз.
Услышать звук дутара,
И въять, а не во сне.
Предаться сладким чарам
Прелестной Шаганэ.*

Прекрасно, не правда ли? Только человек совершенно бесчувственный не оценит обаяния этих строк».

В сборнике 1989 года «Лицом к лицу» есть стихи об Испании:

*Автобус мчит просторами Ла-Манчи
По красной, зноем выжженной земле.
Где странствовали – Дон Кихот на кляче
И следом Санчо Панса на осле.
Сбылась мечта! Найти пытаюсь сходство
Меж тем, что вижу и воображал,
И не корю себя за донкихотство.
Что, бросив всё, стремглав сюда примчал...*

В первой части сборника «Лицом к лицу», которая называется «В гостях и дома», стихи об Испании и Турции соседствуют «с вполне «домашним» стихотворением «Дочка», строки о рыбной ловле в Приамурье – со стихами, воскрешающими историю России: «В сени коломенской святыни / Я встретил их, как дар судьбы, – / Стоят на взгорье и поныне / Восьмисотлетние дубы!» («Коломенские дубы»).

Есть у Маслова и прозаические заметки о путешествиях. Часть их под названием «Улыбки дальних странствий» была опубликована в «Амурской правде» от 9 июля 2000 года и в альманахе «Приамурье -2001».

В 8 августа 2002 года журналист А. Филоненко на страницах газеты «Амурская правда» рассказал о девятом сборнике О. Маслова «На земле, в небесах и на море» и опубликовал несколько стихотворений из него. Так, в стихотворении «Далянь» Маслов пишет:

*И вновь меня пути скитаний
По зову сердца привели
К заветной пристани желаний –
На берег моря, краи земли.*

Поэт, конечно же, любуется необычным пейзажем: «...Лучистый шар над головою, / А море – глаз не оторвёшь – / Лежит такое голубое, / Что Жёлтым и не назовёшь». Однако не только красоты природы волнуют его, но и вопросы истории, проблемы войны и мира:

*Так свеж и ласков встречный ветер,
Так мирно плещется волна,
И не представить, не приметить,
Что даже здесь была война.
А ведь была, и не однажды,
И не чужая, а своя,
И там, в России, знает каждый
Про эти дальние края.
Поныне в памяти и песне –
Цусима, Порт-Артур, «Варяг»...
Прошла гроза над Ляодунем,
Рассеян дым, развеян мрак,
И над Далянем и Люйшунем –
Китайский пятизвездный флаг.
И хорошо под мирным солнцем,
Не помня зла, встречаться здесь
И россиянам, и японцам,
Когда хозяин истый есть,
Который встретит и приветит,
И даже вырастит цветы,
Чтобы врагов вчерашних дети,
Сейчас живущие на свете,
Могли их павшим принести.*

Впрочем, эти вопросы всегда волновали поэта. Показательно в этом смысле стихотворение «Кушка» из сборника «Лицом к лицу» (1988):

*Змеится в барханах дорога:
На Хост, Кандагар и Герат
Ушло вас, солдатики, много.
А сколько вернётся назад?
Без жертв не работают пушки.
И всё же возвращайтесь, друзья,
Живыми, хотя бы до Кушки –
Она ведь родная, своя.*

Н. Н. Недельский пишет: «Маслов – поэт лирический, поэтому философское осмысление жизни человеком является главным стержнем его лирики. «Великий Гете в «Гимне природе» создал прекрасные образы тонкой диалектической связи жизни и смерти, единых у «величайшей художницы» – природы. «Действие, которое она разыгрывает, – писал Гете, – всегда ново, ибо она непрерывно поставляет себе новых зрителей. Жизнь – прекраснейшая из выдумок. Смерть – художественный приём для создания новых жизней».

Удивительно! Свежо! Вечные и, без сомнения, главные проблемы. Ни один поэт не может пройти мимо, не пытаясь разгадать извечную тему бессмертия человеческого духа. Не проходит мимо и Олег Константинович Маслов. С большой искренностью эта попытка воплощена в следующих строках:

*Когда я начал сердцем понимать
То, что умом давно постиг,
На свете
Не стало мне роднее слова – мать.
Не стало мне дороже слова – дети.
Мне как-то вдруг открылось, и сполна,
Что наша жизнь не бег, но эстафета
Добра и счастья, разума и света,
Что нам самой природой вручена.
Я в ней своё бессмертье ощущил.*

Не приобщаясь ни к какому чуду, —
И то, что д'орожденья в предках был,
И — что в потомках после смерти буду.
Одно нашёл, другое — потерял.
Прощай, покой!
Взамен пришла тревога:
Ведь срок, для дел отпущеный, так мал,
А сделать надо так безмерно много.

Жизнь — эстафета добра и счастья. Лирический герой Олега Маслова мыслит нравственными категориями: долг, счастье, добро, сердечность, стойкость, жертвенность, сострадание. Эта этическая углублённость в человеческую природу органически входит в образную ткань стиха, придавая ему особое нравственно-эстетическое своеобразие. Многие из его стихов пропитаны какой-то особенной солнечностью («...и так душа по-детски ликовала»), озарены улыбкой, прости по форме. Но они трогают вашу душу глубиной проникновения в такие, казалось бы, неразрешимые тайны бытия, как вечность. И поскольку перед нами поэт, то эти тайны решаются поэтическими средствами — подбором всем понятных слов, упругим ритмом, точно расставленными акцентами, и всё таким образом (а в этом и заключён секрет мастерства), что вслед за автором мы начинаем ощущать «жизнь волшебством и солнце — божеством».

И что удивительно, простые слова, кажется уже затёртые от повседневного употребления, начинают заново блестать каким-то новым блеском:

Не сетуй, человек,
На жизни скоротечность,
Пусть короток твой век.
Но ведь за веком — вечность,
И жизнь твоя — не миг,
А вечности частица,
К которой ты приник,
Чтоб навсегда с ней слиться.

Строки взяты из стихотворения «Песнь земли», которое с полным правом вслед за Гёте можно было назвать «Гимном природе». Но это противоречило бы поэтике автора, и он нашёл ему единственно точное название.

Олег Маслов – неравнодушный человек, он не может спокойно относиться к бездумному отношению человека к природе. В стихотворении «Соль земли» поэт бьёт тревогу по поводу прорытого канала, который дает возможность «зреть щедруму урожаю». Однако растут «соляные, белые поля средь зелени – как бедствия сигналы» – назревает экологическая катастрофа:

*Опять беспечность даром не прошла,
И наша скороспелая удача
Природы обернулась горьким плачем,
Вновь преподав' урок добра и зла.*

Олег Маслов призывает людей к «сыновнему поведению» по отношению к земле:

*О человек, ты сын земли родной,
Но джинном злым становишься ты сразу,
Как только власть теряют над тобой
В общенье с ней родство, любовь и разум.*

В стихотворении «Весна в Приамурье» поэт с болью вопрошаєт:

*Край ты мой. Приамурье родное,
Что же мы сотворили с тобой,
Что во всем нашем праведном быте –
Недобор, недохват, недород,
Что багульник – и тот в дефиците,
Под охраной закона цветёт?!*
*А ведь горы сдвигали, дерзая,
И твердили везде, где могли,
О щедротах любимого края.
Да любовь на слова извели.
В песнях славили предков заветы,
Только жили потомкам во вред,
Как последние люди планеты,
У которых грядущего нет.*

Как говорится, комментарии излишни – поэт предупреждает не только об экологических проблемах, но и о нравственной катастро-

фе. «Пробудятся ль душевные недра и придет ли бездумью конец?...» – спрашивает Олег Маслов, и заканчивает стихотворение словами: И взвыает земля к человеку: / – Полюби ты меня, полюби...»

Волнует Маслова и такая проблема, как «экология души». В стихотворении «Элегическое» он пишет о всеобщем равнодушии к «святым, миром чтимым местам»:

*Горько, совестно и странно,
Но не бред и не обман:
Меркнет Ясная Поляна,
И в Шахматове – бурьян.
Там отходы комбината
Травят парки и леса,
Там осваивает стадо
Заповедные места,
Где кренится набок крыша,
Где и вовсе крыши нет...
Возмущаемся и тишием,
Но на всё готов ответ...*

Редкое стихотворение поэта обходится без попытки сделать философский или же художественно-обобщающий вывод. В стихотворении «В детстве слышал я песенку эту...» Маслов призывает нас не забывать о бережном отношении к Земле. Обращаясь к ней, он говорит:

*Ты одна лишь на свете жилая,
На которой и нам довелось
Попытать своё счастье, желая
Жизнь избавить от горя и слёз.*

«Все стихи Олега, чему бы они ни посвящались, стали фактом его биографии и как первопричина их появления на свет, и как следование выработанным им же самим рецептам (медин же!) поведения в этой жизни. У него нет вовсе придуманных стихов, он всё прожил и прочувствовал, продумал и выстроил, пропустил через себя. В известном смысле его поэзия – лирический дневник одного конкретного человека. Но человека крупного, масштабного, вселенски мыслящего. И при этом замечающего такие детали, без которых время потеряло бы свои приметы», – отмечает амурский поэт И. Игнатенко.

Каждый человек стремится к каким-либо высотам: к богатству, к карьере, к славе... А нужно ли ему всё это? Вот что пишет об этом О. Маслов. Он тоже, преодолевая трудности, «все коленки уже ободрал», «карабкался выше и выше», но, достигнув своей «высоты», «понял вдруг, что счастливей не стал». И, хотя он не отказался от стремления к высотам, зато осознал, что есть душа, которой надо держаться за землю, а главное – это нравственные ценности: «И безветрие отчего дома, / И приветное слово друзей. / Именно его приятель (стихотворение посвящено Виктору Колыхалову), с которым они плыли «по вспененной реке» «на утлом рыбаком вертком обласке», дает поэту еще один нравственный урок:

*Как бы ковчег наши ни качало,
Ты за борта лишь не берись
И, хоть тонуть начнём, – nimало
Не паникуй, не суетись!*

Лирический герой этого стихотворения сумел преодолеть страх и научился управлять лодкой. Однако не это главное, а то, что это пригодилось «и на речных, и на озерных, да и на жизненных волнах»:

*И то же правило спасало:
Лицом к опасности держись
И – наше где ни пропадало –
Не паникуй, не суетись!*

О привычке все встречать «лицом к лицу» он пишет в стихотворении «Мы автобусом ехали в горы...», где проводит интересную параллель, что

*...дорога без радости встречи
Чем-то проходит жизнью сродни:
Ни открытый, ни встречного ветра:
Только склоны, да хвост пылевой...*

Поэт не хочет быть в жизни «задом к нови»: «Не люблю я обратного места, / Да и прежде его не любил».

Можно сделать вывод, что Олег Маслов не боится трудностей, препятствий, ошибок, ему скучна жизнь, если в ней всё заранее известно.

Нет, уж лучше отступлюсь;
Но судьбой не поступлюсь;
Пусть при собственном участье
Чем богат – тому и рад,
Будь то счастье ли, несчастье, –
Но своей, не на прокат, –

утверждает О. Маслов в стихотворении «Кабы знать бы наперёд...».

«Люди всегда выше всего ставили нравственность, меру и красоту», – писал в «Амурскую правду» один из её читателей из с. Белого-Реки А. Рожин, – все эти качества присутствуют в стихах Маслова:

*Какая ж сила приобщила
Меня к стихии мук людских
И словно пологом закрыла
Палитру радостей земных?*

Такие стихи мог написать только человек со всепобеждающей добротой к людям»

Нравственным лидером амурских литераторов можно считать О. К. Маслова. «Кандидат медицинских наук, он всю жизнь служит и медицине – врачеванию людских тел, и литературе – просвещению умов и возвышению духа. Маслов-медик борется за жизнь пациента, Маслов-поэт, на том же переднем крае, с полным использованием творческого арсенала ведёт борьбу за душевную красоту и чистоту человека», – указывал Н. Н. недельский. И во всех книжках, в подборках стихотворений О. Маслова всегда находятся стихи о движении жизни, о вечном споре со смертью; стихи о прошлом и настоящем своей родной дальневосточной стороны: гражданская, любовная и пейзажная лирика... Всякое проявление живого и всякая примета движения в деле, во времени, в судьбах людей – всё это магнитное поле поэтического сердца О. Маслова, человека беспокойной души, современника сегодняшних дней.

Поэт по творческой сути, Маслов писал с неменьшим успехом и рассказы, и очерки («Улыбки дальних странствий»), и мемуары («Как это начиналось»), и заметки в газеты, и критические статьи о театре, и рецензии на книги товарищей по перу. Он занимался исследованием жизни и творчества русских писателей-эмигрантов,

проживавших в Китае (в частности – Всеволода Никаноровича Иванова, автора известных романов «Чёрные люди», «Императрица Фи́ке», «Александр Пушкин и его время» и других). В «Вестнике Пекинского педагогического университета» опубликована статья О. К. Маслова «Года изгнанья и тоски», посвящённая «Беженской поэме» В. Н. Иванова, написанной в 1922 году в Мукдене. Вместе с секретарём Амурской писательской организации Игорем Даниловичем Игнатенко Маслов побывал в Харбине на презентации пятитомного издания «Серия литературы русских эмигрантов в Китае».

О. К. Маслов – лауреат Амурской премии в области литературы и искусства 1994 года за сборник стихов «Мой век». В 1998 году ему присвоено звание «Почётный гражданин города Благовещенска».

Привлекательность творчества О. Маслова объясняется его стремлением к высоте человеческого и гражданского долга, к пробуждению в душе читателя чувства добра, сопричастности происходящему в мире и рядом, постоянства сердечного беспокойства. Ещё в первом своём поэтическом сборнике «Моя профессия», выпущенном Хабаровским книжным издательством в 1973 году, как бы заключая его главную суть, поэт говорил: «Как ни суди житьё-бытьё, / Одно в веках проверено: / Что людям отдано – твоё, / Что спрятано – потеряно».

Этим чувством пронизана вся лирика Олега Маслова.

*** Примечание**

Научный руководитель – Юлия Германовна Черныш, учитель русского языка и литературы МОАУ СПОШ с. Томское, Серышевский район.

Сценарий вечера памяти О. К. Маслова*

Оборудование: портрет О. К. Маслова, свеча, розы, мультимедийная презентация, отрывки из авторского фильма Сергея Логвинова, созданного при встрече с поэтом в Израиле, книжно-иллюстративная выставка «Верность слову и делу».

Начинается вечер с демонстрации отрывка авторского фильма Сергея Логвинова, созданного при встрече с поэтом в Израиле. На экране Маслов и виды Израиля, на фоне которых Олег Константинович читает своё стихотворение: «Далеко-далеко-далеко / От милой Родины моей...».

Слайд 1. ЗАСТАВКА

ВЕДУЩИЙ выходит с зажжённой свечой и говорит:

В жизни есть конец всему. Любви... Друзьям... Страданиям... Но нет конца лишь одному – Воспоминаниям. Сегодня мы зажгли свечу Памяти, памяти об Олеге Константиновиче Маслове. Он ушёл из жизни. Но НЕ УШЁЛ от НАС.

Слайд 2. Стихотворение «Творя судьбу свою мирскую...».

Чтец 1.

*Творя судьбу свою мирскую,
Я подрезал её крылья сам:
Избрал профессию земную –
И путь заказан к небесам.*

*На верность присягнул кумириу –
И нет уже святынь иных...
Но подарил Всеевышиный лиру
И заронил мне в душу стих.*

*И в звукахробких и неясных
Открылся строй души моей,
И всё, к чему она пристрастна.
Само вверяться стало ей.*

*Любя походы и полёты,
Я обращался, как умел,
В землепроходца и тицита,
И в альпинизме преуспел.*

Но всё же главная отрада –
Учился я, вживаясь в роль,
Переживать чужую радость.
Переносить людскую боль.

Да сотворит себя творящий...
Теперь гадаю я о том,
А где я больше настоящий –
В своём ли облике, в ином?

Не застяг ныне свет кумиры,
Открыты взору небеса.
И если стал я не от мира,
То в этом мир повинен сам.

Так, год за годом в напряженье,
Одолеваю день-деньской
Своё земное притяженье,
Чтоб удержаться над собой.

И хоть гнетёт порой усталость
И душит быта кутерьма,
Но не страшат ни хворь, ни старость,
Ни жизнь, ни даже смерть сама.

ВЕДУЩИЙ. Нередко дилемма «А где я больше настоящий – В своём ли облике, в ином?» служила поводом для размышлений как самого поэта, так и его окружения. Предоставим слово Игорю Даниловичу Игнатенко.

Игнатенко И. Д. Помнится, когда Маслова принимали в Союз писателей СССР, один маститый литератор заметил, что, Олегу Константиновичу надобно определяться и выбирать что-то одно, ибо одновременное служение двум Музам – поэзии и медицине – пойдёт во вред каждой из них.

Наверное, останься Маслов медиком, то давно уже был бы доктором наук и профессором. Сосредоточься же он на литературной деятельности, написал бы гораздо больше прекрасных стихов и рассказов. Дилемма, однако, оказалась неразрешимой. И Олег Маслов нашёл силы быть верным своей стезе, которая шла как бы по двум

колеям, и его счастье, что колеи вели в одном направлении – к познанию Истины и Красоты.

Знаю, как нелегко пришлось Олегу Константиновичу, и, прежде всего, он испытывал постоянный цейтнот, преодолевая огромные нагрузки интеллектуального, эмоционального и физического свойства. Но главного он добился давно – остался верен самому себе.

Сколько раз в трудную минуту выручали меня строчки Олега из стихотворения, написанного на, казалось бы, обиходную тему освоения премудростей езды на осяцком обласке – как в сибирских краях называют подобие амурской оморочки. Маслов не был бы поэтом, если бы из довольно малозначащего занятия не вышел на большое общечеловеческое обобщение, которое помогало ему в «жизненных теснинах»

*... то же правило спасло:
Лицом к опасности держись
И – наше где не пропадало –
Не паникуй, не суетись!*

Слайд 3. Стихотворение «В каких бы жизненных теснинах...».
Чтец 2.

*В каких бы жизненных теснинах
Я лба себе не расшибал.
Меня спасала медицина,
А ямб крылатый поднимал.
Я полюбил и то, и это
Одной любовью в звездный час –
И лиру звонкую поэта,
И чашу горькую врача.
Не погреши на славословье,
Но утверждать всегда готов:
Нет краше песни, чем здоровье.
Бальзама лучшие – верных слов.*

ВЕДУЩИЙ. В книге «Чаша и лира» Олег Константинович писал: «так случилось, что на протяжении всей своей сознательной жизни я без отрыва от врачевания писал стихи. Писал обо всём, что волновало, о чём думалось по ходу жизни. А она полна была событиями всех уровней – от глобально-мировых до личностно-житейских. Вра-

щаясь одновременно в двух сферах деятельности, врачебной и писательской, мне довелось общаться со многими интересными людьми. Николай Романович Левченко – один из таких «интересных людей».

Левченко Н. Р. говорит о Маслове как о враче.

Николай Романович в заключении своих воспоминаний об Олеге Константиновиче прочёл своё стихотворение-пародию на известное стихотворение Маслова: «Я полюбил и то и это / Одно любовью в звёздный час: / И лиру звонкую поэта, / И чашу горькую врача...»:

*Я делал то и делал это,
Периодически бренча
То лирой звонкою поэта.
То кружкой Эсмарха врача.*

*Бывало, дома денег нету,
Жена, скептически молча,
Косилась в сторону поэта,
Ждала зарплаты у врача.*

*Я сам порои не знал ответа:
И чья жена, и сам я чей?
Бываю музы у поэтов,
Но жёны – только у врачей.*

*Вот дочки выросли дуэтом,
И лишь теперь понятно, чьи:
Никто из них не стал поэтом,
Зато хорошие врачи.*

*Я славно жил на свете этом,
И не жалею ни о чём.
Не знаю, был ли я поэтом,
Но точно помню: был врачом.*

Левченко передаёт слово другим врачам, которые знали Маслова, работали с ним и были дружны.

ВЕДУЩИЙ. В 1981 году, после вступления в Союз Писателей, Маслов имел возможность заняться только литературным творчеством. Но он остался в прежнем статусе и никогда не жалел об этом.

Слайд 4. Стихотворение «Мой Крест».

Чтец 3.

*Мой Красный Крест, тяжелый крест,
Навек вручённый мне судьбою,
Мне никогда не надоест
Нести тебя перед собою.*

*Ты кровью светишься во мгле,
И утверждаешь век от века,
Одна есть вера на земле –
В земную жизнь и человека!*

*И на путях страды земной
Не ведать мне душевной стыни,
Пока горит передо мной
Моя бесценная святыня.*

ВЕДУЩИЙ. Поэзия всегда была для Маслова средством осмысливания жизни, включая профессию, и доверительного общения с людьми.

Слайд 5. Стихотворение «Судьбе превратной не перечу...»

Чтец 4.

*Судьбе превратной не перечу,
Приемля жребий свой вполне, –
Идти всю жизнь заре навстречу,
Чтобы сгореть в её огне.*

*Быть может, есть завидней участь,
Но дорожу и этой я
И славлю тот счастливый случай,
Что дал мне радость бытия.*

*Улыбки от людей не прячу,
Ценю приход любого дня,
И ощущение удачи
Всегда преследует меня.*

ВЕДУЩИЙ. Передаю слово Игорю Даниловичу Игнатенко – свидетелю поэтических поисков и свершений Олега Маслова.

Игнатенко говорит о Маслове как о поэте и предоставляет возможность высказаться о Маслове другим амурским писателям и поэтам: В. Г. Левченко, А. С. Бобошко, Н. Н. Дьяковой и др.

Демонстрация отрывка «Я живу двойной жизнью...» из авторского фильма С. Логвинова.

ВЕДУЩИЙ. Переезд с Дальнего Востока на Ближний Восток заставил Олега Маслова взглянуть на многие вещи по-другому. Ещё раз задуматься над, казалось бы, решёнными вопросами.

Олег Константинович Маслов скончался 27 мая 2015 года. Похоронен в окрестностях израильского города Ришон-ле-Цион, где он жил в последние годы. В рабочем столе Олега Константиновича младшая дочь Ирина обнаружила рукопись его последнего стихотворения.

Слайд 6. Стихотворение «Вроде бы всё сделано, всё сказано...».

Чтец 5.

*Вроде бы всё сказано, всё сказано,
Нет долгов, оплачены счета,
Все узлы житейские развязаны,
И бутыль заздравная пуста.*

*Вот бы и проститься по-хорошему
С трудовою жаркою страдой
И, рассставшись с плотской бренной ношею,
Обрести забвенье и покой.*

*Близок к завершению срок означенный,
Шаг – и позади родной чертог,
Но стою в раздумье, озадаченный,
Не переступая за порог.*

*Не даёт решиться хмарь ненужная,
Будто и долги не всё отдал
И ещё чего-то очень нужного
Не доделал и не досказал.*

*То да сё, а если не морочиться,
Не искать причины в том и сём,
Главный тормоз – тот, что так не хочется
Покидать родительский свой дом.*

Вдруг забыть все радости и горести,
Что меня живили день за днём,
И ни в дальнем времени, ни вскорости
Ни о ком не вспомнить, ни о чём.

И к тому же, в том винюсь заранее,
Что, хочу того иль не хочу,
А кого-то в скорбный час прощания
Я своим уходом огорчу.

Знаю, что стояние закончится.
Дверь открыта, невысок порог.
Не страшит уход, но так не хочется
Покидать родимый свой порог.

ВЕДУЩИЙ. Олег Константинович оставил стихотворение без завершающей точки. Может быть, хотел что-то додумать и дописать позже. Возможно, эта метафора ухода, срыва в бесконечность небытия. В таком случае многоточие, например, было бы ложно. Хотя, скорее всего, истина гораздо проще – кончились силы даже поставить эту самую точку.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ, освещая жизненный и творческий путь Олега Константиновича Маслова, завершает вечер памяти известного амурского врача и поэта.

* Примечание

Презентация к вечеру памяти О. К. Маслова содержится на прилагаемом к данному сборнику диске.

Литература

Произведения О. К. Маслова

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

В небесах, на земле и на море : стихи и рассказы. – Благовещенск : [б. и.], 1998. – 96 с.

Ещё не спето столько песен... : кн. лирики. – Благовещенск : [б. и.], 1995. – 86 с.

Жизнь продолжается : стихи и рассказы о врачевании. – Благовещенск : [б. и.], 1996. – 90 с.

И чаша, и лира : рассказы, очерки, пьеса. – Ашкелон-Тель-Авив : [б. и.], 2009. – 336 с.

Из века в век : стихи и проза. – Tel-Aviv : [б. и.], 2007. – 202 с.

Избранное. – Благовещенск : Зея, 2002. – 272 с.

Костёр : стихи. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1985. – 48 с.

Лицом к лицу : стихи. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1989. – 64 с.

Мой век : избр. стихи. – Благовещенск : [б. и.], 1989. – 62 с.

Мой век : избр. стихи. – Благовещенск : [б. и.], 1994. – 192 с.

Мой крест : стихи, рассказы, воспоминания. – Благовещенск : Зея, 2003. – 126 с.

Моя профессия : стихи. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1973. – 32 с.

Передний край : стихи. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1980. – 64 с.

Страда земная : стихи. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1975. – 56 с.

ИЗ ПУБЛИКАЦИЙ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ И СБОРНИКАХ

Стихотворения

Амурские сёла : стихи // Амур. правда. – 1985. – 7 июля. – С. 4.

Амурские сёла : стихи // Дал. Восток. – 1987. – № 9. – С. 3.

Амурские сёла : стихи // День поэзии – 1986. – Москва, 1988. – С. 228.
Беда, как соль земная : стихи // Амур. комсомолец. – 1973. – 19 авг. – С. 4.

Больная : стихи // Амур. правда. – 2002. – 17 янв. – С. 7.
В автобусе : стихи // Амур. правда. – 1977. – 8 марта. – С. 4.
В больнице ; Кожан ; Уснула дальняя слободка... ; Мелькнула в небесном тумане... ; Нет, холода еще не сдали... : стихи // Дал. Восток. – 1972. – № 1. – С. 75–76.

В каких бы жизненных теснинах... ; Мой крест ; Нет, холода еще не сдали... ; Нет, не скажу, что сотворилось чудо... ; Уснула дальняя слободка... ; Прозрение : стихи // Проспект Пушкина. – 2003. – 29 авг. (№ 2). – С. 8.

В море : стихи // амур. правда. – 1972. – 20 мая. – С. 4.
В музее Ленина : стихи // Амур. правда. – 1982. – 21 янв. – С. 4.
В музее Ленина : стихи // Горняк. – 1981. – 26 нояб. – С. 4.
В музее В. И. Ленина ; Талакан ; О картошке ; Сон ; Метель ; Нулевые циклы : стихи // Приамурье моё – 1983 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1983. – С. 5–9.

В операционной ; Гиппопотамия : стихи // Амур. правда. – 1971. – 14 нояб. – С. 4.

В операционной ; Помню, в детстве бабка Агриппина... : стихи // Ленинский путь. – 1975. – 23 авг. – С. 4.

В Освенциме : стихи // Амур. дилижанс. – 2005. – 5 мая. – С. 4.
В Освенциме : стихи // Амур. правда. – 1978. – 17 июня. – С. 4.
В отпуске : стихи // Амур. правда. – 1973. – 1 сент. – С. 4.
В тот летний день... : стихи // Ленинский путь. – 1977. – 22 янв. – С. 4.
В цехах заводов Питера и Тулы... : стихи // Амур. правда. – 1980. – 27 апр. – С. 4.

В эти дни... ; Красное и белое... ; Еще о лошадях... : стихи // Амур. правда. – 1991. – 7 сент. – С. 6.

Весеннее : стихи // Амур. правда. – 1975. – 8 марта. – С. 4.
Весеннее : стихи // Амур. правда. – 1976. – 11 апр. – С. 4.
Весенний снег : стихи // Амур. правда. – 1977. – 27 февр. – С. 4.
Весна в Приамурье : стихи // Амур. правда. – 1987. – 29 мая. – С. 4.
Взыывает земля к человеку : стихи // Дал. Восток. – 1988. – № 11. – С. 71–73. – Содерж.: Из детства ; Автобус мчит просторами Ламанчи... ; Кушка ; Плыёт над Копетдагом... ; Весна в Приамурье.

Видно, я хотел тебе понравиться!... ; Почтовый ящик, старый друг... : стихи // Амур. комсомолец. – 1969. – 14 мая. – С. 4.

- Вл. Колыхалову : стихи // Сов. Приамурье. – 1985. – 3 авг. – С. 4.
- Во имя жизни : стихи // Дал. Восток. – 1982. – № 1. – С. 13–14. – Содерж.: С какой надеждой и волнением... ; Фронтовой врач ; О картошке ; Дачное ; Порой смешно, порою грустно...
- Возвращение : стихи // Стыковка : сб. стихов поэтов-строителей БАМА. – М. : Молодая гвардия, 1984. – С. 63.
- Возвращение ; Песнь земли ; На улице ; Весеннее ; Весенний снег ; И снова – море... : стихи // Приамурье моё – 1977. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1977. – С. 151–156.
- Вонсан : стихи // Амур. правда. – 1960. – 26 июня. – С. 3.
- Вот такие в жизни перемены... ; Уходит век неудержимо... ; Не-просто жизнь... // Амур. правда. – 2007. – 19 мая. – Прил.: с. 3. – (Глагол ; № 77).
- Вроде бы всё сделано, всё сказано... : [последнее стихотворение О. К. Маслова] // Приамурье-2015 : альманах : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 279.
- Вроде бы и вины твоей нет... : [стихи посвящены америк. учёно-му-астрофизику Ч. Хайдеру] // Амур. правда. – 1987. – 8 апр. – С. 4.
- Всё зрямей тот рубеж... : стихи // Амур. правда. – 1983. – 7 нояб. – С. 4.
- Встреча : стихи // Амур. газ. – 1991. – 16–22 сент. (№ 20). – С. 4.
- Встреча ; Как бы это ни звучало странно... : стихи // Амур. правда. – 1977. – 9 янв. – С. 4.
- Встреча ; Сон ; О жадности : стихи // Амур. правда. – 1992. – 1 сент. – С. 3.
- Гимн выпускников АГМА (БГМИ) : стихи // Медик. – 2002. – 20 сент. – С. 4
- Далёко, далёко, далёко ; Рождённый в Благовещенске : стихи // Амур. правда. – 2006. – 11 марта. – Прил.: с. 3. – (Глагол).
- Дачное ; О картошке : стихи // Амур. правда. – 1981. – 14 июня. – С. 4.
- Движение ; Зрелость : стихи // Амур. комсомолец. – 1971. – 26 дек. – С. 4.
- Девчонке : стихи // Амур. правда. – 1977. – 25 сент. – С. 4.
- Дорожное : стихи // Амур. правда. – 1983. – 16 янв. – С. 4.
- Душа сама ведёт всегда... ; Алабин ; Мост : стихи // Юность. – 1977. – № 2. – С. 46.
- Ещё во всю палили пушки : стихи // Амур. правда. – 1982. – 9 мая. – С. 4.
- Ещё зима, ещё морозы... : стихи // Зори над Амуром. – Благовещенск, 1963. – С. 104.
- Ещё немало лет пройдёт ; Мы автобусом ехали в горы : стихи // Амур. правда. – 2002. – 31 авг. – С. 8. – (Глагол ; № 14).

Ещё немало лет пройдёт... ; Профессия; Движение ; Зрелость : стихи // Приамурье моё – 1971 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1971. – С. 198–201.

Ещё с времен Албазина... : стихи // Стоят на Амуре русские сёла. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, 1978. – С. 97–98.

Ещё с времен Албазина... ; Мой край ; Это – будет! ; Волочаевская сопка ; У памятника герою : стихи // Приамурье моё – 1974 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1974. – С. 158–162.

Желание : стихи // Амур. правда. – 1999. – 30 янв. – С. 4.

Заветом мира... : стихи // Знамя Ленина. – 1983. – 22 февр. – С. 4.

Заветом мира... : стихи // Знамя Победы. – 1983. – 3 марта. – С. 4.

Звёздный час : стихи // Дал. Восток. – 2003. – № 6. – С. 31–34. – Содерж.: Всё могу осмыслить в нашем прошлом... ; В детстве слышал я песенку эту... ; Когда любимая ушла... ; Плюшевые жакетки ; На реке ; Порой смешно, порою грустно... ; Руки хирурга ; Осеннее ; Мне не забыть вовек то утро... ; Дачное ; Про воробья ; После землетрясения.

Земная тяга : стихи // Амур. правда. – 1976. – 21 нояб. – С. 4.

Зимнее : стихи // Амур. правда. – 1978. – 1 янв. – С. 4.

Зрелости пора ; Движение ; Что людям отдано – твоё : стихи // Амур. правда. – 1971. – 31 дек. – С. 4.

И в столице порой выдаёт... : стихи // Амур. правда. – 1986. – 25 июля. – С. 4.

И всё же счастье в жизни есть... ; Когда я начал сердцем понимать... ; Не звездою залетною... ; Беда, как соль земная... ; В отпуске ; Просьба ; Черёмуха : стихи // Дал. Восток. – 1974. – № 4. – С. 76–77.

И лира, и чаша : стихи // Приамурье-2003. – Благовещенск : РИО, 2003. – № 6 (24). – С. 3–6. – Содерж.: В каких бы жизненных теснинах... ; Мелькнула в небесном тумане... ; Почтовый ящик, старый друг... ; Летняя гроза ; Лето ; Плюшевые жакетки ; Когда из операционной.. ; Песня ; Нагрянет полосой... ; Берега ; Просьба ; Помню я, как бабка Агриппина... ; Далянь ; На реке ; Оптимистическое ; Не обуздвать страстей природу...

И мне не позабыть мгновенье : [посвящение А. С. Пушкину] : стихи // Приамурье-2000 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 2000. – № 4 (22). – С. 82.

И мне не позабыть мгновенье : стихи // Амур. правда. – 1999. – 5 июня. – Прил.: с. 4. – (Глагол).

И мне не позабыть мгновенья... : стихи // Амур. правда. – 1989. – 8 марта. – С. 4.

Из детства : стихи // Амур. правда. – 1987. – 9 мая. – С. 4.

Из детства ; Плюшевые жакетки ; Просьба ; На реке ; Зимнее : стихи // Амур. правда. – 1994. – 5 янв. – С. 3.

Из новых стихов : стихи // Амур. правда. – 2008. – 9 авг. – С. 5. – Содерж.: Спазнавшись рано с бедами людскими... ; Нагрянет полосой период невезенья...

Из стихов о Корее : стихи // Амур. правда. – 1960. – 31 июля. – С. 4. – Содерж.: Алмазные горы ; на нейтральной полосе.

Из цикла «В гостях и дома» : стихи // Амур. правда. – 1989. – 4 февр. – С. 4.

Из цикла «На земле обетованной» : стихи // Приамурье-2008 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2008. – № 8 (26). – С. 87–98. – Содерж.: Далёко, далёко, далёко... ; Рождённый в Благовещенске, стою... ; День земли обетованной... ; И по годам давно не молод... ; Путём земного бездорожья... ; Он не страшился в жизни ничего... ; Огромный, моторный, крылатый... ; Это имя с детства грело душу... ; Филантроп ; Постскриптум ; Зима в Израиле ; Рефлексия.

Когда-нибудь, итожа путь... : стихи // Амурю правда. – 1973. – 22 июня. – С. 4.

Когда я начал сердцем понимать... ; Косички : стихи // Амур. комсомолец. – 1975. – 30 марта. – С. 4.

Когда я начал сердцем понимать... ; Не звездою залётною... ; Беда, как соль земная... ; В отпуске ; Просьба ; Черёмуха : стихи // Дал. Восток. – 1974. – № 4. – С. 76–77.

Кожан ; Устав гореть... ; Уснула дальняя слободка... : стихи // Победа. – 1971. – 6 февр. – С. 4.

Колокола : стихи // Амур. правда. – 1974. – 21 июня. – С. 4.

Коломенские дубы ; Берега : стихи // Амур. правда. – 1986. – 24 окт. – С. 4.

Колумб : стихи // Амур. правда. – 1988. – 13 нояб. – С. 4.

Коммунисты ; Фронтовой врач ; В одном ряду : стихи // Амур. правда. – 17 авг. – С. 4.

Коперник ; Жизнь людская – что волна морская... ; Твоя вседневная забота : стихи // Приамурье-2014 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 2014. – № 12 (30). – С. 108–110.

Костёр ; Донор ; Весеннее : [и др. стихи] // Благовещенск. – 2015. – 4 сент. (№ 34). – С. 6.

Костёр ; Чего не бывает в запале!... ; Кабы знать наперёд... ; Стареет век, и мы не молодеем... : стихи // Амур. правда. – 1982. – 29 авг. – С. 4.

Кушка ; Из поэзии прошлого... : стихи // Амур. правда. – 1988. – 26 июня. – С. 4.

Лето ; О славе и о власти... : стихи // Амур. правда. – 1979. – 26 авг. – С. 4.

Лирические миниатюры : стихи // Амур. правда. – 1982. – 21 нояб. – С. 4.

Март : стихи // Амур. правда. – 1982. – 8 марта. – С. 4.

Маска : стихи // Мед. газ. – 2001. – № 14. – С. 16.

Метель : стихи // Амур. правда. – 1981. – 1 февр. – С. 4.

Мечта : стихи // Амур. правда. – 1973. – 29 июня. – С. 4.

Мне не забыть во век то утро ; Далянь ; Куда с безоглядностью детской : стихи // Амур. правда. – 1998. – 8 авг. – С. 12.

Мне пережить бы эту зиму... : стихи // Амур. правда. – 1983. – 14 дек. – С. 4.

Мозаика : стихи // Амур. правда. – 1980. – 6 апр. – С 4.

Мой город ; Стai ; Позолота : стихи // Амур. правда. – 1978. – 12 сент. – С. 4.

Мой край ; Это – будет! : стихи // Амур. правда. – 1974. – 3 авг. – С. 4.

Мосты ; Полёт : стихи // амур. правда. – 1977. – 12 нояб. – С. 4.

На берегу : стихи // Амур. правда. – 1983. – 20 марта. – С. 4.

На Волочаевской сопке : стихи // Пограничник. – 1979. – № 4. – С. 50.

На Дунае ; В каких бы жизненных теснинах... ; Скользит по заливу «Ракета»... ; Права ты, диалектика, права... : стихи // Амур. правда. – 1981. – 9 апр. – С. 4.

На Дунае ; Порой смешно, порою грустно... : стихи // Сов. Примамурье. – 21 марта. – С. 4.

На земле обетованной : стихи // Амур : лит.-художеств. альм. – 2007. – № 6. – С. 7–10.

На земле обетованной : стихи // Дал. Восток. – 2008. – № 2. – С. 89–95.

На земле обетованной ; И по годам давно не молод... ; Иерусалим – город трёх религий ; Филантроп ; Постскриптуm : стихи // Амур. правда. – 2004. – 3 июля. – С. 6 – (Глагол).

На Кавказе : стихи // Амур. правда. – 1979. – 20 апр. – С. 4.

На кладбище ; В музее В. И. Ленина ; О лошадях : стихи // Амур. вести. – 1992. – 2 сент. – С. 3.

На «Скорой» : стихи // Амур. правда. – 1976. – 24 апр. – С. 4.

На «Скорой» ; Мой крест ; Плюшевые жакетки ; Звёзды ; День как день, и вдруг – как свечерело... ; И рядом был с его бедою... ; О славе и о власти... ; На реке // Приамурье моё – 1979 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1979. – С. 33–36.

На том стоит от века Русь : стихи // Амур. правда. – 1973. – 25 окт. – С. 4.

Нам её понять и не понять... : стихи // Амур. комсомолец. – 1972. – 13 авг. – С. 2.

Надежда : стихи // Дал. Восток. – 1993. – № 4. – С. 3–7. – Содерж.: Как на картине Васнецова... ; Я в юности был правым стариком... ; Ещё о лошадях ; После землетрясения ; Я рос в те годы на Амуре... ; Весна.

Напев ; Кожан : стихи // Амур. правда. – 1971. – 14 февр. – С. 4.

Непрекращающийся спор ; Творец нежданного подарка... : стихи // Приамурье-2010 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2010. – № 9 (27). – С. 190–191.

Новые стихи // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 2–4.

Новые стихи // Дал. Восток. – 1987. – № 2. – С. 104–105. – Содерж.: Мы автобусами ехали в горы... ; И в столице порой выдаёт... ; У телевизора ; Всё тот же сон из года в год...

Нулевые циклы : стихи // Амур. правда. – 1981. – 5 июля. – С. 4.

О времени и о себе : стихи // Приамурье-2000 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2000. – № 4 (22). – С. 39–40. – Содерж.: Не знаю, хорошо ли, плохо... ; Жизнь всё дороже и дороже... ; Пух тополиный ложится на землю... ; Уходит век неудержимо... ; После землетрясения ; Бывало всё – любовь, измена...

О времени и о себе ; Когда любимая ушла ; Жизнь всё дороже и дороже... : стихи // Амур. правда. – 1997. – 29 янв. – С. 3.

О жизни ; Донор : стихи // Амур. правда. – 1981. – 3 сент. – С. 4.

О любви ; О покое : стихи // Амур. правда. – 1981. – 13 окт. – С. 4.

О славе и о власти : стихи // Медик. – 1984. – 15 февр. – С. 4.

О счастье : стихи // Амур. правда. – 19 авг. – С. 4.

Обратное место : стихи // Амур. правда. – 1987. – 17 янв. – С. 4.

Один мечтает о квартире... : стихи // Ленинский путь . – 1969. – 24 мая. – С. 4.

Одна есть вера на земле... ; на скорой ; Мой крест ; Плюшевые жакетки : стихи // Амур. правда. – 1987. – 7 окт. – С. 4.

Одним лишь жизнь обременила... : стихи // Амур. комсомолец. – 1973. – 8 июля. – С. 4.

Ожидание : стихи // амур. правда. – 1959. – 18 янв. – С. 4.

Оптимистическое : стихи // Амур. правда. – 1983. – 18 сент. – С. 4.

Оптимистическое ; На берегу : стихи // Дал. Восток. – 1983. – № 10. – С. 103–104.

Опять под крылом неторопко... : стихи // Амур. правда. – 1982. – 12 июня. – С. 4.

Осеннее : стихи // Амур. правда. – 1974. – С. 4.

Отпускное : стихи // Амур. правда. – 1976. – 23 июля. – С. 4.

Отпусти меня в море... ; О секретах ; Сон : стихи // Амур. правда. – 1980. – 30 нояб. – С. 4.

Память детства : стихи // Амур. правда. – 1983. – 9 мая. – С. 4.

Перед стартом : стихи // Амур. правда. – 1974. – 13 апр. – С. 4.

Передний край : стихи // Амур. правда. – 1978. – 7 мая. – С. 3.

Передний край ; Встреча ; Плюшевые жакетки ; Ещё с времён Албазина... ; На реке ; Что же затуманился взор твой счастливый?... ; На улице ; Пейзаж заоблачных высот... : стихи // Дал. Восток. – 1979. – № 7. – С. 89–91.

Песнь земли : стихи // Амур. правда. – 1976. – 26 сент. – С. 4.

Песня о мире : стихи // амур. правда. – 1985. – 8 мая. – С. 4.

Пока душа жива : стихи // Дал. Восток. – 1983. – № 1. – С. 92–93.
–Содерж.: Костёр ; Чего не бывает в запале!... ; Дорожное ; Общественный транспорт измучит... ; Метель.

Помню я, как бабка Агриппина... ; Благовещенск ; На Амуре : стихи // Мой город : стихи и песни. – Благовещенск, 1998. – С. 27–31.

Порой смешно, порою грустно... : стихи // Амур. правда. – 1981. – 19 апр. – С. 4.

Последняя попытка ; Старушка : стихи // Амур. правда. – 1989. – 11 марта. – С. 4.

Праздник ; Встреча ; Плюшевые жакетки : стихи // Эхо прошедшей войны : сб. стихов амур. поэтов. – Благовещенск : [б. и.], 2000. – С. 32–38.

Притчи : стихи // Амур. комсомолец. – 1974. – 24 марта. – С. 4.

Про воробья ; Не спорь с ушедшими... ; Куда с безоглядностью детской ; Творя судьбу мою мирскую... : стихи // Амур. газ. – 1992. – 18–24 мая (№ 20). – С. 11.

Просьба : стихи // Авангард. – 1974. – 12 янв. – С. 4.

Профессия : стихи // Знамя Октября. – 1972. – 22 янв. – С. 4.

Разве для того вино в стакане... ; Как та далёкая звезда... : стихи // Амур. правда. – 1974. – 12 янв. – С. 4.

Раздумья : стихи // Амур. правда. – 1974. – 18 авг. – С. 4.

Раздумья : стихи // Амур. правда. – 1983. – 22 июня. – С. 4.

Родителям : стихи // Амур. правда. – 1975. – 28 мая. – С. 4.

С какой надеждой и волненьем... ; Когда из операционной... : стихи // амур. правда. – 1980. – 17 февр. – С. 4.

С какой надеждой и волненьем... ; Фронтовой врач ; О картошке ; Дачное ; Порой смешно, порою грустно... // Дал. Восток. – 1982. – № 1. – С. 13–14.

Сатирические миниатюры : стихи // Амур. правда. – 1982. – 19 сент. – С. 4.

Сверстнику ; такое время ; Элита : стихи // Амур. правда. – 1988. – 25 сент. С. – 4.

Себе ; Набравши быстро высоту... : стихи // Амур. комсомолец. – 1961. – 28 июня. – С. 4.

Сеть : стихи // Амур. правда. – 1979. – 24 окт. – С. 4.

Сказка детства : стихи // Амур. правда. – 1989. – 1 мая. – С. 4.

Слово ; Откровение : стихи // Амур. комсомолец. – 1991. – 12 окт. – С. 4.

Снег ; Когда из операционной ; В каких бы жизненных теснинах ; Прозрение ; Мой крест ; Руки хирурга : стихи // Амур. правда. – 1996. – 26 окт. – С. 14.

Снег ; На Волочаевской сопке ; Беда, как соль земная... ; Когда я начал сердцем понимать... : стихи // Амур. правда. – 1975. – 2 дек. – С. 4.

Солнышко во мне : стихи // Дал. Восток. – 2013. – № 3. – С. 132–136. – Содерж.: Зима в Израиле ; Вот такие в жизни перемены... ; на юге быстро гаснут зори... ; Рад встрече нашей всякий раз... ; С давнего, невесть какого года... ; Творец нежданного подарка.

Сонет : стихи // Амур. правда. – 1973. – 9 дек. – С. 4.

Спознавшись рано с бедами людскими... ; Нагрянет полосой период невезений... : стихи // Амур. правда. – 2008. – 9 авг. – С. 5. – (Глагол ; № 100).

Средь многих истин, познанных людьми... : стихи // Амур. правда. – 1974. – 30 нояб.

Старый дом ; Солдат в отпуске ; Матери : стихи // Амур. правда. – 1980. – 28 сент. – С. 4.

Стихи // Приамурье моё – 1983. – Благовещенск : Хабар. кн. издво, Амур. отд-ние, 1983. – С. 5–9. – Содерж.: В музее В. И. Ленина ; Талакан ; О картошке ; Сон ; Метель ; Нулевые циклы.

Стихи // Приамурье-1969. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1983. – С. 173–175. – Содерж.: Себе ; Привычка ; Мелькнула в небесном тумане... ; Летняя гроза : Альпинисты.

Стихи о моей профессии : стихи // Тихоокеан. Звезда. – 1973. – 8 апр. – С. 4.

Студёный день : стихи // Амур. правда. – 1979. – 1 янв. – С. 4.

Так мне хотелось... : стихи // Амуро правда. – 1963. – 25 авг. – С. 5.

Талакан ; Память детства : стихи // Амур. правда. – 1981. – 13 дек. – С. 4.

Твоё имя – прорыв вдохновенья : стихи : [посвящено А. С. Пушкину] // Амур. правда. – 1949. – 13 февр. – С. 3.

Творчество : стихи // Амур. правда. – 1972. – 10 дек. – С. 4.

Ты и природа : стихи // Амур. правда. – 1973. – 30 сент. – С. 4.

У Волочаевской сопки : стихи // Дал. Восток. – 1954. – № 4. – С. 148.

У Волочаевской сопки : стихи // Амур. правда. – 1975. – 25 февр. – С. 4.

У памятника герою : стихи // Амур. правда. – 1974. – 24 марта. – С. 4.

Увы, в дорожном нашем быте... : стихи // амур. правда. – 1985. – 17 февр. – С. 4.

Устав гореть, звезда погасла... ; До тебя, как до истины... : стихи // Амур. комсомолец. – 1974. – 26 янв. – С. 4.

Хирург : стихи // Ленинский путь. – 1975. – 12 дек. – С. 4.

Хирург ; Больная : стихи // Амур. правда. – 2003. – 27 дек. – С. 9. – (Глагол).

Чендин : стихи о Корее // Амур. правда. – 1960. – 12 июня. – С. 4.

Черёмуха : стихи // Амур. правда. – 1973. – 1973. – 29 июня. – С. 4.

Чтоб не играть в земной юдоли... : стихи // Амур. правда. – 1985. – 13 янв. – С. 4.

Школьные годы мои... : [стихи; биогр. справка] // Амур : лит.-художеств. альм. – 2003. – № 2. – С. 4–5.

Шутка : стихи // Амур. правда. – 1982. – 21 февр. – С. 4.

Юбилейное : стихи : [посвящение Амур. гос. мед. акад.] // Медик. – 2002. – 20 сент. – С. 2.

Юбилейное ; Весна в Приамурье ; Далянь ; Руки хирурга ; После землетрясения : стихи // Амур. газ. – 1992. – 31 авг.–6 сент. (№ 35). – С. 12.

Я был когда умным стариком... ; Как на картинке Васнецова... ; Весна на Амуре ; После землетрясения : стихи // Амур. правда. – 1990. – 19 окт. – С. 4.

Я в юности был правым стариком... ; Куда с безоглядностью детской... ; Далянь ; Не обуздать страстей природы... ; А небесным зодиаком... ; Творя судьбу свою мирскую...: стихи // Приамурье-95 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 1995. – № 1 (19). – С. 132–136.

Я знал, что выйду из тумана... : стихи // Амур. правда. – 1984. – 1 апр. – С. 4.

Я рос в те годы на Амуре : стихи // Амур. правда. – 1992. – 18 янв. – С. 4.

Я сам себя спросил однажды... ; Ещё зима, ещё морозы... ; Мелькнул в небесном тумане... ; Почтовый ящик, старый друг!... ; Ночная бабочка на свет... : стихи // Амур. правда. – 1968. – 15 июня. – С. 4.

Рассказы, мемуары

Акценты : рассказ // Амур. правда. – 1998. – 8 авг. – С. 12.

Бабье лето : романт. быль // Амур. правда. – 1997. – 29 янв. – С. 3.

Вечный двигатель : рассказ // Амур. правда. – 1989. – 11 нояб. – С. 4.

Всё бывает : рассказ // Амур. правда. – 1991. – 16 марта. – С. 6.

Жизнь продолжается : рассказ // Амур. правда. – 1990. – 15 сент. – С. 8.

Как это начиналось : из воспоминаний анестезиолога : мемуары // Приамурье-2001 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 2001. – № 5 (23). – С. 19–23.

Как это начиналось : воспоминания анестезиолога // Вестн. обл. больницы. – 2003. – № 20. – С. 22–23.

Не отвернись : рассказ // Амур. правда. – 1994. – 8 окт. – С. 7.

Первая победа : из воспоминаний анестезиолога // Амур. правда. – 2001. – 2 июня. – С. 8. – (Старая мельница).

Потерянный муж ; Райкин помог ; Фруктовый суп ; Ценитель талантов ; Шутник поневоле : рассказы // Приамурье-2012 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2012. – № 10 (28). – С. 220–224.

Родительский завет : рассказ // Амур. правда. – 1994. – 24 сент. – С. 7.

Святая простота : рассказ // Амур. правда. – 1990. – 10 февр. – С. 8.

Смертный грех : рассказ // Амур. правда. – 1998. – 7 окт. – С. 9.

Смертный грех : рассказ // Мед. газ. – 1999. – 26 нояб. – С. 4.

Первая победа : рассказ // Амур. правда. – 2001. – 2 июня. – С. 8. – (Старая мельница).

Первая победа : рассказ // Вестн. Амур. обл. больницы. – 2000. – № 11. – С. 26–28.

Точка опоры : невыдуман. Врачеб. рассказы // Приамурье-1998 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 1998. – № 3 (21). – С. 6–27.

Улыбки дальних странствий : рассказы // Амур. правда. – 2001. – 9 июня. – С. 8. – (Глагол).

Улыбки дальних странствий : рассказы // Приамурье-2001 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2001. – № 5 (23). – С. 23–26.

Урок честности : рассказ // Приамурье-2014 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск, 2014. – № 12 (30). – С. 110.

Укол ; «Прикольная» больница : рассказы // Амур. правда. – 1995. – 10 окт. – С. 5.

Публицистические статьи, очерки

В круге горизонта : [о кн. «Окоём» И. Ерёмина] // Амур. правда. – 1978. – 2 апр. – С. 4.

Живое слово : [о кн. «Земные корни» И. Ерёмина] // Амур. комсомолец. – 1973. – 9 дек. – С. 4.

Литературные встречи : [о писателях П. Комарове, Н. Задорнове, В. Сысоеве] // Дал. Восток. – 2012. – № 3. – С. 200–213.

Нашего полку прибыло! : статья : [о лит-художеств. альм. «Амур»] // Дал. Восток. – 2004. – № 1. – С. 231–232.

«Нет краше песни, чем здоровье...» : [О. Маслов о себе] // Проспект Пушкина. – 2003. – 29 авг. (№ 2). – С. 8.

Обретение имени : [о враче А.П. Ерёмиче – гл. враче гор. больницы, (1918–1920 гг.)] // Вестн. Амур. обл. больницы. – 2003. – № 20. – С. 27–28.

Обретение имени : [об А.П. Ерёмиче – гл. враче гор. больницы (1918–1920 гг.)] // Амур. правда. – 2002. – 19 окт. – С. 8. – (Старая мельница).

Певцы Дальнего Востока : [из воспоминаний] // Амур. правда. – 2007. – 19 мая. – Прил.: с. 3. – (Глагол ; № 77).

Прощай и здравствуй! : [о кн. стихов «Прощай и здравствуй!» И. Игнатенко] // Амур. правда. – 1995. – 25 нояб. – С. 9.

Поэт в России больше, чем поэт? : публицист. статья : [размышления об А. С. Пушкине] // Амур. правда. – 1999. – 4 апр. – С. 4.

Поэт в России больше, чем поэт? : публицист. статья : [размышления об А. С. Пушкине] // Приамурье-2000 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО. – № 10 (28). – С. 80–82.

Поэт в России больше, чем поэт? : публицист. статья : [размышления об А. С. Пушкине] // Проспект Пушкина. – 2004. – 2 апр. (№ 4). – С. 4.

Рождение альманаха : [об альм. «Амур»] // Амур. правда. – 2003. – 21 янв. – С. 3.

С чём век грядущий : публицист. ст. [об амур. лит.] // Амур. правда. – 1998. – 10 дек. – С. 2.

Слово к читателю // Маслов О. К. Избранное / О. К. Маслов. – Благовещенск : Зея, 2002. – С. 4.

Слово о родном городе : [к 143-й годовщине со дня основания г. Благовещенска] // Амур. правда. – 2001. – 14 июля. – С. 1, 4.

Смерть, не сметь жизнь сжигать! : очерк о поэте А. Брянском // Дал. Восток. – 2012. – № 2. – С. 173–183.

Шестидесятники : о времени и о себе : очерк // Новый Амур. комсомолец. – 2004. – 11 июня. – С. 5.

Рецензии на спектакли

«Барабанщица» : [о спектакле Амур. театра драмы «Барабанщица»] // Амур. комсомолец. – 1959. – 26 апр. – С. 3.

В жанре комедии : [о спектаклях Амур. театра драмы: «Сослуживцы» по пьесе Э. Рязанова и Э. Брагинского, «Рим, 17, до востребования» по пьесе М. Зарудного, «Трактирщицы» по пьесе К. Гольдони] // Амур. комсомолец. – 1972. – 28 мая. – С. 4.

В одной связке : [о спектакле Амур. театра драмы «Над пропастью» Н. Мирошниченко] // Амур. правда. – 1979. – 20 февр. – С. 4.

«Вендетта» : [о спектакле Амур. театра драмы «Вендетта»] // Амур. комсомолец. – 1963. – 26 апр. – С. 4.

Виток спирали : [о спектакле Амур. театра драмы по пьесе А. П. Чехова «Вишнёвый сад»] // Амур. правда. – 2001. – 31 мая – С. 3.

Время надежд : [о спектакле «Роковая ошибка» по пьесе М. Рощина Амур. театра драмы] // Амур. правда. – 1988. – 3 янв. – С. 2.

Встреча с героем : [о спектакле Амур. театра драмы «Сполохи» по одноим. повести Б. Машука] // Амур. комсомолец. – 1975. – 17 окт. – С. 4.

Дари тепло души своей : [о спектакле Амур. театра драмы «Звоните и приезжайте» по пьесе А. Алексина] // Амур. правда. – 1973. – 28 янв. – С. 3.

Ещё об «отцах» и «детях» : [о спектакле Амур. театра драмы «Криминальное танго»] // Амур. комсомолец. – 1969. – 18 мая. – С. 3.

Жанр – вещь не форматная : [о спектакле Амур. театра драмы «А поутру они проснулись» по рассказам В. Шукшина] // Амур. правда. – 1979. – 1 нояб. – С. 4.

Женитьба – дело серьёзное : [о спектакле Амур. театра драмы по пьесе Н. Гоголя «Женитьба»] // Амур. правда. – 2003. – 8 мая. – С. 9.

Жизнь – за правду : [пьеса А. Кудрявцева «Иван и мадонна» на сцене Амур. театра драмы] // Амур. правда. – 1986. – 23 мая. – С. 4.

И вновь начинается век... : [о спектакле Амур. драм. театра «Васса Железнова»] // Амур. правда. – 2002. – 15 марта. – С. 2.

Имя твоё – советский человек : [спектакль «Имя твоё» по одноим. роману П. Проскурина на сцене Амур. театра драмы] // Амур. правда. – 1981. – 5 февр. – С. 4.

Испытание войной : [о пьесе В. Розова «Вечно живые» на сцене Амур. театра драмы] // Амур. правда. – 1984. – 13 нояб. – С. 4.

История одного визита : [пьеса Э. Брагинского «Такой непонятный визит» на сцене Амур. театра драмы] // Амур. правда. – 1984. – 22 февр. – С. 4.

К нам приехал «Ревизор»? : [о премьере спектакля «Ревизор» в Амур. театре драмы] // Амур. правда. – 2000. – 5 февр. – С. 4.

Лица и маски : [о спектакле «Граф Монте-Кристо» в Амур. театре драмы] // Амур. правда. – 1982. – 2 дек. – С. 4.

Любовь побеждает смерть : [о спектакле Амур. театра драмы «Ромео и Джульетта»] // Амур. комсомолец. – 1970. – 29 мая. – С. 4.

Между двух берегов : [о спектакле Амур. театра драмы «Над светлой водой» по пьесе В. Белова] // Амур. правда. – 1980. – 25 февр. – С. 4.

Мёртвая хватка : [о спектакле Амур. театра драмы «Без перчаток» Д. Голсуорси – одном из лучших спектаклей года] // Амур. правда. – 1979. – 28 марта. – С. 4.

Мосты, соединяющие века : [о спектакле Амур. театра драмы «Мария Стюарт»] // Амур. комсомолец. – 1969. – 6 апр. – С. 4.

На золотом дне : [о спектакле Амур. театра драмы «Золотопромышленники» по мотивам произведений Мамина-Сибиряка] // Амур. правда. – 1979. – 3 февр. – С. 4.

На пороге жизни : [о пьесе «Порог» на сцене Амур. театра драмы] // Амур. правда. – 1983. – 14 мая. – С. 4.

На крутом переломе : [о спектакле Амур. театра драмы «Междудлиннями» по одноим. пьесе А. Штейна] // Амур. правда. – 1980. – № 20. – С. 4.

Накануне прозрения : [о спектакле Амур. театра драмы «Сочельник»] // Амур. правда. – 1988. – 25 окт. – С. 4.

Неразгаданное чудо : [о спектакле Амур. театра драмы «Панночка» Н. В. Гоголя] // Амур. правда. – 1989. – 12 мая. – С. 4.

Обнажение истины : [о спектакле Амур. театра драмы по пьесе С. Федотова «Обнажение»] // Амур. правда. – 1990. – 17 марта. – С. 4.

Обрести друг друга : [о спектакле Хабар. краевого театра драмы по пьесе С. Злотникова «Пришёл мужчина к женщине»] // Амур. правда. – 1990. – 25 мая. – С. 4.

Одоление себя : [о спектакле «Любовь преступника» Амур. театра драмы] // Амур. правда. – 2002. – 17 дек. – С. 3.

«Оптимистическая трагедия» : [о спектакле Амур. театра драмы] // Амур. комсомолец. – 1962. – 12 окт. – С. 4.

Опять шоу : [о спектакле Амур. театра драмы «Три мушкетёра»] // Амур. правда. – 1998. – 20 мая. – С. 3.

От однообразия к единству : [о 104-м сезоне Амур. театра драмы] // Амур. правда. – 1988. – 24 мая. – С. 3.

Пагубная страсть : [о спектакле Амур. театра драмы «Семья вурдалака»] // Моск. комсомолец на Амуре. – 2001. – № 19. – С. 19.

Перед московскими гастролями : [о подготовке Амур. театра драмы к гастролям в г. Москве] // Амур. правда. – 1983. – 24 мая. – С. 4.

«Пигмалион» – шоу : [о спектакле Амур. театра драмы «Пигмалион»] // Амур. правда. – 1996. – 15 дек. – С. 5.

Позднее прозрение : [о спектакле Амур. театра драмы по пьесе С. А. Найдёнова «Дети Ванюшина»] // Амур. правда. – 1985. – 29 мая. – С. 4.

Пробуждение чувств: [о спектакле Амур. театра драмы «Деревенский детектив»] // Амур. комсомолец. – 1969. – 8 марта. – С. 4.

Раскрытое окно : [о спектакле Амур. театра драмы] // Амур. комсомолец. – 1958. – 4 нояб. – С. 4.

Рассудите нас, люди! : [о спектакле Амур. театра драмы] // Амур. комсомолец. – 1964. – 18 марта. – С. 4.

Современный спектакль : [о пьесе К. Симонова «Парень из нашего города» в постановке Амур. театра драмы] // Амур. комсомолец. – 1963. – 16 окт. – С. 4.

Стать к барьеру : [о спектакле Амур. театра драмы «Дуэль»] // Амур. правда. – 1986. – 6 нояб. – С. 4.

Страсть, любовь и интриги : [о спектакле Амур. театра драмы «Стакан воды»] // Амур. правда. – 1999. – 12 янв. – С. 5.

Страх расплаты : [о спектакле Амур. театра драмы по пьесе Б. Рабкина «Час ночи»] // Амур. правда. – 1981. – 16 мая. – С. 4.

Трагедия предательства : [о спектакле Амур. театра драмы «Царская охота» по одноим. пьесе Л. Зорина] // Амур. правда. – 1980. – 6 дек. – С. 4.

У истоков предательства : [о спектакле Амур. театра драмы по кн. Владимирова «Особый район Китая»] // Амур. правда. – 1982. – 7 февр. – С. 4.

Уважать человека : [о спектакле Амур. театра драмы «Характеры» по мотивам рассказов В. Шукшина] // Амур. правда. – 1981. – 17 нояб. – С. 4.

«Украденное счастье» : [о спектакле Амур. театра драмы «Украденное счастье»] // Амур. правда. – 1995. – 9 дек. – С. 8.

Чудесная химия : [о спектакле Амур. театра драмы «Безобразная Эльза»] // Амур. правда. – 1991. – 22 янв. – С. 4.

Литература о жизни и творчестве О. К. Маслова

Алексеев, В. «Мой крест, тяжёлый крест...» : [о присвоении О. К. Маслову звания Почётного гражданина г. Благовещенска] / В. Алексеев // Благовещенск. – 1998. – 30 дек. – С. 14.

Баранова, А. Ушёл из жизни поэт О. Маслов : [некролог] / А. Баранова // Благовещенск. – 2015. – 29 мая (№ 21). – С. 6.

Бобошко, А. В Израиль Маслов улетел, но душой остался с нами : [беседа с О. Масловым] / А. Бобошко // Амур. правда. – 2005. – 8 сент. – С. 16.

Бобошко, А. Души и тела врачеватель – поэт прекрасный и писатель : [беседа с О. Масловым] / А. Бобошко // Амур. правда. – 2002. – 31 авг. – С. 8. – (Глагол ; № 14).

Бобошко, А. Еврейское счастье поэта : [творч. встреча О. К. Маслова с читателями в Амур. обл. науч. б-ке им. Н.Н. Муравьёва-Амурского] / А. Бобошко // Амур. правда. – 2008. – 9 авг. – С. 5.

Бобошко, А. Попал Маслов в... переплёт : [празднование 70-летия поэта и врача О. Маслова в Амур. обл. краевед. музее им. Н. Г. Новикова-Даурского и Амур. обл. науч. б-ке им. Н. Н. Муравьёва-Амурского] / А. Бобошко // Амур. правда. – 2002. – 3 сент. – С. 3.

Будем помнить! : [ушёл из жизни О. К. Маслов] // Амур. медицина. – 2015. – № 4/6. – С. 16.

В Благовещенске увековечили память врача и поэта О. Маслова : [открытие памят. доски в честь О. Маслова] // Амур. правда. – 2016. – 16 июня. – С. 2.

Верность слову и делу : лит.-краевед. Рассказ к 80-летию О. К. Маслова / МБУК «Межпоселен. Центр. Б-ка Ромнен. Р-на», Метод.-библиогр. Отд. ; сост. С. П. Ильина ; отв. за вып. Л. А. Грищенко. – Ромны : [б.и.], 2012. – 26 с.

Воронков, А. Олегу Маслову – 70 / А. Воронков // Благовещенск. – 2002. – 30 сент. – С. 6.

Ворошилова, И. И врач, и литератор борются с людской болью : [об О. Маслове] / И. Ворошилова // Амур. правда. – 2015. – 29 мая (№ 93). – С. 7.

Встреча памяти О. Маслова : [15 июня 2016 г. в актовом зале Амур. гос. мед. академии была зажжена свеча в память об О. К. Маслове – поэте и враче] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.libamur.ru>.

Георгиевский, Н. Вечный бой... : [о кн. стихов О. Маслова «Мой крест»] / Н. Георгиевский // Амур. правда. – 2003. – 27 дек. – С. 9. – (Глагол).

Георгиевский, Н. Право на счастье : очерк о жизни и творчестве О. Маслова / Н. Георгиевский // Переплетение судеб : очерки, интервью. – Благовещенск : Платина, 2013. – С. 35–47.

Демидов, С. Стихи, идущие от сердца : [о поэзии О. Маслова и В. Алюшина] / С. Демидов // Амур. комсомолец. – 1973. – 1 авг. – С. 4.

Ерёмин, И. Буди меня тревога : [о кн. стихов «Передний край О. Маслова】 // Амур. комсомолец. – 1980. – 26 окт. – С. 4.

Ерёмин, И. Новых вам успехов! : [о писателе А. Терентьеве и поэте О. Маслове] // Амур. комсомолец. – 1982. – 29 авг. – С. 4.

Игнатенко, И. Д. Верность слову и делу : [о кн. стихов О. Маслова «Передний край»] / И. Д. Игнатенко // Дал. Восток. – 1981. – № 3. – С. 148–150.

Игнатенко, И. Д. Зрелая мудрость поэта / И. Д. Игнатенко // Маслов О. К. Избранное / О. К. Маслов. – Благовещенск : Зея, 2002. – С. 3.

Игнатенко, И. Д. И лира, и чаша : [о творчестве О. Маслова, к 60-летию поэта] / И. Д. Игнатенко // Амур. правда. – 1992. – 1 сент. – С. 3.

Игнатенко, И. Д. Ипостаси творцов : [о поэте О. Маслове и писателе А. Терентьеве] / И. Д. Игнатенко // Амур. правда. – 1997. – 29 авг. – С. 3.

Игнатенко, И. Д. Мудрость поэта : памяти О. К. Маслова : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : альманах : лит.-художеств. изд. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 278–280.

Игнатенко, И. Д. Призываю творить добро : [о кн. стихов О. Маслова «Передний край»] / И. Д. Игнатенко // Амур. правда. – 1980. – 14 окт. – С. 4.

Игнатенко, И. Д. «Страшна не боль – анестезия для человеческой души» // Игнатенко, И. Д. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии / И. Д. Игнатенко. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 154–160.

Игнатенко, И. Сугубо личные заметки : [о кн. стихов О. Маслова «мой век»] // Амур. правда. – 1994. – 5 янв. – С. 4.

Игнатенко, И. Д. «Я пишущий врач» : [О. Маслову – 75 лет] // Амур. правда. – 2007. – 30 авг. – С. 24.

Кайда, А. Эра человечности : [о кн. стихов «Костёр» О. Маслова] / А. Кайда // Амур. правда. – 1985. – 28 апр. – С. 4.

Карунка, Т. Олег Маслов – пишущий врач / Т. Карунка // Благовещенск. – 2002. – 20 сент. – С. 6.

Кохно, В. Будем помнить! : [о поэте О. Маслове, о вечере памяти О. Маслова в Амур. обл. науч. б-ке] / В. Кохно // Деловое Приамурье. – 2015. – № 4 (67). – С. 57.

Кохно, В. Всех помню и люблю : [об амур. поэте О. Маслове, его жизни в Израиле, поездке в Благовещенск] / В. Кохно // Амур. дирижанс. – 2011. – 24 авг. (№ 34). – С. 5.

Кохно, В. Всех помню и люблю! : [о поэте и враче О. К. Маслове] / В. Кохно // Амур. медицина. – 2011. – 25 авг. – С. 9.

Кохно, В. Что отдано – твое! : [об амур. писателе, почет. гражданине г. Благовещенска, ныне проживающем в Израиле, О. К. Маслове] / В. Кохно // Деловое Приамурье. – 2011. – № 39. – С. 42.

Кошмак, Г. О чём болит сердце поэта? : [о кн. стихов «Лицом к лицу» О. Маслова] / Г. Кошмак // Амур. правда. – 1990. – 27 янв. – С. 8.

Красовская, С. И. Маслов Олег Константинович : [биогр. справка и список лит.] / С. И. Красовская // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманов. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – С. 250–252.

Кузнецов, А. Памяти врача и поэта : [об установке мемор. доски О. Маслову] / А. Кузнецов // Благовещенск. – 2016. – 22 апр. (№ 15). – С. 4.

Макарова : стихи : [О. К. Маслову посвящается] // Амур. правда. – 2002. – 31 авг. – Прил.: с. 8. – (Глагол ; № 14).

Малык, А. Олег Константинович / А. Малык // Амур. правда. – 1998. – 15 мая. – Прил.: с. 1. – (Старая мельница).

Маслов Олег Константинович : [некролог] // Амур. правда. – 2015. – 29 мая (№ 93). – С. 8.

Машук, Б. Наши юбиляры : [к 50-летию О. Маслова] / Б. Машук // Амур. правда. – 1982. – 29 авг. – С. 4.

Машук, Б. Олег Маслов – член Союза писателей СССР / Б. Машук // Амур. правда. – 1981. – 9 апр. – С. 4.

Недельский, Н. Эстафета добра : о творчестве О. Маслова / Н. Недельский // Приамурье-1995 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 1995. – С. 125–131.

Никтовенко, Е. : [О. К. Маслов] : [интервью с поэтом и прозаиком, канд. мед. наук] / Е. Никтовенко // Амур. газ. – 1991. – 5–11 авг. (№ 15). – С. 2.

Олег Маслов // Игнатенко, И. Неумолкающее эхо : амур. поэты о Великой Отечеств. войне : очерк / И. Игнатенко // Приамурье-2015 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2015. – № 13 (31). – С. 17.

Олег Маслов : «Иногда я забываю, что я за границей» : [беседа с поэтом и врачом] / провела В. Кохно // Амур. дилижанс. – 2008. – 27 авг. – С. 10.

Олег Маслов : «Я и впрямь попал в страну чудес...» : [беседа с поэтом и врачом] / провёл А. Бобошко // Амур. правда. – 2007. – 19 мая. – Прил. : с. 3. – (Глагол ; № 77).

Олег Маслов : «Я пишущий врач...» : [беседа с поэтом и врачом] / провёл А. Филоненко // Амур. правда. – 2000. – 9 дек. – С. 1, 3.

Памяти врача-поэта : мемор. доску в честь О. Маслова установят на больнице // Благовещенск. – 2016. – 10 июня (№ 22). – С. 14.

Паршин, Е. О. К. Маслов : [справка об О. Маслове] / Е. Паршин : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru>.

Пискеева, Г. Г. Изобразительные возможности местоимения : на материале произведений амур. поэта О. Маслова : факультатив. занятие по лингвист. краеведению в 6 кл. / Г. Г. Пискеева // Слово : фольклор.-диалектол. альм. – Благовещенск, 2007. – Вып. 5. – С. 203–207.

Пискеева, Г. Г. «Самая огнепышущая часть речи» : на материале произведений амур. поэта О. Маслова : факультатив. занятие по лингвист. краеведению в 6 кл. / Г. Г. Пискеева // Слово : фольклор.-диалектол. альм. – Благовещенск, 2007. – Вып. 5. – С. 200–202.

Поливан, Р. «Вечно только то, что человечно...» : [о творчестве О. Маслова] / Р. Поливан // Благовещенск. – 2015. – 4 сент. (№ 34). – С. 6.

Поливан, Р. В Израиле умер поэт О. Маслов / Р. Поливан // Амур. правда. – 2015. – 29 мая. – С. 7.

Поэзия Олега Маслова : беседа о поэт. творчестве О. Маслова // Приамурье литературное : внеклас. занятия по прогр. «Литературное краеведение» для 1–9 кл. ; в помощь дет. и школ. б-кам / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск, 2004. – С. 43–45.

Преловский, А. [О кн. стихов «Передний край» О. Маслова] / А. Преловский // Маслов, О. К. Передний край : стихи / О. К. Маслов – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1980. – С. 5.

Ривлин, А. Гимн профессии : [о первом сб. стихов О. Маслова «Моя профессия»] / А. Ривлин // Амур. правда. – 1973. – 31 авг. – С. 4.

Рыльский, В. Олег Маслов : [о поэте] / В. Рыльский // Комсомол. правда. – 2002. – 30 авг. – Прил.: с. 36. – (Комсомольская правда в Приамурье).

С берегов Амура : [информ. об обсуждении творчества О. Маслова на совете по поэзии СП РСФСР] // Лит. Россия. – 1984. – 6 янв. – С. 15.

Справка : [О. К. Маслов] // Благовещенск. – 2016. – 22 апр. (№ 15). – С. 4.

Телухова, В. Тёплая встреча : [О. Маслов в Благовещенске] / В. Телухова // Амур. дилижанс. – 2008. – 13 авг. – С. 5.

Федотов, С. : [Об О. К. Маслове] / С. Федотов // Проспект Пушкина. – 2003. – 29 авг. (№ 2). – С. 8.

Филоненко, А. Благовещенск и благовещенцы : [об О. Маслове и Г. Луцкове] / А. Филоненко // Моск. комсомолец на Амуре. – 2006. – 19–26 апр. – С. 20.

Филоненко, А. Щедрость души его : [о кн. стихов «В небесах, на земле и на море» О. Маслова] / А. Филоненко // Амур. правда. – 1998. – 8 авг. – С. 12.

Хоцкина, Т. Радоваться жизни : [беседа с О. К. Масловым о жизни и творчестве] / Т. Хоцкина // Амур. правда. – 1987. – 6 дек. – С. 4.

Черкесов, В. Что людям отдано – твоё : [о кн. стихов «Страда земная» О. Маслова] / В. Черкесов // Амур. правда. – 1976. – 10 янв. – С. 4.

Щербакова, О. И. Игровые начала в лирике О. Маслова / О. И. Щербакова // Лосевские чтения – 2008 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. – Вып. 1. – С. 23–31.

Информационно-методические материалы

Прилагаемый диск содержит:

- электронную версию информационно-методических материалов «Верность слову и делу. Памяти Олега Маслова»;
- фрагменты изданий О. К. Маслова;
- фотографии поэта;
- электронные презентации, посвящённые жизни и творческому наследию О. К. Маслова;
- документальные фильмы об О. К. Маслове: «Олег Маслов» (авторы – Анна Геут, Олег Лештаев, 2005), фильм, снятый в 2009 году в рамках авторской программы «Между тем...» Сергея Логвинова;
- материалы к вечеру памяти О. К. Маслова.

Примечание

Материалы сборника и диска не подлежат любому распространению и тиражированию.

Редакционно-издательский совет

Праскова О. С.

Гнускова М.И.

Кочнева Л. П.

Соломенник В.В.

Трофимова И. В.

Чеснокова М. К.

Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского

Тел/факс: (4162)23-73-90

E-mail: aonb@tsl.ru